

A full-page photograph of a military helicopter, possibly a Mi-8, flying over a rugged, mountainous landscape. In the foreground, three soldiers in camouflage uniforms and helmets are crouched in a grassy field, looking towards the helicopter. The background features steep, rocky mountains under a cloudy sky. The text 'Ю. Г. СИЛАЧЕВ' is printed in white with a black outline at the top center.

Ю. Г. СИЛАЧЕВ

ЭХО АФГАНА

Силачёв Ю.Г. Эхо Афгана. – Верхний Тагил: Уральское
Провинциальное Издательство (ИП Чумаков С. В.), 2022
UUID: a1cc2073-0345-4db9-8a65-0cc5cba6788a

Знак информационной продукции 16+

Оформление: ООО «Лица»

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

Книга выпущена в авторской редакции.

Электронное издание подготовлено на основе макета печатного издания.

Ю. Г. СИЛАЧЕВ

ЭХО АФГАНА

Москва, 2021

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ДРУГА, ПАВШЕГО СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

Беспутье... и горы делают страну весьма
пригодной для пассивного сопротивления.

Гордый и свободолюбивый характер
народа и огромная горная площадь
вполне гармонирует с этим бездорожьем,
делая страну очень трудной для завоевания,
а особенно — для удержания.

*Андрей Снесарев (1921 г.)**

Выражаю особую благодарность в помощи создания
этой книги: Юрию Давидовичу Кацу — доктору меди-
цинских наук, и своим родным — Кристине Сергеевне
и Любове Ивановне.

* Снесарев А. Б. Афганистан. М., 2002. С. 199. Первое издание
вышло в 1921 году. При Сталине автор был арестован и труд был
опубликован 80 лет спустя.

ОТ АВТОРА

Мой начальный литературный опыт ограничивался лишь написанием передовиц во все стенгазеты, редактором которых я был, начиная со школы, и своё литературное самообразование почерпнул в, основном, из «Литературной газеты», которую я выписывал постоянно. Я начал писать книги, имея за спиной большой запас жизненных событий, а также событий, вызванных особенностью моего несколько авантюрного характера, а также по большому настоянию моих друзей, которые видели во мне писателя: это Гершанович Гарольд Горациевич — Заслуженный геолог РФ, Почётный работник Мингазпрома, и Иванов Юрий Васильевич — Заслуженный энергетик РФ, директор самой крупной на Урале — Рефтинской ГРЭС. Тем не менее, я даже не знаю, существует ли особая техника, которой можно выучиться, техника, позволяющая правильно сочетать изложение внешних событий, с описанием чувств и мыслей, вызываемых ими; я задаюсь также вопросом, сумею ли я наделить слово надлежащим смыслом, смысл надлежащим словом, добьюсь ли того равновесия, которое всегда безотчетно ощущаю при чтении хороших книг. В своих воспоминаниях я часто пользовался не зыбкостью памяти, а зоркостью, которую знает только сердце. Каждый знает, что книги пишутся только ради того, чтобы и за пределами своей жизни оставаться близким

людям и тем оградить себя от неумолимого врага всего живущего — тлена и забвения. С годами память сгорает, как сухая трава от огня — говорил старый эвенк Улукиткан из повести Г. Федосеева «Последний костёр». Псевдоним основного героя книги, героически погибшего в Афгане — Кичигин Александр Иванович. Мы с ним ходили в горах в одной связке. Я не могу назвать его настоящее имя, так как на это нет разрешения его родных. Книга посвящена его памяти. Соблюсти историческую правду — задача просто невыполнимая — у каждого она своя, поэтому прошу и тебя читатель снисхождения. Даже серьёзные военные историки дают несколько версий и причин, какого либо события.

Например, о героическом восстании советских и афганских военнопленных 26 апреля 1985 г., содержащихся в тюрьме-крепости Бадабер стало известно, с большими оговорками, лишь после расследования Комитета ветеранов пол руководством Аушева в 2003 году! (только через 18 лет, когда не осталось очевидцев).

Сначала в крепости Бадабера располагался секретный пост американской разведки. Именно оттуда злополучный Гэри Пауэрс вылетел на U-2 и был сбит под Свердловском 1-го мая 1960 г.

Во время войны в крепости был солидный арсенал — хранили оружие и использовали в качестве тренировочной базы боевиков Раббани. С 1983 года стали свозить пленных, держа их в зинданах (ямы в земле).

12 советских солдат и 40 афганских солдат и милиционеров правительственных войск использовались на тяжелых работах. Вечером в пятницу 26 апреля ох-

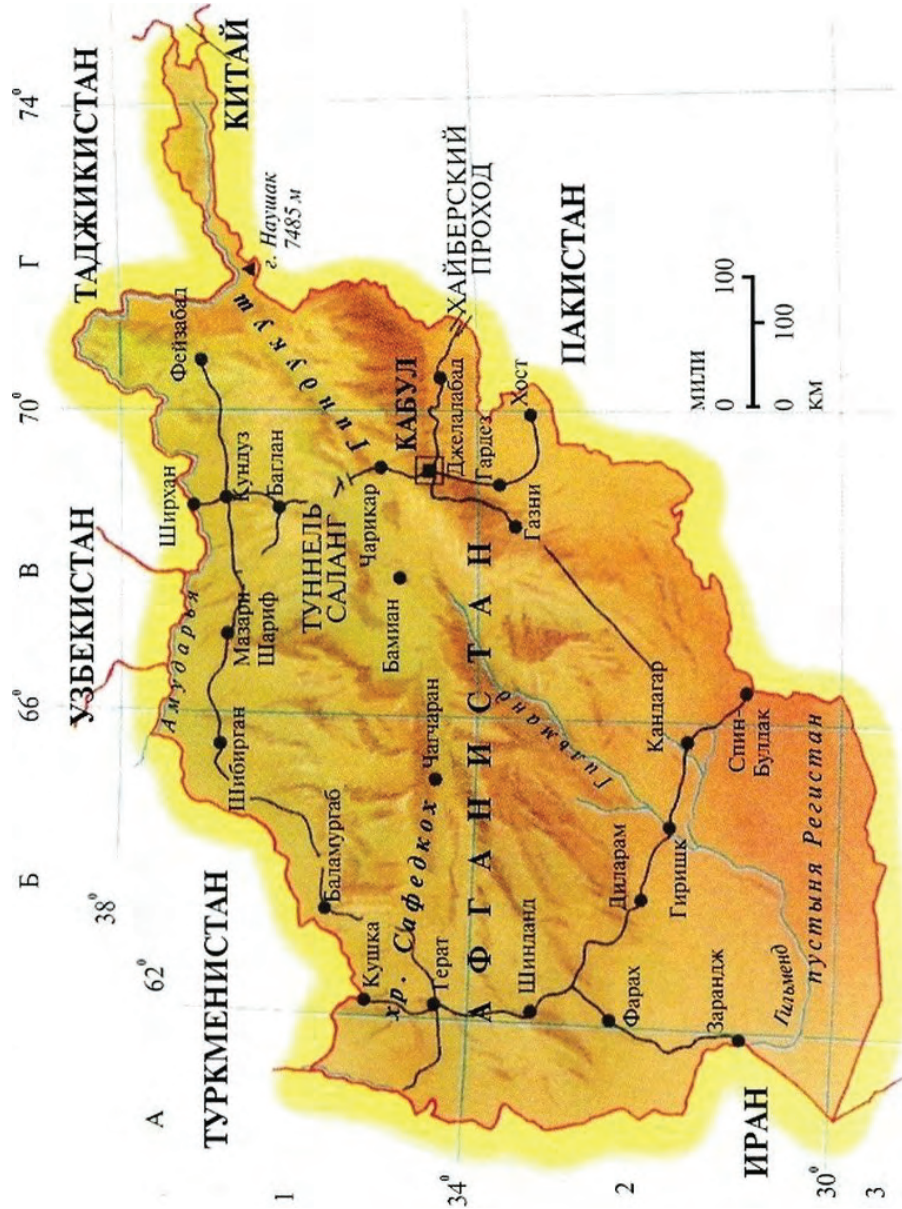
рана молилась на плацу и только двое остались сторожить пленных. Украинец — силач Виктор Духовченко скрутил их, другие захватили склад с оружием, но убежать не успели. Моджахеды окружили комплекс, а заключённые забаррикадировались на складе, выставив на крыше тяжелые пулемёты и миномёты. Были вызваны части пакистанской армии с танками и артиллерией, но все попытки вернуть крепость были отбиты.

На следующее утро начался полномасштабный штурм с применением артиллерии, танков и вертолётов. В конце-концов арсенал взорвали или восставшие или от попадания снаряда. Трёх пленников, оставшихся в живых, добили гранатами.

Было убито 120 моджахедов, до 90 солдат пакистанцев и 6 американских инструкторов.

Утверждалось, что 28 апреля американский спутник передал фотографии воронки диаметром семьдесят метров на месте лагеря. Территорию изолировали, и журналисты и иностранцы в её окрестности не допускались...

Часть описанных в книге операций в Афганистане имели место, но имена основных героев вымышлены и автор, извиняясь перед читателем, просит не делать ссылки на события, в которых принимали участие его герои.

I

Слово Афганистан переводится с пушту как земля афганцев.

Исламская Республика Афганистан расположена в Южной и Центральной Азии. Не имеет выхода к морю. На юге и востоке граничит с Пакистаном, на севере с Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном, на севере и юго-западе с Китаем. Основная территория покрыта горами. На севере и юго-западе имеются равнины. Столица город Кабул с населением более 1 миллиона человек. Площадь страны 652 кв. км. Население 38 млн человек. Государство разделено на 29 провинций — вилайатов и два округа центрального подчинения.

Горы и плоскогорья занимают 80% территории. Равнина — это большей частью каменистые пустыни и сухие песчаные степи. Восточные районы страны и с юго-запада на северо-восток пересекают массивные хребты Гиндукуша высотой более 4000—5000 м, а в пределах Ваханского хребта — более 6000 м. На границе с Пакистаном наивысшая точка — гора Наушак 7485 м.

От Хазараджата к юго-западу веерообразно расходится система более низких хребтов. Горы Парапамиз протяженностью 600 км и шириной 200 км, состоящие из двух главных хребтов: Сафедхок на севере и Сиахкок на юге, разделённых долиной реки Герируд.

На севере обширная Бактрийская равнина, имеющая уклон к долине Амударьи, переходящая в песчаную пустыню.

Сезон дождей с октября по апрель до 200 мм осадков в год. На юго-востоке — муссоны до 800 мм. На юго-западе в Систаме осадки вообще не выпадают.

Зима — средняя температура от 0 до -8 гр., (абсолютная -25 гр.)

Лето — средняя темп. 24—32 гр. (абс. 45 гр.) Часты землетрясения.

Основные реки — Амударья, Мургаб, Герируд, река Кабул — впадает в Инд, остальные теряются в песках или в бессточных озёрах.

На высоте 2400—3500 м хвойные леса (5%). В сухих степях — пырей, типчак. На южных склонах арчевые леса.

38% населения состоит из пуштунских племён исповедующих ортодоксальный ислам суннитского направления; 25% — таджики (там ислам умеренного толка); 9% — узбеки; 9% — хазарейцы, исповедующие ислам шиитского толка, из-за этого к ним относятся, как к людям второго сорта, им достаётся самая тяжелая, неквалифицированная работа, впрочем, они хорошие воины.

Язык — фарси, пушту и дари — близкие к фарси. 71,2% населения безграмотно.

История Афганской государственности начинается в 1747 году. Проживание этого народа было на территории знаменитого Шелкового пути. По дороге в Индию туда и обратно через эти земли проходили купеческие караваны из Ближнего и Дальнего Востока, из Европы.

Впоследствии этого горная территория стала для многих лакомым куском. В V веке до н.э. её завоевал персидский царь Дарий. На смену персам в 330 году до н.э. пришел Александр Македонский. Набеги арабов колоссально повлияли на культуру населения. Достижения македонского прошлого (эллинизм), других религий, зороастризм, буддизм и индуизм исчезли. След зороастризма остался только в названии месяцев года, а более поздние, — буддизм и индуизм подтверждаются археологическими находками. На протяжении столетий на территории Афганистана поочередно хозяйничали персы, индийцы, монголы.

С 1738 года персы управляли всем Афганистаном. В октябре 1747 года после убийства персидского правителя, афганцы выбрали своим лидером Ахмада Шаха. Он к 1751 г. завоевал территорию нынешнего Афганистана, плюс Пакистан, две провинции в Иране и Дели в Индии. Его сын Тимур Шах, унаследовав власть, перенёс столицу из Кандагара в Кабул.

Обеспокоенность англичан ростом влияния России в Азии, увенчалась двумя англо-афганскими войнами и попыткой персов вернуть себе Афганистан. Первая война (1835—1842 гг.) закончилась поражением англичан. Вторая война (1878—1880 гг.) разгорелась из-за отказа афганского правителя разместить британское посольство в Кабуле. В результате этих неурядиц трон получил Амир Абдур Рахман и при нём были установлены границы, сохранившиеся до нашего времени.

Как только русские укрепили свои европейские границы и защитили восточные и южные границы от ко-

чевников и татар, имперская логика — стремление к безопасности и расширению торговли — привела их в сибирские леса, а затем в обширные, но малонаселённые южные степи и пустыни. Воображение Петра I разжигали доклады о золотом песке в устье Амударьи — реки, впоследствии ставшей границей между Россией и Афганистаном. До него дошли слухи, что хивинский хан готов стать вассалом Петра в обмен на защиту от своих бунтующих подданных. Пётр приказал капитану лейбгвардии Преображенского полка Александру Бековичу-Черкасскому, бывшему кавказскому князю, принявшего православие, узнать подробности. Он выделил Бековичу крупный отряд — казаки и пехота, а также купцы, — с помощью которых тот должен был построить вдоль Амударьи крепости, убедить Хивинского хана помочь найти золото и открыть торговый путь в Индию. Бекович добрался до Хивы летом 1717 года. Хан сперва принял его радушно, но затем устроил резню и предательски убил его и его людей, набил голову Бековича соломой и отправил её Бухарскому хану. В 1728 году русские впервые столкнулись с афганской армией, вторгшейся в Персию. Русские победили.

К середине XVIII века русские осознали, что столкнулись с ещё одним противником, чьи имперские амбиции не уступали собственным. В дни Петра британцы в Индии были простыми торговцами. Но русские стали относиться к ним серьёзнее, когда Ост-Индская компания после битвы при Плесси (1717 г.) закрепилась в Индии, начала аннексировать туземные княжества, навязала свою гегемонию формально независимым ин-

дийским правителям и выдавила из страны французских, голландских и португальских соперников.

Ещё один франко-русский план возник в 1804 году, хотя две страны формально находились в состоянии войны, Павел I предложил Наполеону совместно напасть на Индию. Не дожидаясь ответа, царь велел Василию Орлову, атаману донского казачьего войска, отправить тринадцать полков «любою из трёх дорог или всеми вместе... прямо через Бухару или Хиву на реку Инд и на заведения аглицкие, на ней лежащие». В качестве награды Орлов мог заполучить все богатства Индии. Но беспокоило легкомысленное замечание Павла: «Карты мои идут только до Хивы и до Амурской реки, а далее ваше уже дело достать сведения до владений аглицких и до народов индийских, им подданных».

Орлов выступил посреди зимы, имея в распоряжении двадцать тысяч человек. За первый месяц его войско оголодавшее, не имевшее достаточных запасов провизии потеряло пятую часть лошадей и неизвестное число людей. Он не успел даже покинуть пределы империи, когда получил приказ повернуть назад. 11 марта Павел был убит: задушен министрами при попустительстве его сына и, как уверены русские, при соучастии британского посла.

Главным ведомством, отвечавшим за отношения с соседями России в Средней Азии, была Оренбургская пограничная комиссия. С 1825 по 1845 год её возглавлял генерал Григорий Генс, выдающийся учёный-востоковед. В 1834 году Генс послал молодого офицера — натурализованного француза Пьера Демезона, нарядивше-

гося муллой, выяснить всё, что возможно, о Бухарском эмирате. На следующий год он отправил Яна Виткевича, одарённого лингвиста. Он путешествовал в русской форме, но к своему огорчению обнаружил, что британский офицер Александр Берн добрался до Кабула прежде него. Однако, он добился договориться о подписании торгового соглашения с эмиром Дост-Мухаммедом, и вернулся в Оренбург вместе с афганским посланцем, который передал просьбу эмира о финансовой и дипломатической поддержке против британского вмешательства.

Но царское правительство, чтобы не злить англичан отозвало свои гарантии независимости Афганистана. Виткевич покончил с собой, а документы, которые он привёз из Афганистана, исчезли...

После 1857 года комиссию возглавил энергичный, честолюбивый Николай Игнатьев во многом способствовавший аннексии Средней Азии. Кстати, благодаря его дипломатии, выдержке и в то же время жесткого давления на китайских мандаринов, удалось утвердить границу между Россией и Китаем, которая с незначительными изменениями до сих пор остаётся в тех же, утверждённых тогда рубежах. В декабре 1864 года князь Александр Горчаков, российский министр иностранных дел, так описывал имперскую логику: «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твёрдой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых соглашений

всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными».

Таким образом, российскому правительству приходилось выбирать одно из двух: нести цивилизацию тем, кто страдает от варварского правления, либо допустить анархию и кровопролитие на своих границах.

«Величайшая трудность, правомерно заключал Горчаков, — выбрать верный момент, когда следует остановиться». И хотя аргументы Горчакова в защиту российской политики были своекорыстными, они были убедительны, что признавали даже англичане, противостоящие им с юга в этом регионе.

В конце концов, Россия заключила, что для защиты её интересов в Средней Азии дипломатии недостаточно. В последующие годы она аннексировала либо установила протекторат над всеми независимыми государствами Средней Азии: с Ташкентом (1865), Самаркандом (1868), Хивой (1873), и землями к востоку от Каспийского моря (1881—1885).

Русские, по мнению современного британского историка, были менее обременительны для Средней Азии, чем англичане для Индии: русские чиновники были более коррумпированы и менее эффективны, британцы же облагали местное население тяжкими налогами и были более склонны навязывать свою волю насилем. Самые жестокие события в истории российского завоевания в Средней Азии — захват генералом Скобелевым в 1881 году города Геок-Тебе и расправа с его жителями — бледнеет в сравнении с бойней, которую

учинили британцы в Индии после восстания сипаев в 1857 г. Аннексия Среднеазиатских владений для России обошлась сравнительно легко — малыми силами и без больших потерь. Военный историк Д. Я. Фёдоров писал, что... «русское владычество приобрело в Средней Азии огромное обаяние, потому что ознаменовало себя гуманным миролюбивым отношением к туземцам, и, вызвав сочувствие народных масс, явилось для них желанным владычеством».

Во время первой мировой войны Афганистан сохранял нейтралитет. Третья англо-афганская война разразилась в 1919 году при Аммануле хане и закончилась в том же году отказом Великобритании от вмешательства в политику этой страны. С тех пор дата 19 августа считается Днём независимости Афганистана.

Всегда Афганистан являлся дружественной для нас страной. В период СССР общая граница составляла около 2,5 тысяч километров, нас связывали добрососедские отношения. Начало полномасштабных отношений между Афганистаном и СССР стало возможным с 1919 года, когда после третьей англо-афганской войны страна приобрела независимость. Советское правительство первым признало независимость и полный суверинитет Афганистана. В 20—30-е годы XX века на основе двусторонних договоров и соглашений СССР оказал Афганистану значительную помощь в создании национальной экономики, вооруженных сил и подготовке национальных кадров. В послевоенные годы отношения между нашими странами активизировались. СССР предоставил значительные кредиты, строились промышленные

предприятия и дороги. Из существующих к 1978 году 2800 км дорог, имевших асфальтно-бетонное покрытие, с помощью СССР было построено 1500 км. Особая страница — сооружение тоннеля «Саланг» в 1959—1964 гг. Эта дорога с тоннелем, пробитым сквозь горный хребет Гиндукуш на высоте 3300 м, соединила Кабул с северными провинциями страны. К концу 1978 года при содействии СССР строилось 130 объектов, из которых 72 введено в эксплуатацию.

В 1925 году Амманулла Хан провёл ряд не совсем продуманных преобразований, в том числе:

- ввёл обязательное начальное обучение;
- отменил мусульманскую вуаль у женщин;
- открыл смешанные школы мальчиков и девочек,

что лишило его поддержки мусульманских лидеров и привело к восстанию 1928 года.

С начала 50-х гг. Афганистан стал стремиться к сближению с Советским Союзом и возможной изоляции от Пакистана, что вызвало экономический кризис.

В 1964 году была принята либеральная конституция двухпалатным органом, где одна треть депутатов была назначена королём. Тогда же под сильным идеологическим влиянием СССР была создана НДПА (Народно демократическая партия Афганистана), которая сразу раскололась на две конкурирующие партии: «Хальк» и «Парчам». 17 июля 1973 года бывший премьер-министр Мухаммед Сардар Дауд, в виду отсутствия короля, совершил бескровный переворот, отменив власть короля и конституции 1964 года объявив себя президентом и премьер-министром республики

Афганистан. В феврале 1977 г. была принята новая конституция. 28 апреля 1978 года НДПА уничтожила президента и его семью, свергла правительство. (этот переворот назвали революцией саур). 1 мая 1978 г. Тараки занял посты президента, премьер-министра и генерального секретаря НДПА. Хафизулла Амин стал фельдмаршалом, а с 1 марта 1979 г. также премьер-министром и вице-президентом высшего совета обороны. 14 сентября Амин сверг Тараки, лишив его жизни. НДПА внедрил в жизнь своё видение марксизма-ленинизма:

- закрыли мечети;
- мужчин обязали стричь бороды, а женщин от ношения чадры;
- запретили браки по принуждению;
- предоставили женщинам избирательное право;
- провели земельную реформу в духе социализма;
- привлекли советских специалистов с целью модернизации экономики. Новое правительство истребило от 10 до 27 тысяч человек, в том числе аристократов, религиозных деятелей, интеллигенцию, посадило в тюрьмы до 20 тысяч.

Репрессии вызвали беспорядки в 24 провинциях, и исламисты объявили священную войну — джихад.

8 мая 1978 года афганское правительство через посла в Кабуле официально обратилось к советскому правительству с просьбой срочно направить в Афганистан советских партийных, военных, хозяйственных советников, а также сотрудников КГБ для оказания помощи в организации органов безопасности ДРА.

5 августа было подписано соглашение о сотрудничестве между КГБ и органами безопасности ДРА, по оказанию советской помощи по линии разведки, контрразведки, в подготовке национальных кадров и оснащении средствами связи и техники.

27 ноября 1979 г. на самолёте АН-22 прибыли 120 человек для организации связи вооруженных сил ДРА и командования советских войск с военными советниками при дивизиях ВС ДРА.

Командующий Киевским военным округом генерал армии И. А. Герасимов на построении перед посадкой сообщил: «Родина поручает вам сложное задание, и вы должны выполнить свой воинский долг до конца».

Перед посадкой в самолёт каждому был вручён загранпаспорт гражданина СССР с визой Афганистана на полтора года.

В 10 провинциях Афганистана были созданы узлы связи по 12 человек. На каждый узел связи три армейских грузовика ГАЗ-66 — две аппаратных (радиостанции ЗАС) в кузове КУНГ, тентированный для разъездов. Все солдаты (в/с) до конца службы в Афганистане были в гражданской одежде.

II

В долине было ещё темно, но тонкая полоска утренней зари уже появилась над горизонтом, тайга ещё спала, объятая ночной прохладой. У догорающего костра на бревне сидели два подростка Юрий и Саша, запивая завтрак, горячим ароматным чаем, заваренным листьями дикой, очень пахучей смородины. Всё больше светало. Ну, пора, — сказал Саша и начал громоздить на спину громадный рюкзак. Пора, повторил Юрий и, одев, вслед за Сашей свой рюкзак, уверенно стал подниматься на гребень, уходивший на вершину горы, огибая восточную сторону и уходя на южную, невидимую снизу сторону. Наконец-то исполнилась их мечта последних лет, и они начали покорение самой высокой вершины Приполярного Урала, самой высокой горы Уральских гор, протянувшихся с севера на юг более чем на 2000 километров. Это была гора Народа (с ударением на первом слоге), высотой 1895 метров.

Они шли друг за другом, неспешно и молча. Теперь груз казался намного тяжелее, отяжелели и ноги, но они привыкшие ходить по горам с грузом старались не отдыхать. Когда они вышли на выступ террасы глубокого цирка, отрезающего пик горы с севера, был уже полдень. Здесь они устроили привал и лёгкий перекус бутербродами с сыром, запивая их чаем из термоса. Под ними,

на дне цирка был разбросан ряд малюсеньких озёр, солнечные блики с которых слепили как зеркала. Далее внизу лежала широкая долина, поросшая хвойным лесом и окаймлённая по бокам довольно крутыми увалами, у подножия которых текла река Народа. Их лагерь казался с высоты совсем крошечным, на поляне, вправленной в рамку из густых кедров. Казалось, на этом гладком зелёном поле именно и не хватало этого блестящего пятна — двухместной, лёгкой перкалевой палатки, которая называлась «гималайкой», чтобы природа долины похорошела. А дымок, что тонкой струйкой из обложенного камнями очага, вился в небо, напоминал о присутствии в этих первобытных горах человека.

Ребята были из небольшого уральского города Серова, расположенного на севере Свердловской области. В этом году они закончили 9-й класс. Несмотря на молодость, они имели уже солидный опыт восхождений и скалолазания. Лазить по скалам для них было также естественно, как ходить по земле. Страх высоты всегда присутствовал, но ещё больший страх был прослыть трусом, став объектом насмешек товарищей. Лазать по невысоким до 600 метров горам они начали с семи лет, не отставая от старших товарищей, когда пошли в школу. Приёмы и технику скалолазания они перенимали у старших товарищей. Начиная с пятого класса, они начали ходить в турпоходы под руководством опытных инструкторов и облазили все горы Свердловской области. Сначала их учили «ходить по азимуту» с компасом и картой, Разжигать костёр, ставить палатки, кашеварить и прочим необходимым в походах

премудростям. Конечно же, в первую очередь изучили самый красивый её район, называемый «Весёлые горы». Подъезжали туда на автобусе, а чаще на электричке. Восторг от вида этих гор был непередаваем: живописные развалины среди соснового леса, вершины которых были увенчаны гранитными скалами — останцами, или как их там называли — «шиханами», причудливых форм, напоминающих башни, замки или разных доисторических животных с соответствующими названиями: «Верблюд гора», «Медведь-камень», «Чертово городище», «Семь братьев» и т.п. Туристические навыки они получали не только в турпоходах, но и от своих отцов, которые тоже были друзьями и работали на металлургическом заводе в прокатном цехе. Они были заядлыми охотниками и рыбаками, отпуск всегда брали осенью и, естественно, ребята были их постоянными спутниками, которым уже в 13 лет были подарены старые отцовские курковые двуствольные «тулки» 16-го калибра и с тех пор на охоту с отцами они уже ходили на равных.

Учились ребята на хорошо и отлично, что требовали от них отцы и в награду за их успехи в школе брали их с собой в тайгу. В сезон заготовки кедровых орехов ребята по неделе жили в лесу в старой охотничьей заимке.

Взрослея, они усложняли свои маршруты, покорив на Среднем Урале самую высокую вершину — Ослынка (1119 м), а также гору Ортотеп (в переводе с манси — Гора Мёртвых), так как возле неё на перевале Дятлова в 1959 году самым загадочным образом погибли девять студентов из Свердловска (современный Екатеринбург),

причём это были далеко не первые и не последние её жертвы.

Страх они там не испытали, и даже сами, разыскав место их гибели, пытались разгадать эту загадку. Последняя гора, которую они покорили уже в этом году, потребовала от них немало мужества, так как была самой крутой и трудной для восхождения. Она называлась Манарага (1662 м) и наверху была усеяна сотнями острых скал до 100 метров высотой. В переводе с коми она называлась «Медвежья лапа», хотя издалека её длинная вершина была похожа на гребень игуаны. Отцы, отпуская их в горы, не очень представляли себе, что такое альпинизм и какую он таит опасность. Древние Уральские горы местами разрушены до полной равнины, поэтому философия большинства людей была такова: зачем и какой дурак полезет на скалу, если её можно спокойно обойти. Но ребят привлекал именно альпинизм, прочитав о нём все книги, которые они могли достать и уже прекрасно понимали, что легкомыслие здесь недопустимо. Поэтому их отцы, зная серьёзность и рассудительность ребят, гордились ими и спокойно поощряли их увлечение. Но они не знали, что для покорения последних гор была необходима обязательная регистрация в Национальном парке Югра-2, а восхождение только с инструктором-проводником. Здесь, воспользовавшись их простодушием, ребята слукавили. Юрий сделал запись в своём дневнике о предстоящем маршруте, зная, что в дневник могут заглянуть, только если они не вернутся домой через неделю.

У Юрия в Серове работал дядя начальником геологической базы, который снабжал их картами на предполагаемый маршрут. Как известно, самые лучшие и подробные карты всегда у геологов, и хранятся они в сейфе секретной части, но дядя — Николай Иванович, — всегда шел им навстречу, делая для них выкопировки маршрута. До ближайшего жилья от горы Народа они доехали на перекладных, и оставшуюся часть маршрута, без малого ста километров проложили с помощью советов Николая Ивановича. К концу третьего дня были у горы, по пути успешно форсировав две приличных речки, в том числе и реку Народа с помощью, взятой с собой камеры от самосвала.

Через бинокль долго высматривали и выстраивали маршрут по горе. Их смущало то, что сверкающая на солнце вершина, очевидно, покрыта льдом и с восточной стороны имеет приличные вертикальные стены, а для этого у них не было альпинистского снаряжения: ледорубов, триконей, крюков и карабинов.

Была только бухта верёвки длиной 30 метров. Они решили идти по гребню, дугою опоясывающую гору, зайти на южную сторону, на которой ледник, предположительно, должен быть гораздо меньше.

Так оно и оказалось, помучившись на вертикальных складках, страхуя себя верёвкой, ребята поняли, что без альпинистского снаряжения восточная сторона недоступна, они немного спустились вниз и пошли в обход на южную сторону. Там, найдя вполне доступное для восхождения место, решили заночевать на удобной площадке, чтобы встретить утреннее солнце на вер-

шине горы. Первоначальная задумка — покорить гору за один день не получилась, но они не унывали, так как были готовы к ночёвке, и у них было много тёплых вещей, и не было комаров и гнуса, облепляющих внизу руки и лицо. После чая, который они с трудом вскипятили на костре из моха, спали крепко, что даже лёгкий морозец был не в силах их разбудить. Но утром, чуть посветлело, они уже были на ногах и, выпив из термоса чаю, продолжили подъём по кулуару (желоб между скал, по которому, обычно, скатываются лавины). Снег на южной стороне действительно залегал намного выше, и, пройдя по нему, они совсем немного не достигли вершины, до которой было ещё сорок метров подъёма, но он шел по гладкому, как стекло льду. Топором, прорубив несколько десятков ступеней, они поднялись до небольшой площадки и там, под ярким солнцем, сделали несколько снимков. Последний подъём, они страховались верёвкой. Они были счастливы. Подъём с западной стороны оказался совсем нетрудным: скал почти не было, почти весь подъём проходил по «курумнику» (мелкая, каменистая осыпь) и лишь далеко внизу виднелись «чемоданы» — крупные камни. Очевидно, с той стороны от Национального парка Югра-2 сюда поднимались туристы. Эта сторона ещё находилась в тени и местность плохо просматривалась. Зато с востока, перед ними на десятки километров в совершенно прозрачном воздухе расстилалась великолепная панорама: десятки ручьёв и речек пересекали долины и катились, сливаясь в более крупные, стремились на восток в бассейн реки Оби. Лишь где-то там, на 300 километров южнее, одной

реке Чусовой удалось, воспользовавшись тектоническим разломом посередине Уральского хребта, ускользнуть с востока на запад, сначала в Белую, затем в Каму и, наконец, в Волгу, проточив в нём русло, оставив после себя вертикальную стену.

Окинув ещё раз восхищённым взглядом горизонт, ребята пошли на спуск. Достигнув места, где началась растительность — корявые сосенки, они набрали сучьев, сварили из брикета гречневую кашу и хорошо перекусили. Они исполнили свою мечту, покорив «Крышу Урала» и эмоции их переполняли. Покорив эту гору, они сами навсегда были покорены её красотой. Следующая их мечта была попасть в альпинистский лагерь на Эльбрусе — самой высокой горы Европы и там, получив настоящее альпинистское образование, покорить эту гору и двигаться потом всё дальше и выше. Сначала они должны окончить школу с медалями, а потом их отцы — Гудков Иван Иванович и Кичигин Данила Иванович в подарок возьмут в профкоме путёвки в альпинистский лагерь, а они, обычно, спросом не пользовались и уже заранее были заказаны. А пока они должны подготовить себя физически, что они постоянно и делали. Сдали на отлично нормы ГТО

II ступени, развивали руки и пальцы для будущего скалолазания, подолгу отжимались и висели на перекладине, поочерёдно каждым пальцем подтягивали до пояса сначала пудовую, а затем и двухпудовую гирию. А кроме того они занимались с шести лет в детско-юношеской спортивной школе и играли в хоккей уже по второму разряду и на них «положил глаз» тренер сборной

команды города, игравшей во втором эшелоне чемпионата страны.

Возвращение домой не прошло без приключения, над которым они потом долго смеялись. Вернувшись в лагерь, они обнаружили, что там «похозяйничал» медведь — порвал палатку, уничтожил запас продуктов, даже изгрыз банки тушенки и сгущенного молока. Это их не расстроило. В тайге с голода не помрёшь. У них есть ружьё, а над козырьками фуражек были намотаны лески с крючками и «мушками» на хариуса. Потом они обнаружили, что медведь их преследует. Пришлось пугнуть его, выстрелив в воздух. Удирал он с большой скоростью, не выбирая дороги так, что треск стоял долго. Форсировав последнюю речку, камеру бросили и на легке с большей скоростью возвращались домой. Дома долго ахали над фотоснимками скал и ледника горы Народа.

III

К началу 70-х годов в Афганистане сложились многие элементы современного государства. В стране было относительно безопасно: можно было путешествовать, устраивать пикники, осматривать достопримечательности. Иностранцы, которые жили в Кабуле в последние дни перед коммунистическим переворотом — дипломаты, учёные, бизнесмены, учителя, сотрудники правительственных организаций, хиппи, потом вспоминали то время, как золотой век, так же считали многие представители очень тонкой прослойки афганского среднего класса, жившие в Кабуле и нескольких других крупных городах.

В 70-х годах большая часть старого Кабула сохранялась — муравейник улиц, базары, мечети, над которыми возвышалась величественная крепость Бала-Хиссар. Это место, по мнению императора Бабура, отличалось «самым приятным климатом в мире... за день здесь можно доскакать до места, где снега никогда не бывает. Но за два часа можно добраться туда, где снега никогда не таяли».

В центре города стоял хорошо укреплённый дворец Арк, построенный Абдуррахманом и ставший свидетелем массы крутых поворотов афганской политики. Аманулла-хан, внук Абдуррахмана, заказал европейским

архитекторам план новой, монументальной столицы — громадного дворца Дар уль-Аман на юго-западной окраине города, а также летнего пансионата в деревушке Пагман на ближайшей возвышенности, где нашлось место коттеджам в швейцарском стиле, театру, Триумфальной арке, полю для гольфа и треку для гонок на слонах. Через дорогу от дворца Дар уль-Аман, стоял Кабульский музей, открытый в 1924 году. Там хранилась одна из богатейших коллекций среднеазиатского искусства: каменные инструменты из Бадахшана возрастом около сорока тысяч лет, золотой клад из Баграма, стекло из Александрии, греко-римские статуэтки, индийские панели из слоновой кости, исламские и доисламские предметы обихода из самого Афганистана, одно из крупнейших в мире нумизматических собраний и более двух тысяч редких книг. На северной окраине Кабула находилось грандиозное британское посольство, символ английской мощи, построенное в 20-х годах прошлого века. Не менее масштабное советское посольство располагалось в юго-западной части города, по дороге к Дар уль-Аману.

«Кабул, — говорилось в путеводителе, выпущенном при поддержке Туристического бюро Афганистана, — это быстрорастущий город, где высокие современные здания поднимаются посреди оживлённых базаров и широких проспектов, заполненных потоком блестящих тюрбанов и расписных чапанов в полоску, школьниц в мини-юбках, привлекательных лиц и несущегося транспорта».

В те дни Кабул стоял на краю «тропы хиппи», и тысячи романтически настроенных, зачастую легкомыс-

ленных молодых искателей приключений хлынули в Индию по дороге из Ирана, идущей через Герат и Кабул. Они водили разбитые автомобили, которые часто ломались и попадали в заботливые руки изобретательных местных механиков. Хиппи искали просветления, наркотиков и секса, не имели ни гроша и порой расставались на этой дороге с жизнью.

Но за этим хрупким фасадом скрывался подлинный Афганистан, страна набожных простых людей. Страна, где споры между соседями, семьями, кланами и племенами по-прежнему разрешались насилием, где женщины всё ещё полностью находились под властью мужчин, где предписания кабульского правительства редко когда выполнялись и где понятие принадлежности к нации, а не только к семье или племени, не было популярным.

С появлением советских войск в 1979 году хиппи покинули страну. Но если забыть о нашествии и некотором ущербе, причинённом во время боёв, жизнь в Кабуле во многих отношениях оставалась неизменной. «Даже тогда, — вспоминала одна женщина, — мы по-прежнему ходили в школу. Женщины работали преподавателями, врачами, чиновницами. Мы ездили на пикники и вечеринки, носили джинсы и короткие юбки, и я думала, что поступлю в университет, как моя мать, и буду зарабатывать себе на жизнь».

Джонатан Стил, британский журналист, который оказался в Кабуле в то время писал: «В 1981 году в двух кабульских университетах были толпы студентов — как, впрочем, и студентов. Большинство ходило по кампусу даже без платка. Сотни людей ездили в советские

университеты изучать инженерное дело, агрономию и медицину. Банкетный зал кабульского отеля по вечерам пульсировал волнением свадебных торжеств. Рынки кипели. Из Пакистана шли караваны раскрашенных грузовиков, доставлявших японские телевизоры, видеомагнитофоны, камеры и музыкальные центры. Русские не предпринимали ничего, чтобы положить конец этому динамичному частному предпринимательству».

Как писала одна журналистка через несколько месяцев после ухода русских в Кабуле, «хотя он ещё и находился на военном положении, царил праздничная атмосфера. Это был июнь, месяц свадеб, когда цветы наполняют воздух ароматами, река Кабул набухает от талого снега, и я сидела на солнце, облизывая мороженое в университетском кафе вместе с бойкими молодыми женщинами на высоких каблуках. Среди них были крашенные блондинки, и заметная грудь одной из них была обтянута футболкой с надписью — «Этот идиот не со мной». Я танцевала на вечеринке в квартире одного знакомого чиновника. Известная певица по имени Ваджиха брэнчала на гитаре, постоянно затягиваясь сигаретой. Единственными реальными признаками войны, если не считать множество мужчин и женщин в военной форме и гул самолётов, были очереди на рассвете у пекарен: люди ждали дневных рационов, по пять лепёшек наан на семью, а также музыка и идеологические лозунги из динамиков, висевших на деревьях по всему городу. Порой эти трансляции, как ни странно, перемежались утренней зарядкой и музыкальной темой из «Истории любви».

Но рай был уже утрачен. Гражданская война, разразившаяся после ухода русских, превратила Кабул в руины, а «Талибан», положивший этой войне конец, покончили и со старой жизнью. Дворцы и гостиницы были разрушены, музей разграблен, а музыка, танцы и образование для женщин канули в лету».

В сентябре 79-го в Москву прилетел Нур Мухаммед Тараки неисправимый идеалист, романтик, так наивно верящий в социалистическую мечту, он возвращался на родину после 6-й конференции глав государств неприсоединившихся стран на Кубе. Находясь под впечатлением эмоционального темпераментного выступления Фиделя Кастро, афганский лидер с увлечением рассказывал Брежневу об успехах социалистического строительства в его феодально-рабовладельческой стране.

В стране, где всех асфальтированных дорог было около двух тысяч километров, где девяносто процентов населения было неграмотным, мечтатель Тараки вдохновенно говорил о строительстве светлого будущего, для чего первоначально:

- закрыли мечети;
- мужчин обязали стричь бороды, а женщин от ношения чадры;
- запретили браки по принуждению;
- предоставили женщинам избирательное право;
- провели земельную реформу в духе социализма и модернизацию экономики с привлечением советских специалистов.

Всего за восемь месяцев семьдесят девятого Афганистан зеркально повторил все ошибки советского строя, сразу за десять-пятнадцать лет!

Конфисковав почти шестьсот пятьдесят тысяч гектаров земли у крупнейших землевладельцев, феодальной знати, её раздали крестьянам.

Двести девяносто семь тысяч крестьянских семей получили земельные наделы, которые тут же начинали отбирать в сельскохозяйственные кооперативы. Всё это вызвало серьёзное недовольство населения и особенно отразилось на армии.

Это стало началом трагедии Афганистана.

Улыбающийся и счастливый Тараки, встречавшийся с лидером одной из двух великих держав, ещё не знал, что на родине его ждут мятежники. Что спустя несколько дней его арестуют, сместив со всех постов. Жить ему тогда оставалось не более месяца.

Но об этом не знал и Леонид Брежнев, справедливо считавший Афганистан своим сателлитом, почти монголией на южных рубежах огромной империи. Об этом не знал даже Юрий Андропов, всезнающий и обо всём осведомлённый председатель КГБ СССР.

Резиденты ГРУ и КГБ также не заметили, как Х. Амин и его люди под прикрытием пустых идеологических лозунгов готовит военный переворот.

Разгневанный Андропов отозвал три четверти своих резидентов, наказал многих аналитиков в собственном аппарате и начал готовить операцию по смещению Амина.

Но в Афганистане уже сидел Хафизулла Амин. Брежнев, не понявший, что произошло, по совету Громы-

ко поздравил Амина с «избранием» на высокие посты в партии и государстве.

После получения телеграммы Брежнева осмелевший, и обнаглевший Х. Амин приказал умертвить своего предшественника, которого просто вывезли в мешке и 8 октября убили.

Шла элементарная борьба за власть в «феодално-социалистическом обществе», лишенном какого-либо подобия демократии.

Х. Амин просил Советский Союз ввести войска, поскольку он уже не мог контролировать границу с Пакистаном.

Всего таких просьб было двадцать.

Председатель Совмина А. Н. Косыгин делал всё, чтобы убедить Тараки, а затем и Амина, чтобы отказаться от ввода войск.

Но затем наложились друг на друга сразу несколько событий, круто изменив мировую историю.

26 марта 1979 года в Вашингтоне Президент Египта Анвар Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин подписали Кэмп-Дэвидское соглашение, нанеся этим сокрушительный удар по позициям СССР на Ближнем Востоке. «Почётный гражданин Израиля» Андрей Громыко воспринял это как личное оскорбление.

Затем произошла революция в соседнем с Афганистаном — Иране, где свергнув шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, под руководством Аятолла Хомейни была создана исламская республика, способствующая усилению исламистов в Афганистане.

В Турции уходит в отставку левоцентристское правительство Б. Эджевита и американцы перебрасывают туда несколько авиационных эскадрилий, сосредоточив их непосредственно у границ Ирана и СССР.

В начале декабря, несмотря на бурные протесты Советского Союза, сессия НАТО принимает решение о развёртывании новых систем ракетно-ядерного оружия средней дальности (Першинг-II), направленных на Советские города.

Все эти события серьёзно ослабили позиции СССР, как супердержавы. Страдают геополитические и экономические интересы империи. 19 марта 1979 года на заседании Политбюро Л. Брежнев сказал: «... был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну. Надо объяснить афганским товарищам, что мы можем помочь им всем, что необходимо... Участие наших войск в Афганистане может нанести вред не только нам, но и прежде всего им».

Вводу советских войск были заинтересованы американцы, чтобы восстановить свои позиции в Пакистане, так как это привлечёт в страну американских специалистов и заставит Пакистан принять прозападные позиции.

12 декабря под давлением Андропова, Громыко (последние события и две ноты подряд превращают «миротворца» Громыко в оголтелого ястреба), М. Суслова, Дмитрия Устинова было принято решение о вводе войск. Однако историки, основываясь на дневниковых за-

писях Брежнева, полагают, что Политбюро 12 декабря не заседало, а решение было утверждено 13 декабря (задним числом), в ответ на размещение в Европе 600 ракет «Першинг-II».

По свидетельству начальника Главного оперативного управления — первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР В. И. Варенникова, единственным членом Политбюро, не поддержавшим Решение об отправке Советских войск в Афганистан, был А. Н. Косыгин, и с этого момента у Косыгина произошел полный разрыв с Брежневым и его окружением. Он видел последствия этой войны, давшим толчок, в конечном итоге, к развалу СССР.

Против ввода войск был также начальник Генерального штаба В. Н. Огарков, имея острые споры с Министром обороны Д. Ф. Устиновым. Также против ввода войск были С. Ф. Ахромеев, В. И. Варенников, Е. И. Примаков, О. Г. Богомолов, но они тогда ничего не решали.

IV

Наконец-то Саня и Юрий окончили десятый класс и получили аттестаты зрелости. На громадной Преображенской площади города Серова вместе с одноклассниками отпраздновали выпускной бал, где там же у фонтана в честь окончания школы впервые в своей жизни выпили водки. Милиция тогда смотрела на эти «мероприятия» сквозь пальцы. Когда начало розоветь на востоке пришло решение встретить восход солнца на пруду и все побежали к лодкам. У многих на причале были собственные лодки.

Когда строили Надеждинский завод, то перекрыли реку Какву, и образовалось большое водохранилище, вода которого приводила в движение молоты и прокатные станы металлургического завода. Теперь всё это приводится в действие электродвигателями, а водохранилище служит прудом-охладителем для турбин Серовской тепловой электростанции, отчего его вода не замерзает в самые лютые морозы.

Конечно, появилось много желающих искупаться в тёплой воде. Бурное веселье закончилось тем, что некоторые девушки, не имеющие купальников, попрыгали в воду в своих бальных платьях, а также в знак солидарности и ребята в костюмах, впервые надевшие галстуки, также искупались в пруду.

Медали Саня и Юрий не получили, у обоих в аттестатах были по две четвёрки. Однако успехами сыновей родители были довольны и категорически выступили против «натяжки» оценок до медали. Они как будто знали, что математика будет основной дисциплиной при поступлении в Уральский политехнический институт в Свердловске на самый престижный (для ребят) факультет — «Электрометаллургия стали и ферросплавов». После окончания УПИ они также мечтали вернуться в Серов и поступить также на самый престижный Серовский завод ферросплавов, где наилучшие условия работы, выше культура производства и заработка, где молодым специалистам сразу давали квартиры.

Их отцы в декабре 1945 года при наступлении призывного возраста ушли со своего завода добровольцами на фронт, хотя имели бронь. Успели принять участие в битве за Берлин, а затем и в войне с Японией — в Манчжурии. Женились они поздно, дружили семьями и любили «приняв на грудь» поговорить о политике.

Кичигин Иван Данилович не мог простить советской власти гибель своих родителей, которые были раскулачены в Курской губернии только за то, что у них была своя сеялка и молотилка. Не позволив им взять практически никаких вещей, семья была выслана в Надеждинск на строительство механического завода, где той же зимой от холода и голода умер младший брат Ивана, а потом один за другим отец и мать.

Чуть живого Ивана Даниловича взяла к себе семья Гудкова, где его ровесником был единственный сын, тоже Иван. Они выросли вместе, как родные братья,

любя и защищая друг друга. Иван Иванович всегда переживал, что смелые высказывания его побратима о несогласии с советской властью когда-нибудь дойдут до заинтересованных ушей. Но Бог миловал. Уже в старших классах вооружившись политэкономией, Александр пытался перевоспитать отца, но все его доводы отец разбивал простыми и убедительными примерами, так, что выхода из тупика Саша не видел и снова пытался найти ответы в марксистской литературе. Всё это кончилось тем, что у него самого стали появляться «крамольные» мысли, которые он объяснял своей политической незрелостью. Юрия эти вопросы совершенно не интересовали, ему просто казалось, что Иван Данилович — мужик с причудами.

До начала экзаменов в УПИ ребята по путёвке уехали на три недели в альпинистский лагерь «Эльбрус». От селения Терскол вместе с другими альпинистами они поднялись к «Приюту одиннадцати» — этой огромной металлической трёхэтажной полубочке, похожей на космический корабль, они пришли уже в сумерках. Это стало местом их акклиматизации и тренировок.

Утром, после завтрака и собеседования им выдали необходимое снаряжение: рюкзак, удобную ветровку, специальную обувь, подбитую шипами в форме трёхзубчатой гребёнки (трикони), верёвки, ледоруб, кошки (особые крючки), шлямбуры и молотки для их забивания, палатки, спальные мешки и т. д. и т. п.

Всё это научили особым образом укладывать в рюкзак и этот двухпудовый груз должен сопровождать их во время всех восхождений и тренировок.

Под руководством опытных инструкторов началась отработка всех альпинистских навыков. Как забивать крючья, вязать узлы, ставить палатку, укладывать рюкзак, рыть пещеру, пользоваться примусом, картой; а также прохождение трещин, льда и снега, скалолазание, переправы рек и т.п. Многие ребята уже знали и умели. Но альпинизм — это постоянная, непрекращающаяся, несмотря на уровень мастерства, учёба. Они обратили на себя внимание своей любознательностью, неутомимостью и сообразительностью и добились того, что под конец их включили в группу для восхождения на Эльбрус. Для них это не составило особого труда, так как маршрут был несложный, не выше 3-ей категории. Коварное действие высоты они также перенесли нормально, хотя были моменты, когда они теряли уверенность, но отдохнув, снова продолжали путь. Теперь они покорили самую высокую вершину Европы — Западную вершину Эльбруса — 5642 м.

Внизу их поздравили с восхождением и вручили значки «Альпинист СССР II ступени».

Учебников за всё время пребывания в альплагере они в руки не брали, надеясь, что на четвёрку они всё-таки математику знают. Велико же было их разочарование, когда они «срезались» на первом же экзамене. И это была математика. Они были уверены, что задачи были не из школьной программы. Конечно, позднее они разобрались, что к чему. Просто их учительница по математике не сумела привить любовь к своему предмету, окончательно отбив её мелочными придирками, так что эти уроки ребята просто «отбывали».

— Что-ж, решили они, — теперь будем умнее, теперь будем готовиться по-настоящему.

Дома их никто не ругал, рассудив, что за одного битого, двух небитых дают, и они пошли работать на завод ферросплавов подсобными рабочими.

В конце декабря 1979 года из средств массовой информации узнали, что наше правительство приняло решение о вводе Ограниченного контингента советских войск в Афганистан. Международная обстановка была сложной и холодная война подходила к самой высокой точке накала. Это не радовало, но и не огорчало. Уже привыкли, что тебя «пинают» из-за каждого угла.

Сильно огорчился только Иван Данилович.

— Ну, что, мужики, — сказал он на заводе, — наши старые пердуны в такое говно влезли! Увидите, это добром не кончится.

Вечером собрались у Ивана Ивановича. Данила Иванович сразу поставил вопрос ребром. — Надо спасать ребят от Афганистана! Пусть поступают в военное училище. За четыре года эта катавасия должна кончиться. Хотя у всех оружия накопилось, там долго его перемалывать будут. Куда, ребята, пойдёте?

Саша с Юрой переглянулись и ответили, что им хотелось бы попасть в Рязанское воздушно-десантное училище.

— А попроще, ничего нельзя? — Спросил Иван Данилович.

— Да нет, мы готовы физически, разрядники, да и интересно там.

— Ну, смотрите, теперь готовьтесь, не так, как в УПИ, чтобы всё на отлично было.

В январе пришли повестки из горвоенкомата. Военком спросил, где бы они хотели служить?

— Мы хотели поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознамённое училище имени Ленинского комсомола — РВВДКДКУ.

— О, как!. Ну, что-ж, в весенний призыв вас не беспокоим, а если не поступите, то в осенний призыв — милости просим. Дадим вам направление в училище, как отличным спортсменам и передовикам производства.

На том и порешили. Ребята готовились по всем предметам, а в конце мая опять по путёвкам уехали в альплагерь «Эльбрус». Там обходили с десятков вершин, получили 3-й разряд по альпинизму и уехали в Рязань.

Медкомиссию и вступительные экзамены прошли успешно. Один из будущих курсантов возмущался, что ещё не приняты в училище, а на завтрак, обед и ужин водят строем.

— Ты, сокол, отчаливай сразу, раз дисциплину не любишь, посоветовали ему товарищи. И, действительно, ещё до окончания осенней подготовки он был отчислен. Их переодели в военную форму, и они ощутили на плечах погоны солдата, которыми им ещё только предстояло стать. Их поселили в бараки среди красивого соснового бора с песчаными тропами и дорожками. Началась их повседневная тренировка. Для Саши и Юрия практически ничего не изменилось. Про-

сто они попали из одного лагеря в другой. Учили их жестко и сурово, но дедовщины не было, хотя рядом были роты старшекурсников. С их стороны к «салагам» было только снисходительное отношение. Физическая подготовка занимала основное время. Вечером падали и засыпали замертво. Легче других эти нагрузки переносили Саша и Юрий, но даже для них выполнить, не слезая с перекладины весь комплекс упражнений необходимый для сдачи военно-спортивного комплекса было сложно: восемь раз подъём переворотом, пять раз выход силой на одну или две руки, одиннадцать раз поднести ноги к перекладине. Все пыхтят, в трусах, и мало у кого получается. А их наставник — старший лейтенант Рогов, демонстрировал всё это, даже не снимая шинели. Наверное, у него были высшие разряды по всем видам спорта. Все его безмерно уважали и любовно называли Рогом.

Долго осваивали километровую дистанцию в яловых сапогах. По лесной песчаной дороге 500 метров туда и обратно. Лучшие бегуны роты Саша и Юрий пробежали первый раз на тройку, остальные на двойку. Десятка полтора курсантов вообще бежать не могли, ноги по песку разъезжались. Но старались изо всех сил, чтобы командир был доволен. Затем начали осваивать парашютное дело, начиная с теоретической подготовки, а затем с укладки парашюта. Занятия проводил заместитель командира роты по ПДС (парашютно-десантной службы), который есть в каждой роте. Он начал своё занятие со слов: — «Каждый в Советской Армии укладывает свой собственный парашют лично. Не знаю,

прыгал ли генерал армии Маргелов, но точно знаю, что будучи генерал-полковником прыгал и сам укладывал парашют. Если ты гробанулся, то и вся ответственность на тебе, на мёртвом. Живые за тебя ответственности не несут. Все парашюты хранятся на складе. Они уложены, опечатаны, всегда готовы к использованию. На каждом парашюте расписка на шелке: «Рядовой Иванов. Этот парашют я укладывал сам».

Укладка производится в тех условиях, в которых придётся прыгать. Придётся прыгать на морозе, то и укладка на морозе. Сначала готовите парашютные столы. Это просто кусок брезента, который расстилают на бетон и укрепляют специальными колышками. Укладка идёт в две очереди. Вначале вдвоём укладываем твой парашют: ты — старший, я — помогающий. Потом уложим мой парашют: ролями поменяемся. Командир ПДС подаёт команду, убедившись, что все выполнили правильно, подаёт вторую: — «Вершину купола закрепить!» — и снова проверка. Если кто ошибся, его парашют немедленно распустят, и он начнёт укладку с самого начала и все ждут и так далее.

— Первая операция. Правильно.

— Вторая операция ...

Рота терпеливо ждёт, кто, допустив ошибку, снова всё сложил, догнав роту...

— Операция одиннадцать. А мороз трескучий. Зимой темнеет рано. Укладка завершается уже при свете прожекторов в морозной мгле. Поэтому предельное внимание! Парашюты под мощным конвоем остаются на морозе. Если их занести в помещение, то льдинки

сначала растают, а на морозе потом смёрзнутся. И это смерть. Расплата за ошибку всегда одна — жизнь!»

Первый прыжок совершали без оружия, сложили его на поле и сдали под охрану. Прыгали с парашютами Д-1-8, в простонародье называемыми «Дубом», поскольку один перкалевый купол весил 16 кг, да ещё плюс семь запасного. В Ан-2 садились девять парашютистов, десятый выпускающий.

Психологический барьер прыжка в пустоту все перенесли нормально.

До середины октября ежедневно бегали кроссы и марш-броски. Главное воспоминание этого периода — это непреходящее чувство голода. И кормили неплохо, и чайная работала, но все постоянно были голодны. Пока не втянулись. Такая насыщенная спортивно-спартанская жизнь привела к тому, что пятнадцать человек написали рапорта и были отчислены. Произошел естественный отбор: все, кто погнался за романтикой красивой офицерской жизни — отсеялись, рота сплотилась и через полтора месяца это были уже другие люди, готовые к трудностям.

Однажды, в порядке наказания и воспитания пришлось делать суточный марш-бросок — 70 километров. Оставшиеся два километра ползли пешком, но два крайних поддерживали среднего. Саша и Юрий в училище входили гордые, что несли по два автомата и гранатомёты товарищей.

После осенней подготовки попали в тёплые классы и слушали лекции, ощущая гордость, что выдержали все испытания. Обычно вырабатывалось у всех чувство

ответственности, поскольку за ошибку одного лишние километры наматывала вся рота.

На всю жизнь осталась в памяти встреча с командующим воздушно-десантными войсками — легендой армии Василием Филипповичем Маргеловым — героем Советского Союза, создателем ВДВ, человека орлиного племени, живущих по принципу: «Нет задач невыполнимых», сделавшего это девизом ВДВ.

Для всех это было как явление Христа народу.

Стажировку рота проводила в Фергане в полку 105-й воздушно-десантной дивизии, действующей в Афганистане. Запомнилось, что такое настоящая жажда. Когда после прыжка с парашютом из Ан-12 пришлось совершить по жаркой пустыне двадцатикилометровый марш-бросок. Перед этим выдали специальные таблетки «пантацит», делающим за 20 минут пригодной для питья любую воду. Однако таковой на маршруте не оказалось...

В отпуск, желающим совершенствоваться альпинистскую подготовку командование училища выписывали командировки и выдавали путёвки в альпинистские лагеря на три недели и ещё неделю, чтобы навестить родных. Таковых находилось не более пяти человек. Первый отпуск провели на Эльбрусе, остальные на Памире. Выпускной четвёртый курс заканчивали серьёзной работой над дипломом, где пришлось серьёзно подналечь на знание и совершенствование английского языка, для чего по совету преподавателя пришлось читать и переводить неадаптированную английскую литературу.

После выпуска Юрий и Александр получили назначения на должности командиров взвода в различные подразделения ВДВ.

Воздушно-десантные войска — войска, бесспорно, элитные. Особый подбор, романтика службы, её специфика, связанная со множеством элементов повышенного риска, воспитывали в каждом курсанте и солдате с первых дней службы здоровый десантный шовинизм. Нет задач невыполнимых! — этим всё сказано. Благодаря такому воспитанию в глубине души каждого десантника прочно сидит чувство явного превосходства над «зелёными», «малиновыми», «чёрными» и прочими беретами других армий мира, а в виду их недосыгаемости — над другими видами и родами войск родной армии. Естественно, чем меньше человек прослужил, тем выше степень его превосходства. Самые крутые «чижики» образуются после месяца службы.

Оставалось ещё, командуя взводом, набираться опыта и ума-разума в Псковской воздушно-десантной дивизии, куда был назначен Юрий Гудков.

Через какое-то время на очередных учениях, когда начались прыжки с парашютом, вдруг возник сильный низовой ветер. Купола парашютистов, наполненные порывом ветра, превратились в огромные паруса, и люди на стропах оказались не под куполами, а на буксире за ними. В этом случае при приземлении нужно мгновенно вскакивать, забегать в сторону ветра и гасить парашют. Земляку Гудкова, отличному солдату, обладающему богатырской силой Анатолию Картузову, спокойному и вдумчивому солдату-десантнику это не удалось.

Возможно, он при приземлении получил травму ноги. Парашют на огромной скорости тащило над полем, тело Картузова поднимало на 2—3 метра над землёй и снова ударяло о землю. Наконец, через два километра парашют зацепился за одинокое дерево. От Картузова, как говорится, остался мешок с костями. Кто-то должен был за это ответить. Стрелочником оказался командир взвода «не сумевший должным образом подготовить солдата». Это сказалось на дальнейшей карьере и его в звании лейтенанта и должности комвзвода дальше не пускали. В отпуске он побывал на Памире и заработал звание «Кандидата в мастера спорта»

Судьба друга Александра сложилась более удачно. Он попал служить в один из полков 76-й воздушно-десантной дивизии, базировавшегося в Чернигове. Он также в отпуск ездил в горы, и, покорив на Кавказе самую грозную гору Ушбу, получил звание «Мастер спорта». В Чернигове он сумел отличиться, досрочно получил звание капитана и командовал ротой.

Летом 1984 года друзья, почти одновременно, попали к «направленцам» в Афганистан для выполнения интернационального долга. С каждым офицером предстоял короткий разговор с начальником политотдела дивизии о возможности дальнейшего прохождения службы в республике Афганистан. Они туда не рвались, поскольку внутреннее чутьё ставило слово «долг» в кавычки. Но их согласия никто не спрашивал, приходилось выполнять приказ. Афганистан — это горы, значит альпинистам там самое место. Согласие на службу в Афганистане спрашивали только у жена-

тых офицеров, имеющих трёх детей, они считались многодетными.

Таким образом, друзья встретились вновь уже в Фергане, более того, в одной роте, где Александр уже в звании майора назначен её командиром, а Юрий, также получивший внеочередное звание старшего лейтенанта, стал его заместителем и командиром взвода. Кичигин прибыл сюда на неделю раньше Гудкова и уже кое-что знал. Роту предстояло ещё сформировать, для чего майору Кичигину были даны «особые полномочия» по подбору её состава. Как сказал «по-секрету» Кичигин — рота должна быть элитной, разведочной, действовать, в основном, в горах и должна быть готова к выполнению особых заданий. Так ему на собеседовании сказал человек в штатском, велевший называть себя Иваном Ивановичем, и как понял Кичигин, тот является нашим советником в афганском правительстве и хорошо говорит на фарси. Есть подозрение, сказал он, что мы попали под крылышко ГРУ. Сюда собрали тысячи людей из десантников. Завтра начнутся прыжки, которые очевидно продлятся долго, мы участвуем вместе с ними, так что, Юра, сам подбирай себе взвод. 70% состава роты подберём здесь и 30% из числа разных разведовательных подразделений, отслуживших год и принимавших участие в боях — наверное, это и будет костяк роты. После прыжков на месяц едем в горы Карачатыр (до 4000 м) для альпинистской подготовки. Всё это никто не должен знать. Я уже дал подписку.

Спали в палатках вместе с солдатами, присматривались к ним на учениях и в быту, подбирая тех с кем, как говорится, пошел бы в разведку.

Пыль. Жара. Степь. Мы прыгаем. Мы много прыгаем. С больших высот. С малых высот. Со сверхмалых. Теперь идёт война и мы должны рисковать вдвое больше, чтобы там, на ней ты мог показать себя во всей красе. Мы прыгаем в два потока с Ан-12 и в четыре потока с Ан-22. Вы себе можете представить выброску в четыре потока? Ни хрена не можете. Знает только тот, кто прыгал. У многих потом внизу лиловые синяки на мордах. Вы думаете это от удара о землю? Нет, это от десантного ботинка товарища ещё там — в воздухе.

Нас сегодня бросают со сверхмалой высоты — это сто метров. У каждого только по одному парашюту. Раскрытие принудительное. Второй парашют на сверхмалой высоте совсем не нужен. Мы прыгали днём и ночью. Лето, знойно и безоблачно. Тут нелётной погоды не бывает. И оттого из всех концов страны сюда собирают роты, батальоны, полки и бригады Спецназа и бросают их тут от июня до сентября. Боже, пошли ливень. Пусть раскиснет проклятый аэродром. Он крепок, как гранит, но это просто глина, и не надо его бетонировать. Солнце забетонировало его лучше всякого технолога.

V

Гератский мятеж, заставил провести усиление советских войск у советско-афганской границы, и по приказу Министра обороны Д. Ф. Устинова началась подготовка к возможному десантированию в Афганистане посадочным способом 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Увеличено число советников с 409 человек до 4500 к концу июля 1979 г.

Збигнев Бжежинский: «... согласно официальной версии, помощь ЦРУ моджахедам началась в течение 1980 г., т.е. после того, как советская армия вторглась в Афганистан 24 декабря 1979 г. Но реальность, державшаяся в секрете до сегодняшнего дня, является иной: на самом деле президент Картер подписал первую директиву о тайной помощи противникам просоветского режима в Кабуле 3 июля 1979 г. И в тот же день я написал докладную записку, в которой я объяснил ему, что, по моему мнению, эта помощь повлечёт за собой советское военное вмешательство».

С 10 декабря 1979 года по личному приказу Устинова проводилась мобилизация частей Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. По сигналу «Сбор» была поднята 103-я Витебская гвардейская воздушно-десантная дивизия, которой отводилась роль основной десантной силы.

13 декабря была сформирована оперативная группа Министерства обороны по Афганистану во главе с первым заместителем начальника Генерального штаба генералом армии С. Ф. Ахромеевым.

14 декабря в город Баграм был направлен батальон 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка для усиления батальона 111-го гвардейского парашютно-десантного полка 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, который с 7 июля охранял в Баграме советские военно-транспортные самолёты и вертолёты.

До 25 декабря в Туркестанском военном округе были подготовлены к вводу в Афганистан полевое управление 40-й общевойсковой армии, две мотострелковых дивизии, армейская артиллерийская бригада, зенитно-ракетная бригада, десантно-штурмовая бригада, части боевого и тылового обеспечения, а в Среднеазиатском военном округе — два мотострелковых полка, управление смешанного авиакорпуса, два авиаполка истребителей-бомбардировщиков, один истребительный авиаполк, два вертолётных полка, части авиационно-технического и аэродромного обслуживания.

В качестве резерва в обоих округах были отмобилизованы ещё три дивизии. В части и соединения 40-й общевойсковой армии по состоянию на 27 декабря было призвано из Узбекистана, Туркмении и Таджикистана более 32 тысяч военнослужащих запаса и получено более 9000 автомобилей из народного хозяйства. Личный состав 5-й мотострелковой дивизии на 43,5% состоял из представителей местных национальностей, а в 108-й мотострел-

ковой дивизии 64% были представители местных национальностей. Это было крупнейшее мобилизационное развёртывание Советской Армии с 1945 года.

К переброске в Афганистан также была подготовлена 103-я гв. ВДД из Белоруссии. 14 декабря часть войсковой группировки этой дивизии вместе со штабом переместилась на аэродромы Туркестанского, Среднеазиатского и Приволжского военных округов.

К вечеру 23 декабря было доложено о готовности войск, к вводу в Афганистан. 24 декабря Д. Ф. Устинов подписал директиву 312/12/001, в которой говорилось:

«Принято решение о вводе некоторых контингентов войск, дислоцированных в южных районах нашей страны, на территорию ДРА в целях оказания помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств».

Участие советских войск в боевых действиях на территории Афганистана директивой не предусматривалось, не был определён порядок применения оружия даже в целях самообороны. Правда, уже 27 декабря появился приказ Устинова о подавлении сопротивления мятежников в случаях нападения.

Предполагалось, что советские войска станут гарнизонами и возьмут под охрану важные промышленные и другие объекты, высвободив тем самым части афганской армии для активных боевых действий против отрядов оппозиции, а также возможного внешнего вмешательства.

Границу с Афганистаном было приказано перейти в 15 00 московского времени (17 00 кабульского) 25 декабря 1979 года.

Утром 15 декабря первым на территорию ДРА был переправлен 781-й отдельный разведовательный батальон 108-й мсд. Следом за ним переправился 4-й десантно-штурмовой батальон, которому была поставлена задача по охране перевала Саланг. В тот же день началась переброска частей 103-й гв. ВДД на аэродромы Кабула и Баграма. На Кабульский аэродром первыми высадились десантники 350-го гв. парашютно-десантного полка под командованием подполковника Г. И. Шпака. При посадке один из самолётов с десанниками разбился.

Один Ил-76 под командованием капитана Виталия Головкина с тридцатью семью десанниками при полёте к кабульскому аэропорту врезался в гору. Это были наши первые потери в Афганской войне.

Колонны танков, перейдя государственную границу, двигались по основной магистрали: Кундуз — Баглан — Чарикар — Кабул.

В Кабуле части 103-й гв. ВДД к полудню 27 декабря закончили десантирование посадочным способом, взяв под контроль аэропорт, блокировав афганскую авиацию и батареи ПВО. Другие подразделения этой дивизии сосредоточились в назначенных районах Кабула, где получили задачи по блокированию основных правительственных учреждений, афганских военных частей и штабов, других важных объектов в городе и его окрестностях.

Над Баграмским аэродромом после стычки с афганскими военными установил контроль 357-й гв. парашютно-десантный полк. Они также обеспечивали охрану Б. Кармаля, которого с группой ближайших сторонников, вновь доставили в Афганистан.

Бывший начальник управления нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майор Ю. И. Дроздов, отмечал, что ввод советских войск в Афганистан был объективной необходимостью, т. к. в стране активизировали свои действия США (они заключили соглашение с Китаем по Афганистану, выдвигали свои наблюдательные посты к южным границам СССР). Кроме того СССР и ранее несколько раз вводил свои войска в Афганистан с подобной миссией и не планировал там надолго задерживаться. По словам Дроздова, существовал план вывода советских войск в 1980 году, подготовленный им совместно с генералом армии С. Ф. Ахромеевым. Этот документ впоследствии был уничтожен по указанию Председателя КГБ СССР В. А. Крючкова.

20 декабря из Баграма в Кабул был переброшен отряд особого назначения ГРУ, созданный летом 1979 года из советских военнослужащих среднеазиатского происхождения. Он вошел в состав охраны дворца Амина, что существенно облегчило подготовку к штурму этого дворца.

Вечером 27 декабря советские спецподразделения взяли штурмом дворец Амина, уничтожив его вместе с семьёй. Операция продолжалась 40 минут. Второй по важности объект — комплекс зданий генерального штаба афганской армии, возглавляемый Мухаммедом

Якубом, родственником Амина (окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище). Перед началом операции «Шторм-333» генерал И. Рябченко с офицерами братьями Лаговскими отправились на приём к Якубу, якобы для уточнения мест расположения подразделений Советской Армии. Когда прогремел взрыв колодца связи, служивший сигналом начала операции, и Якуб уже всё понял, группа офицеров оттеснила охрану и нейтрализовала Якуба, не дав ему связаться с частями афганской армии. В его кабинете на прямой связи стояла работающая радиостанция. Группа генерала Рябченко сама оказалась блокированной в кабинете Якуба. Одна парашютно-десантная рота 350-го гв. ПП, заблудившись в тёмном городе опоздала на 40 минут и смяв охрану на 1-м этаже освободила группу генерала Рябченко.

В ночь с 27 на 28 декабря Б. Кармаль передал обращение к афганскому народу, провозгласив «второй этап революции». Спецгруппа 8-го отдела Первого Главного управления КГБ СССР вывезли из Чехословакии Бабрака Кармаля, где он был послом, а теперь должен был заменить Х. Амина. Он мог стать лидером ещё в апреле 1978 года, но расколовшаяся Народно-демократическая партия Афганистана начала фракционную борьбу. Фракция Парчам, куда входили М. Тараки и Х. Амин, взяла верх над фракцией Хальк, возглавляемый Б. Кармалем и тому пришлось согласиться на унижительную должность в Чехословакии.

VI

С каждым бойцом-десантником была проведена большая предварительная беседа и оставались только те, кто сам изъявил желание. После этого ему ещё раз давалось время на обдумывание, поскольку на спецроту командование возлагало большие надежды, а их надо оправдывать, поэтому служба в ней будет намного труднее и опаснее. Поэтому отбирались только добровольцы.

Советнику, курировавшему комплектацию разведывательной роты, Кичигин передал список отобранных десантников на 75 человек и список необходимого альпинистского снаряжения

— Хорошо, завтра будет приказ и всё снаряжение, кроме того каждый получит полную комплектацию вооружения. Все боеприпасы использовать для обучения в горах, при возвращении обратно проверить, чтобы ни у кого не осталось патронов или взрывчатки.

— Кто будет командовать вторым взводом?

— С этим ещё не определились, товарищ командир. Очень нам понравился курсант 4-го курса Рязанского воздушно-десантного училища — Бойко Николай, инициативный, сообразительный, отличный спортсмен. Узнав, что ведётся отбор в разведроту, а это в секрете неохранишь, умолял взять его хотя бы в качестве ря-

дового десантника. Кстати, он альпинист второразрядник.

— Ну, хорошо, я думаю, что этот вопрос с командованием можно решить, а лейтенант Бойко напишет диплом своими боевыми действиями в Афганистане. Командир третьего взвода присоединится к вам в Афганистане. Он уже подбирает нужных людей. В ваше распоряжение выделяются две грузовые автомашины. Готовность к отправке доложить.

— Есть, товарищ командир.

Назавтра вместе с альпинистским получили и боевое вооружение. Если выполняются задачи разведчика или диверсанта комплектация вооружения бывает разной. Скажем два варианта вооружения диверсанта: полный и облегчённый.

Полный комплект это автомат Калашникова АКМС и 300 патронов к нему. Имеются дополнительно: ПСБ — прибор бесшумной и беспламенной стрельбы и НПС-3 — ночной бесподсветный прицел.

Во время десантирования автомат находится в чехле, чтобы не мешать правильному раскрытию парашюта. Чтобы во время приземления не оказаться беззащитным, диверсант имеет бесшумный пистолет П-8 и 32 патрона к нему. Кроме того на правом голенище нож-стропорез, а на левом — четыре запасных лезвия к нему. Диверсионный — не обычный. В его лезвии могучая пружина. Можно снять предохранитель, а затем нажать кнопку спуска, и лезвие ножа с жутким свистом метнётся вперёд, отбрасывая руку с пустой рукоятью назад. Тяжелое лезвие выбрасывается на 25 метров. Если попадает в де-

рево, не всегда удаётся его вытащить и диверсант вставляет в пустую рукоять запасное лезвие, всем телом наваливаясь на рукоять, чтобы согнуть мощную пружину. Затем застегивается предохранитель и ножом, снова можно пользоваться как обычным: резать хлеб или как напильником или сапёрными ножницами для резания колючей проволоки. В полный комплект вдобавок ко всему входит ещё 6 гранат, пластическая взрывчатка, мины направленного действия или другое тяжелое вооружение.

К вечеру доложить о готовности к отправке Кичигин прибыл к советнику.

— Ну, желаю, майор, вам успехов в подготовке подразделения. Отправляйтесь в 5 утра. До свидания. Остаёмся на связи.

По хорошей дороге к обеду прибыли к отрогам Карачатыра. По дороге к перевалу остановились на большом, зелёном и красивом плато, на высоте 3000 м. Разгрузились и начали останавливать палатки. У некоторых солдат начинала кружиться и болеть голова.

— Мужики, не обращайте внимания, высота действует на всех. Завтра всё будет нормально. Пройдём до высоты 4000 м по простому маршруту, а потом пойдёт серьёзная работа. Физически десантники все были подготовлены отлично и траверзом за день могли проходить несколько вершин. Занятия проходили, в основном, на высоте 4000 м. Эта высота была выбрана не случайно. На ней можно совершать большие объёмы работы, а на большей высоте это сделать не удаётся сделать, поскольку необходима более длительная адап-

тация после каждого подъёма. Альпинистской подготовки практически ни у кого не было. К высоте не мог адаптироваться только один десантник. Его отправили на помощь к повару для заготовки дров из арчевника. Группа начала изучать приёмы скалолазания. Лазание более безопасно, когда соблюдается правило трёх точек опоры: для двух рук и ноги или обеих ног и руки. В случае потери одной точки альпинисту легче сохранить равновесие: быстро изменив положение тела и найдя другой захват, восстановить три точки опоры, в случае потери одной из них почти невозможно сохранить равновесие.

Скальные стены преодолевают лазанием в связках с попеременной организацией страховки напарника. Альпинист должен быть выносливым, самостоятельным, миролюбивым, стрессоустойчивым и готовым прийти на помощь, и, даже если необходимо жертвовать собой во имя спасения чужой жизни.

Одно из самых необходимых качеств альпиниста — желание и умение учиться. Именно учиться, а не просто тренироваться. Общительность, трудолюбие и готовность всегда прийти на помощь у альпинистов постепенно нарабатывают нравственные качества, при которых срабатывают рефлексоры, когда он становится в строй связки. Прежде всего — это чувство локтя — когда вместо «я», он говорит — «мы». Группа отрабатывала разные маршруты. На некоторых скалах возможно одновременное движение участников в связке. Идущий первым выбирает маршрут так, чтобы в случае срыва одного из участников, другой мог бы удержать его

от падения, заложив верёвку за выступ скалы. На крутых скалах страховка организуется с использованием стальных крючьев и закладок. Идущий первым забивает скальным молотком крючья в расщелины. В забитый крюк пристёгивают через проушину крюка карабин или оттяжку, а в карабин вщёлкивают верёвку, которая страхует его в случае срыва.

Все понимали, что этот способ скалолазания вряд ли придётся применять. Для разведчика главное бесшумность передвижения, а звук забивания крюка далеко разносится по горам. Но в каких-то особых случаях, например, при обнаружении себя, может быть придётся уходить и таким способом. Изучали скоростные спуски со скал методом Дольфера, т. е. скользнув вниз по верёвке, предварительно заложив её через бедро и плечо, хотя также понимали, что в боевых действиях у них не всегда будут альпинистские верёвки, а обычные репшнуры. Программа обучения была очень насыщенной, времени для подготовки было мало, всего месяц, а изучить мастерство разведчика было нелегко. Все понимали это и не роптали. Много времени уделяли стрелковой подготовке на высоте, потому что горы — это другой мир. Здесь теряется чувство расстояния: не поймёшь, что далеко, а что близко. Нет визуальных пропорций, до тех далёких отрогов, которые справа, ходу, кажется час, а до близкой вершины слева — сутки. Смещаются даже понятия верха и низа. Многие спорят, что вода в горах течёт не сверху вниз, а наоборот. На высоте более 4000 м сужается периферическое зрение, а также точность фиксации взгляда и определение расстояния. Лучших

стрелков изумляли их первые результаты. Пули ложились далеко от цели. Теперь они убедились, для чего нужны изматывающие тренировки. Постепенно всё входило в норму, и десантники обретали уверенность.

Уделялось много внимания подготовке быть незаметными. Кичигин говорил им: — вы должны научиться двигаться бесшумно и быть невидимыми, как ночью чёрная кошка передвигается по черному пушистому ковру. Разведчик не должен оставлять после себя следов. Курить незаметно, пепел маскировать, окурки не бросать, приучить себя сразу прятать их в карман. Наказание за брошенный окурочок — 60 отжиманий.

На рассвете, в 4 -м часу (поскольку с обеих сторон все боевые действия проводятся в это время), разбившись на группы по пять человек — одни прятались в засады, другие незаметно пытались проскользнуть мимо них. Часто такие операции заканчивались рукопашными схватками.

Вот идёт одна пятерка — справа послышался неясный шум. Все пятеро сразу замерли. Отработанным движением двое развернули автоматы направо — Марков и Щукин. Егоров, чуть склонив глаза направо, по-прежнему смотрит вперёд, а Дрягин, наоборот, повернулся налево. Все пятеро уже как профессионалы знали, что нельзя поворачиваться на шум всей группе. Шум мог быть отвлекающим маневром, а напасть на них вполне могли с другой стороны. На этот раз, кажется, всё обошлось, тревога была ложной. Это мог быть сурок или енот. Егоров поднял руку. Все поняли без слов. Группа продолжала движение. По традиции, командир груп-

пы не имел права идти первым или замыкающим. Здесь ценились мозги, а не умение быстро стрелять. Поэтому командира берегли почти так же, как своеобразное знамя части, стараясь не подставлять его под пули.

Долго тренировались стрелять в цель из диверсантского ножа – стропореза и метать по цели его запасные лезвия. Учились минировать и снимать мины и закладывать взрывчатку.

Но когда-нибудь всё кончается. Закончились и тренировки в горах. Израсходованы все боеприпасы и взрывчатка. Шестеро десантников получили по альпинизму неудовлетворительную оценку, значит, будут отчислены. Многие с сожалением прощались с прекрасной долиной, с кристально-чистым ледяным ручейком, его вкуснейшей водой, которая мгновенно снимала усталость, умывшись и сделав из него глоток. Через сутки Ил-76 уже нёс их на своих крыльях вместе со всем снаряжением в Кабул. При снижении он постоянно выпускал тепловые ракеты от «стингеров».

Здесь майор Кичигин получил необходимые указания и был представлен некоторым офицерам афганской контрразведки ХАД (хадамат э-омнийат — э давлати), в контакте с которыми предстояло работать. За 10 лет в Союзе учились тысячи афганцев, включая и полевых командиров, и из их числа создавалась разведовательная сеть. К роте был придан молодой офицер ХАД Юнус, в качестве переводчика и советника по контактам с местным населением.

Юнус завёз Кичигина посмотреть на знаменитый Дворец Амина, восстановленная часть которого исполь-

зовалась для нужд афганской армии, в качестве штабов некоторых родов войск.

Кичигин стоял посреди разгромленного Дворца, где в углах валялись россыпи стреляных гильз, окровавленное тряпье, колючие осколки гранат. Дворец напоминал огромный взломанный сундук (ящик Пандорры), из которого, сорвав запоры, сбив петли и скобы, вылетела война. Духи войны с радостным воем вылетели из горящих окон, из проломов в стене, прянули над головами штурмующих, над подбитыми боевыми машинами, среди перекрестьев трассеров, огненных летящих снарядов. Помчались над ночным Кабулом, в разные стороны — в Гельмент, Нангархар, Лашкаргах. Усаживались на минареты Герата. Влетали в мечети Газни. Садились, как стая ворон, в кудрявые виноградники, на крыши сушилен, на кровли кишлаков. Иные из них проникли в шатры кочевников, другие — в лачуги белуджей. Помчались по ущелью Панджшер, над зеркальными озёрами Пактии, над красной пустыней Регистан и там, где они появлялись, люди брались за винтовки, минировали дороги и тропы, взрывали и резали. Мирная, занятая молитвами и трудами страна начинала тлеть и дымиться, и кладбища с корявыми палками, воткнутыми в груды камней, начинали расти и шириться, принимали в сухие могилы белые коконы завёрнутых в ткань мертвецов.

С тяжелыми чувствами в раздумьях ехал оттуда Кичигин.

Его рота была передана в подчинение ГРУ, входящая в «группу войск специального назначения», 22-й брига-

ды, базировавшейся в Асабаде, столице провинции Кунар, граничащей с Пакистаном.

Двумя месяцами ранее усиленная разведрота этой бригады неосторожно вошла в кишлак в зелёной зоне. Солдаты выбрались оттуда два часа спустя, потеряв 25 человек убитыми и 49 ранеными. Подобных инцидентов почти всегда можно было избежать. Они были следствием глупого и недисциплинированного поведения.

На смену этой роте и пришла рота Кичигина. Прибыв туда, офицеров — Кичигина, Гудкова и Юнуса поместили в одноэтажном сборном модуле-бараке, покрашенном в зелёный цвет, а солдатам было отведено место для установки палаток.

В дверь модуля постучали.

— Войдите, сказал Кичигин.

— Могу я видеть командира роты майора Кичигина?

— Да, это я.

— Капитан Ефремов, командир третьего взвода, прикомандирован к вам приказом командования для прохождения дальнейшей военной службы. Ефремов был высокий подтянутый брюнет, лет сорока с коричневыми глазами и небольшой проседью на висках. От него веяло спокойствием, уверенностью и сразу располагало к себе.

— Рад знакомству, сказал майор, крепко пожимая Ефремову руку, я здесь никого и ничего не знаю и надеюсь только на Вас и Ваш опыт, что поможете сформировать свой взвод из солдат, отслуживших год и имеющих боевой опыт. Имейте в виду, что я имею полномочия формировать роту из всех подразделений 105-й гвар-

дейской парашютно-десантной дивизии, конечно на добровольной основе. А из специалистов нам ещё нужен радист и два водителя БТР.

— Всё понял, дайте мне два дня срока, и я представлю Вам все кандидатуры. А сейчас приглашаю вас к себе выпить чаю в честь знакомства.

В это время в дверь модуля постучали, и в него вошел, не сумев сдержать улыбку сияющий, как пасхальное яичко, в новой форме лейтенант Николай Бутко. Он представился майору по всей форме.

— Ну вот, и командиры теперь все. Представляю Вам, Сергей Павлович, командира второго взвода — недоучку Рязанского военного училища Николая Бойко, прошу взять его под своё крыло, так сказать, для передачи опыта.

— Что ж, молодым мы всегда рады, молодым везде у нас дорога, я тоже выпускник Рязанского военного училища и всегда, чем могу, помогу.

— Как же ты добрался до нас, Николай?

— А всеми попутными и перелётными, помогали и местные. Я время зря не терял, и этот месяц учил фарси. Хочу постигнуть его в совершенстве.

— Хорошо, здесь тебе поможет наш коллега — Юнус, знакомьтесь.

Через два дня рота была сформирована. Майор Кичигин утвердил все кандидатуры. Особой гордостью капитана Ефремова было то, что ему удалось, правда, не без скандала, вырвать в свою роту пулемётчика — Алексея Коновалова.

— Знаете, говорил он, — Коновалов, это виртуоз, — стреляет в яблочко, почти не целясь. А какие стихи он пишет!

— Давай, Сергей Павлович, разбавим наших зелёных, твоими обстрелянными, глядишь скорее в строй встанут, да и твои в скалолазании опыта наберутся.

— Конечно, так будет лучше, я и сам хотел Вам это предложить. После окончательного формирования, рота провела десятидневные занятия, и все без исключения военнослужащие приобрели, восстановили устойчивые навыки в действии с техникой и вооружением; стреляли из всех видов оружия, каждый солдат швырнул оборонительную и наступательную гранаты и тем самым избавило от вечного солдатского суеверного страха перед ними.

Кичигин доложил начальнику штаба бригады полковнику Бурчнеко, что рота готова выполнять задания командования.

VII

Командующий 40-й армией генерал Борис Громов, вспоминая о первых месяцах пребывания Советских войск в Афганистане, говорил: «В конце декабря 1979 г. в Афганистан вошли военнослужащие в основном призванные из запаса. Такое парадоксальное решение было принято, на мой взгляд, по нескольким причинам. Для создания Ограниченного контингента требовалось огромное количество солдат срочной службы, прапорщиков и офицеров, которых в Туркестанском В. О. и так не хватало. Призванные из запаса солдаты и офицеры показали себя в Афганистане с самой лучшей стороны. Все они были зрелого возраста, многие уже имели семьи, детей. Запасники были опытнее молодых солдат и прекрасно понимали, что попали не на учения, а оказались в очень серьёзной обстановке. Мы были уверены, что никто из них, скажем, не уснёт на посту и не уйдёт из своей части.

Афганцы очень тепло встречали наши первые колонны. Общение советских таджиков и узбеков с местным населением завязывалось повсюду. Как могли они объясняли, что пришли в Афганистан не воевать. И им верили. Последние из запасников застали начавшиеся нападения на машины, засады и перестрелки. В феврале душманы в упор расстреляли одну из патрульных

машин, которая контролировала небольшой участок дороги в окрестностях Кабула. Один солдат в кузове, водитель и офицер — все они призваны из запаса на несколько недель погибли. Возвращались домой запасники с радостью. Самые последние из них провели в Афганистане не больше двух месяцев. Это был самый спокойный период за всё время нашего там пребывания».

Первый крупный бой подразделений ОКСВ (ограниченного контингента советских войск) вели против поднявшего мятеж артиллерийского полка 20-й пехотной дивизии в провинции Баглан 10—11 января 1980 г. В ходе боя было убито около 100 мятежников. Советские войска потеряли двоих убитых и двоих раненых.

Чуть ранее (7 января) банда Шерхана пыталась разрушить советскую границу. Но Пянджский сводный отряд погранвойск КГБ (204 человека при 6 БТР) переправился через реку Пяндж, расположился в афганском кишлаке Нусай, прикрыв советский райцентр Калаи-Хумб и приграничную дорогу Душамбе-Хорог, предотвратив нападение. Больше за всю войну попыток нарушения границы не было.

Афганская армия, деморализованная переворотом, покорно приняла вторжение «шурави». Шурави на фарси означает — советы в несколько презрительном тоне. Примерно так позднее у нас стало звучать слово — «совок» т. е. человек в эпоху перестройки проникнутый советским, коммунистическим духом.

Неграмотные крестьяне и кочевники не совсем понимали, что нужно чужим танкам в их спокойной

стране. Многие южные племена, мигрирующие по афгано-пакистанской границе, вообще не интересовались, кто стоит у власти в Кабуле. Они вели автономный образ жизни, лишь формально подчиняясь центральной власти. В пустынях Регистана или Гармсера вместо законов применяли обычаи, основанные на нормах корана и житейской логики. Но изменение ситуации афганцы там почувствовали сразу. Из Кандагара Советские войска через пять дней двинулись на юг перекрывать границу от вмешательства извне. Но даже местные жители не знали, где она находится. Протяженность этих границ не поддавалась учёту и примерно равнялась длине всех южных границ СССР, то понятно, что эта задача становилась невыполнимой.

6-я чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН 104-мя голосами принимает резолюцию призывая вывести иностранные войска из Афганистана.

Но 18 стран, по примеру Финляндии, президент которой Урхо Кекконен, не желая портить отношения с великим соседом, воздерживаются.

Ещё 18 стран голосуют против резолюции: это СССР, Украина, Белоруссия, Куба, Польша, Венгрия, ГДР, Румыния, Болгария, Вьетнам, Чехословакия, Лаос, Мозамбик, Ангола, Эфиопия, НДРЙ, сам Афганистан и, наконец, Гренада. Американцы запомнили это голосование, уже при Рейгане, показательно накажут стотысячный народ, совершив агрессию против страны, занимающей всего 344 кв. километра.

В январе 1981 года на церемонии инаугурации новый глава Белого дома Рональд Рейган заявил, что разрядка

выгодна лишь Советскому Союзу, что «... Они присвоили себе право на любое преступление, ложь и обман, чтобы добиться своих целей. — Империя зла должна быть уничтожена».

В соответствие с его директивой в Пакистан для противодействия советской экспансии были посланы тысячи американских советников. Началась усиленная поставка оружия, боеприпасов, техники окопавшимся в Пакистане группам оппозиции.

В самом Афганистане Кармаль продолжал совершать ошибки. В январе 1981 г. был принят закон о всеобщей воинской мобилизации. Изумлённые миллионы крестьян, веками трудившиеся на своей земле, с ужасом узнали, что теперь должны отдавать своих сыновей на непонятную, не нужную никому из них воинскую службу. В кочующие племена, которые традиционно вообще мало поддерживали связь с правительством, были посланы отряды рекрутов. Население дрогнуло. Оно начало понимать, что этот режим их совсем не устраивает. Тысячи ребят покидали родные кишлаки, уходя дезертирами в горы.

В феврале 81 г. счастливый Бабрак Кармаль возглавляет делегацию Афганистана на XXVI съезде КПСС. Сидя в президиуме съезда, он ещё раз убеждается в правоте своего выбора, решая быстрее, более форсировано вести свой народ по пути социализма. Он отмахивается от объективных цифр, стараясь не замечать очевидного. Уже на второй год его правления падает промышленное производство, добыча каменного угля, соли, химических удобрений. Загоняемые в кооперативы крестьяне

отказываются работать, не понимая, для чего им тогда раздали землю. Сокращается общая площадь посевных, падает производство хлопка, сахара, растительного масла.

В марте 1981 г. правительство вынуждено отменить задолженности более 4-х миллионов людей по земельному налогу: практически каждый третий крестьянин на грани разорения. Принимается драконовский «закон о воде», где в нарушении всех принципов шариата, определяется, как и сколько платить за использование воды. Тысячи оставшихся без земли крестьян, разорившихся, бежавших от принудительной воинской повинности, становятся опорой оппозиции, благо в оружии и деньгах нет недостатка.

Гнев народа направляет мусульманское духовенство, почти полностью отстранённое от решения национальных проблем. Подстрекаемое с двух сторон, справа из Пакистана и слева — из исламского Ирана, духовенство объявляет войну неверным. Это ещё не полномасштабная война, которая начнётся через полтора-два года. Но это уже партизанские действия против своих отступников и помогающим им, пришедших с севера, таких непонятных «шурави».

В конце 81 г. начались первые серьёзные потери и у советских войск. Было организовано четыре пункта сбора и отправки погибших тел в Союз («Груз-200»). Это Шиндадан, Баграм, Кабул, Кундуз.

Поступающее в Пакистан непрерывным потоком оружие и техника направлялись в Афганистан, вооружая моджахедов. Началась минная война, когда земля

вокруг гарнизонов советских войск буквально засеивалась американскими, китайскими, итальянскими и израильскими минами.

В Советский Союз стали возвращаться десятки раненых, инвалидов, потерявших руки и ноги в далёкой южной стране.

В фильмах и книгах про Афганистан будут показывать, как масштабно тысячами гибли советские солдаты. Всё это неправда. Главная заповедь офицеров на войне — безопасность своих людей. По этому показателю оценивались достижения полков и дивизий.

За десять лет в Афганистане СССР потерял убитыми и пропавшими без вести пятнадцать тысяч человек. Ужасающие, трагические цифры. Но они очень далеки от тех фильмов, где Рэмбо убивает советских солдат десятками и сотнями.

Элементарный расчёт показывает, что в год в среднем гибли не более полутора-двух тысяч солдат. Получается в день по всей стране, все введённые в Афганистан дивизии теряли не более четырёх-пяти человек! Грандиозные, тяжелые потери Советской Армии и её полный разгром — всего лишь миф.

Афганские моджахеды и мирные жители потеряли более миллиона человек — практически каждый пятнадцатый. Приходилось сражаться за афганскую армию. Плохо обученная, не укомплектованная, не имеющая навыков владения техникой, она не могла быть серьёзным союзником. Несмотря на отчаянные усилия советских инструкторов, афганские солдаты продолжали разбивать дорогостоящую технику. Более того

во многих частях предприимчивые афганцы продавали советское оружие, вооружая своих противников.

Коррупция и перепродажа приобрели такие размеры, что в неё оказывались втянутыми даже высокие армейские чины. По предложению Андропова осудили и расстреляли двух работников советского посольства, добавив к прочим обвинениям и контрабандную торговлю наркотиками.

В январе 1982 г. вал разоблачений докатился до самого КГБ, когда одним из подозреваемых оказался первый заместитель Председателя КГБ генерал Семён Цвигун, женатый к тому же на сестре жены Брежнева. В результате Цвигун застрелился, а Михаил Суслов, ознакомившийся с подобной информацией о проделках ближайшего окружения генсека, получил моментальный инсульт и был найден мёртвым в своём кабинете.

Андропов, фактически ставший руководителем партии ещё при жизни Брежнева, начал активизировать боевые действия и началось использование авиации — штурмовиков и вертолётов и если имелись данные, что отряды оппозиции скрываются в каком-то кишлаке, то в качестве устрашения бомбили эти кишлаки, убивая и калеча мирных жителей.

Печальным афганским опытом воспользовался позднее и Б. Ельцин, приказавший бомбить г. Грозный.

VIII

— Так, майор, значит, рота готова к выполнению задач командования, сказал полковник Бурченко. А я думаю, что для выполнения тех задач, для которых сформирована твоя рота, она ещё не готова. Садись, поговорим о задачах.

Я понаблюдал за твоими действиями, и пока они все нравятся. Думаю, что тебе можно откровенно говорить о твоих задачах, а то будешь тыкаться как слепой котёнок. Только этими сведениями ни с кем не делись. Кстати, а почему ты не член партии?

— Всё как-то времени не было для этого.

— Ладно, не об этом речь. Так вот, для выполнения основных задач рота должна ещё адаптироваться в Афганистане, чтобы знать, что к чему, и чтобы каждый из вас ходил по земле Афгана также уверенно, как вы ходите в Москве по Тверской. Будете сначала ходить на задания, как обычные мотострелковые подразделения, совместно с афганскими военнослужащими, а уж когда освоитесь, то приступите к выполнению своих основных задач.

Главной целью спецназа ГРУ является блокировка снабжения моджахедов через горы. Наши бойцы спецназа уже приобрели грозную репутацию. Они выдерживают экстремальную жару и холод, страдают

от высотной болезни в горах, устраивают засады при поддержке вертолётов и самолётов штурмовой авиации, попадают в засады сами и делают всё возможное, чтобы остановить караваны с военными припасами, идущие с пограничных баз ЦРУ и пакистанской разведки.

Недавно наши спецназовцы провели впечатляющую операцию, в ходе которой они уничтожили крупный караван, убили 187 моджахедов и захватили изрядное количество техники и боеприпасов, в том числе 8 установок «стингеров и 40 ракет к ним.

Приятно читать в зарубежной прессе как хвалят наш спецназ. Вот французский журналист Эдуард Жирардо, который провёл много времени в лагерях моджахедов, сообщал: «Войска спецназа действуют быстро, тихо и смертельно. За один рейд в декабре 1985 года они вырезали 82 и ранили 60 партизан. Командир моджахедов Амин Вардак так описывал засаду: «Они напали в узком ущелье. Сначала — из-за глушителей — мы даже не поняли, что в нас стреляют. Потом наши люди стали падать».

Но, несмотря на все усилия спецподразделений, удаётся перехватить только 15—20% караванов моджахедов.

Впрочем, мятежники, слава Богу, тоже не преуспели в решении своей главной задачи — заблокировать наши пути снабжения.

Вторая задача — разведка, которая ведётся недостаточно эффективно, так как местные источники информации ненадёжны; технические средства несовершенные, данные воздушной разведки поступают

с задержкой, а станции радиотехнической разведки в горах работают неважно. Наши разведчики записали массу важных разговоров на древние магнитофоны, но им не хватает грамотных переводчиков, чтобы обрабатывать этот материал. Пробуем новые методы, ты должен знать, чтобы не словить, как шпионов ЦРУ, если встретятся. Часть наших офицеров обучены простейшим врачебным навыкам, и они, подражая французской благотворительной организации «Врачи без границ» работают в кишлаках, где их встречают с энтузиазмом, и они собрали немало полезной информации. Страна сейчас наводнена двойными и тройными агентами. Наше соперничество, будь оно неладно, с КГБ приводит к тому, что сами того не зная, мы платим одному и тому же агенту за сомнительную информацию.

Моджахеды тоже держат вокруг наших баз и вдоль маршрутов передвижения советских войск, своих агентов. Основные пути караванов моджахедов теперь идут по бездорожью и горам, вплоть до самых ледников Гиндукуша у самой границы с Пакистаном и Китаем, которые поднимаются на три — шесть километров. Покинуть эти горы можно по одному из двух перевалов, которые и обозначают конец долины: перевал Хавак (3670 м), ведущий к северным равнинам, и перевал Анджоман (4430 м), ведущий к Бадахшану, окраинной северо-восточной провинции страны. Даже летом преодолеть эти горы трудно, а зимой они практически закрыты. Именно по этим перевалам решительные люди доставляли товары, оружие и боеприпасы для восстав-

ших. Вот именно здесь мы ждём успешных действий от ваших скалолазов.

Взамен старых БТР скоро получите новейшие, реконструируемые БМП-2. БМП был более передовым образцом техники, но в горах был неэффективен, так как угол подъёма пушки был небольшим, что затрудняло отражение атак стреляющих с гор. В следующей модели — БМП-2, этот недостаток исправили. Он хорошо защищал от стрелкового оружия, но мина, особенно «итальянка», с мощнейшим зарядом 5,2 кг, могла поднять пол к самой крышке, считая трёх членов экипажа и восемь бойцов. Солдаты предпочитали ездить на броне, а у водителя выбора не было. В комплектацию мотострелковой роты при (стандартном) 101 человеке, было 41 БМП-2.

Напоследок Бурченко ему сказал: «Твой позывной будет «Барс» и его будут знать в вертолётных и авиасоединениях и в первую очередь придут на помощь, в случае необходимости, не стесняйся, вызывай её.

— Желаю успехов, не растеряй свою роту, береги бойцов.

В первое время большинство операций давали малый результат, Афганцы, во-первых, прирождённые воины; во-вторых, — это их горы; в-третьих, разведка у них работала; а в-четвёртых, без всякой разведки, по брэнчанию наших далеко не новых боевых машин и клубам пыли всегда было относительно несложно установить, куда же на этот раз отправились «шурави». Посему их повсеместно встречали мины, изредка засады. Причём засады осуществлялись, как правило, малыми силами. Где-ни-

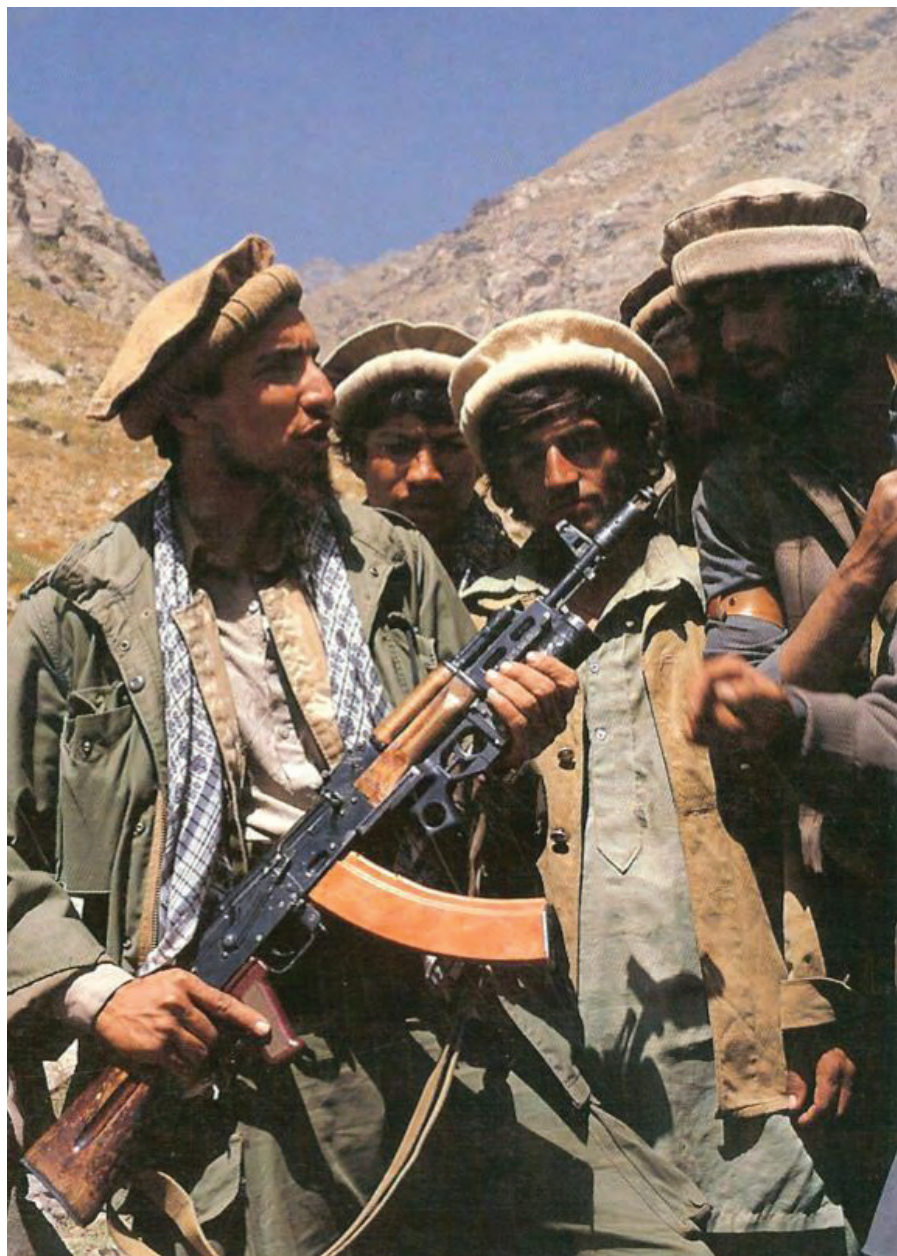
Атака моджахедов из засады

будь, за каким-нибудь полуразваленным дувальчиком с тщательно продуманными путями отхода таились два-три гранатомётчика с помощниками. Какая мимо них идёт колонна — им всё равно, главное, чтоб она шла. Какой-нибудь обиженный танковый комбат разворотит всё вокруг себя — но две-три машины горят, и надо оттащить раненых и убитых, а птички улетели. Причём сплошь и рядом не особенно далеко, в ближайший киряз. Они свои кирязы знают, как «Отче наш», и тягаться с ними в подземно-колодезной воде — бесполезно.

Набегаешься, нанервничаешься, ходишь вне дорог, по полям, по высохшим руслам. Интуитивно, то сажаешь людей под броню (чтобы убереечь от пуль), то на броню (чтобы убереечь от подрыва). Чтоб если уж рванёт, то пострадал один механик-водитель, но у него доля такая. Получишь ничтожный результат — 5—10 единиц оружия, из которых добрая половина представляет немалый музейный интерес. С кем-то по мелочи сшибёшься. Возвращаешься на родную базу, при входе в парк тебе заправят машины, догрузят израсходованные боеприпасы. Ну, думаешь, сейчас все в баню — вшей соскребать. Черта лысого! Тебя уже ждёт новая задача, и минимум через два часа ты пылишь в какую-нибудь другую сторону, и всё начинается сначала.

Кажется, начали разбираться, кто же и по каким мотивам против нас воевал. Помогали и беседы с Юнусом.

Первые — это люди, для которых пребывание на их родной земле любых оккупационных войск невыносимо. Люди гордые, свободолюбивые, независимые. Люди-патриоты.

Моджахеды

Вторая категория — люди, которые в результате калейдоскопической смены властей Шах — Тараки — Амин — Кармаль — потеряли какую-то собственность, порой немалую, и в ходе войны надеялись её вернуть или приобрести новую.

Третья категория — религиозные фанатики. Пришествие на их землю неверных глубоко оскорбляло их религиозные чувства. Они вели священную войну «джихад» и готовы были вести её десятилетиями, до тех пор, пока тело последнего неверного не будет растерзано, размётано, развеяно по ветру. Была такая там скверная привычка — разрывать трупы в клочки.

Четвёртая категория — наёмники. Народ по национальности самый разный, во всех отношениях бравый, профессионально подготовленный исключительно высоко, но имеющий на всех одну общую ахиллесову пяту. Мужики продавали своё умение воевать за деньги. Ну, а раз так, то они планировали каждую операцию не на сто, а с двухсотпроцентной гарантией безопасности. Академически правильно организовать засаду, раздолбать и разграбить какую-нибудь колонну — это, пожалуйста. Но если в избиваемой колонне найдутся крутые, которые окажут жестокое сопротивление, господа наёмники уйдут, бросив всё, включая убитых и раненых. «Пропади оно всё пропадом. Те же гроши возьмём в другом месте. Ишь чего удумали — стрелять!»

Пятая категория своеобразная. За жену в Афганистане положено платить, и... немало. Долбится какой-нибудь бедолага всю жизнь, уже и далеко за тридцать, уже и горб нажил, и руки до колен от непосильной

работы, а всё ни кола, ни двора, ни жены. Таких много. С ними вели примерно такой разговор:

— Махмуд, сколько тебе лет? — Тридцать шесть.

— Сколько надо, чтоб купить дом, жену?

— Сто тысяч афгани!

— Вот двести, Махмуд. Купи всё, живи как человек, но Аллах ничего не посылает даром. Ты должен отрабатывать, Махмуд, точнее — отвоевать. Только один тод, Махмуд. Не успеешь оглянуться, как он пройдёт.

Расчёт беспроигрышный. Или Махмуд почувствовав запах крови, войдёт во вкус и будет воевать до упора; или честно отработав свой год, придёт рассчитывать: «Ты хорошо воевал, Махмуд, спасибо, иди с миром».

— А шестую категорию мы, к глубочайшему сожалению рождали сами. Займут душманы какой-нибудь мирный кишлак, обстреляют советскую колонну, нанесут ей потери. Осатаневший командир, руководствуясь принципом: пусть лучше их мамы плачут — развернётся и вмажет по кишлаку из всего, что у него есть. Если инициативен, то наведёт ещё четвёрку-восьмёрку вертолётчиков. После вертолётчиков по кишлаку прогуляется дивизион, положив 200—300 снарядов, потом выяснится, что на десять убиенных, в лучшем случае, — один душман, остальные мирные. Человек, совершенно далёкий от войны, не желающий воевать, возвращается домой и выясняет, что была у него жена — нет жены: были дети — нет детей: была мать — нет матери и вскипит в нём кровь. И вот он уже не человек, а волк; готов резать, кромсать, убивать до бесконечности. И чем больше длится война — тем больше таких волков.

Они — волки, а мы, с каждой очередной заменой, каждые два года, выбрасывали на этот кровавый рынок толпу сосунков и губошлёпов, с каждым годом волки матерели, а сосунки оставались сосунками. И что больше всего огорчало — это расклад — потери с боя и потери по дурости почти 50 на 50 в обычных мотострелковых соединениях и 75 на 25 в элитных, более дисциплинированных — парашютно-десантных. Это результат невнимательности, рассеянности, безалаберности, всего, чего угодно, только не боевого воздействия врага.

Нужно ещё разбираться и с придаваемыми афганскими «коммандосами». Если их командиру или начальнику штаба поставить задачу, да ещё при этом её нанесут на карту, ходить в этот район бесполезно. Утечка информации у них была 100 процентов.

Зато афганцы были прекрасным «барометром» опасности. Если идут спокойно — иди за ними смело. Если начинают крутить головами, приседать, припадать за камни — всё: жди, максимум через пять минут накроют. Как у них это получается непонятно: то ли шестое чувство, то ли знание местных условий.

Бронежелеты не спасали, таскать тяжело, только формируют у людей чувство защищённости, этим их расслабляя. Солдаты, идя в бой, напоминали вьючных животных. Они несли своё оружие, каску, бронежилет, спальный мешок, палатку, сухой паёк на три дня, фляги с водой, до шестисот патронов для автомата, две осколочных и две наступательных гранаты, сигнальные ракеты и дымовые шашки, один или два заряда для 82 мм миномёта. Всё это весило больше сорока килограммов.

Связисты таскали рации, миномётные и пулемётные взводы — тяжеловесные и громоздкие части своих тяжелых орудий. Солдаты импровизировали. Поскольку бронезиловый очень тяжел и не защищал от пули, они вместо него шили «лифчики» для запасных магазинов, гранат, сигнальных ракет и прочего.

На автоматах Калашникова были приливы для крепления ПСО (прицел снайперский оптический) или НСПУ (ночной снайперский прицел универсальный) и ПСБ (прибор для бесшумной стрельбы). У разведчиков зачастую на ремне ещё болтался АПСБ (автоматический пистолет Стечкина для бесшумной стрельбы).

Командира роты Кичигина бойцы просто боготворили. Вдумчивый, немногословный, всегда спокойный он вызывал уважение, а увидев как он, ловко, и быстро, как кошка, лазает без страховки почти по отвесным скалам, стали его любовно называть «батя». Эта кличка приклеилась к нему навсегда.

В уставе написана команда: «В атаку вперед!» — никто такой команды не давал и никто её не слышал. Мат является основой управления боем. Говорят, русские непобедимы, потому что непредсказуемы. Они действуют большей частью не по инструкциям и уставам, а вопреки им. И побеждают! Станные люди, странная Россия. Если победа достигается вопреки принятым нормам ведения боевых действий, вопреки общим стандартам, тогда для чего принимались эти нормы, если в боевой обстановке их никто выполнять даже не собирался.

Если случались потери, Кичигин переживал их тяжело, на него было страшно смотреть, лицо становилось

чёрным, он до боли стискивал зубы. Разрядка наступала только тогда, когда они возвращались домой. Кичигин и Гудков жили в маленькой комнатке модуля вдвоём, где у стен стояли узкие койки, а между ними у окна стоял столик-тумба во всю метровую ширину прохода. В ногах, за кроватями стояли табуретки для гостей, а стены сзади занимали крючки и вешалки для одежды и оружия. Над входной дверью ещё была антресоль.

Юрий прекрасно понимал Александра, всю его боль за потери товарищей, зная, что, только выговорившись, и неся порой несусветную чушь, противоречившую его основным принципам и понятиям, он успокоится. Он говорил с ним как с младшим, объясняя ему прописные истины, зная, что в душе он с ним согласен. Юра для Сани с детства был душевной отдушиной.

После ужина — гречневой каши с тушенкой, которую принёс им дневальный, и к которой Александр даже не дотронулся, и только выпив стакан водки, сказал:

— Вот скажи мне, Юра, почему я должен на штыках нести стране, где грамотных людей можно пересчитать по пальцам, социализм и Маркса?

— А что ты имеешь против социализма?

— Да потому, что не наш он. Рецепт социализма наша интеллигенция списала у Европы. Списать-то списала, а съедобного блюда по нему сварганить не сумела. Уж как ни старались, а всё отдаёт прелыми щами. У той старой, разночинной интеллигенции и у твоей, рабоче-крестьянской один родовой признак имеется: как взглянется она в лик своей отчизны, так от него, аки чёрт от ладана. Боится она лика России и духа её животно-

рящего брезгует. Светом в окошке для неё со времён царя Петра был немецкий бургер, потом французский буржуа, а теперь вот американский ковбой, у которого «кольт» и одна извилина на двоих с лошадьёю.

Да за два века тот «орднунг» интеллигенции так приелся, что она от него будто спяну, в ноги к еврейскому лавочнику Марксу бухнулась. Научи, мол, бородатый как нам твой «киббуц» в наших снегах сотворить. А теперь вот от собственного «кибуца» к «мировому правительству» на карачках ползём. Причешите, мол, хоть вы нас нечесаных. Уж она причешет, не сомневаюсь! Даст, Бог, миллионов двадцать для самых чёрных работ оставит.

— Не наша вина, Саня, что у местных правителей от социализма, как от райского наслаждения, аж дух захватило. Мы здесь в Афгане для того, чтобы исламские фундаменталисты от Ирана до Пакистана и индийских штатов Джамма и Кашмир не соединились в одно целое. Мы разрезали их... Соединившись они замахнутся на нашу Среднюю Азию, где, как известно, тоже нет другого Бога, кроме Аллаха. Кроме того в Афгане много урановых руд, что поможет создать атомные бомбы в исламском мире.

Не из России, занятой мучительным поиском своего места в мире, грядет угроза их сытому европейскому благополучию. Угроза идёт с мусульманского Востока, на протяжении многих веков обираемого, унижаемого и оскорбляемого ими. Его обогатившаяся на нефтедолларах правящая элита и наиболее обездоленная и радикальная часть народа категорически не принимает

западные цивилизационные ценности. И фанатичные мусульманские радикалы стремительно рекрутируют под знамёна джихада миллионы обездоленных и недовольных. На первых порах оружием мусульманского джихада будет терроризм.

— Ты говоришь, что войну пашешь, а «полканы» и «лампасники» тем временем дачи для себя строят, квартиры делят. Сам знаешь, как комбаты с восемнадцатилетними салагами из боёв не вылезают, а тыловики загоняют «духам» всё — от солдатских носков, до ракет «земля-воздух»!

— А может быть, хорошо, что Афган засветил, что такое наша армия!

— Что же такое офицерская честь? — ответь, Юра.

— До креста могильного, до звезды фанерной служить Отечеству, которому присягал. Отечеству служить, а не идеологиям и старшим по званиям.

— И всё?..

— Трусостью, глупостью и хамством не опозорить честь Отечества, честь его оружия и тем самым честь своих погон.

— Брось, Юра! Секретность, присяга, подписка о неразглашении, гордость профессионала, офицерская честь... Стандартный набор качеств, для таких, как ты, рыцарей без страха и упрёка. Только теперь никому это не нужно. Ты понимаешь, что происходит с нами, со страной? А особо тяжело нашему воину от знаменитого интернационализма. С одной стороны, вроде бы даже романтично: помощь братьям по миропониманию, союзникам — настоящим или потенциальным. А с дру-

гой стороны, всё тайком: и помощь, и военное участие, и награды, и в личном деле у тебя же самого те же люди, которые тебя посылали, пишут какую-то хреновину, например, «командировка на объект такой-то»... И пойдя чего докажи, когда дело до пенсии доходит, докажи, что ты воевал на самой настоящей войне, что из тебя кровь пускали, может даже инвалидом сделали... Да и это всё хрен бы с ним, пережили бы и то, что «братья» сплошь и рядом никакими братьями не оказывались и вместо благодарности либо злобного косяка на тебя давили: «Оккупант!», либо норовили ножик сзади в спину воткнуть. Бог с ним, что разные радиоголоса на разные лады по всему миру тебя проклинали и пугали тобою детей. Самое тут отвратное, что Родина, твоё родное государство готово было в любой момент отречься от тебя, предать забвению, вытоптать самую память о тебе: я, мол, не я и лошадь не моя.

Однажды старого чукчу спросили, что он думает об этой самой советской власти, — улыбнулся Саня.

— И что?

— Баба она хорошая, сказал чукча, но живёт, однако очень долго!

— Это всё демагогия — решительно оборвал его Юрий. Пока страна в оргазме от горбачёвского «нового мышления». Если уж думать о перспективе, то смотри дальше. И после плохой жатвы надо сеять. При хорошем кормчем корабль продолжает путь и под рваными парусами. Это не наша забота. Наша работа — война!

IX

Основу населения Афганистана составляли пуштуны, говорящие на своём языке и представляющие племенные объединения. Из них племя — дуррани — насчитывало более трех миллионов человек и делилось на две ветви — зирак и панджпао. Более непримиримыми были панджпао, а особенно неистовыми нурзаи, чьи предки тысячи лет занимались караванной торговлей, не признавая границ.

Второе крупное племенное объединение — гильзаи, или сулеймахейль, располагаясь от Кандагара до Кабула.

Три с половиной миллионов таджиков и почти два миллиона узбеков, проживающих в Афганистане, делали эту страну второй родиной для таджикских и узбекских парней, проходивших службу в Советской Армии. Оторванные от родных очагов, зачастую плохо понимавших русский язык, ребята вдруг слышали родную речь и встречали земляков, в которых должны были стрелять. Им было непонятно почему по приказу русского командования он, узбек или таджик, туркмен или киргиз, должен стрелять в своих соплеменников. Дезертирство в таких условиях приняло большой размах. Правда это касалось лишь ребят — выходцев из сельских районов и горных селений. Узбеки, таджики, киргизы и туркмены воевали в Афганистане также

честно, мужественно и смело, как представители других национальностей, более того, они искренне верили, что защищают интересы великой державы, выполняя свой интернациональный долг. При этом большая часть таджиков и узбеков, проживающих в Афганистане, относилась к советским войскам гораздо лучше воинственных пограничных племён. Большинство из них уже знали обычаи и особенности пришельцев — «шурави». Это были отзывчивые и добрые, готовые делиться последним куском хлеба, они не трогали наших пленных, старались обратить их в мусульманскую веру.

Положение в афганской армии не внушало особых тревог. Прошла безболезненно смена командиров корпусов и дивизий, назначенных в своё время Амином. Гератский полк, периодически восстававший, грозивший захватом города, был расформирован и создан заново, блокирован подошедшими из Союза частями. Войска не засиживались подолгу в своих гарнизонах, выдвигались к границам Пакистана, использовались для блокады перевалов и троп. В горных сражениях громили рассеянные группы моджахедов. Обретали боевой опыт и навыки.

Партия оставалась расколотой, глухо роптала, делила посты в министерствах, командные должности в армии. «Хальк» был оттеснён, соратники Амина были расстреляны или томились в тюрьме. «Парчам» навязывал свою волю, брал реванш за годы гонений.

Глава фундаменталистов Хекматияр, обосновавший штаб в Пешаваре (Пакистан) грозил всем партийцам — безбожникам расстрелом и виселицей.

Враг непрерывными малыми порциями впрыскивали в Афганистан, как топливо из форсунки, питая разгоревшийся пожар мятежа. Тысячи беженцев, укрывшихся от революции на территории Пакистана, были неисчерпаемым ресурсом восстания. Попадали в лагерь террористов, проходили краткие курсы стрельбы из автоматов и гранатомётов, получали навыки минирования дорог и выбрасывались на сопредельную территорию. Внедрялись в кишлаки и селения, наращивая вокруг боевого ядра действующий отряд сопротивления. Регулярные афганские части громили эти отряды, бомбили кишлаки, танками стирали виноградники и сады, куда отступали восставшие. Обезумевшие жители кишлаков, похватав скarb и детей, бежали в Пакистан, пополняя лагеря беженцев, поставляя обозлѐнных, желающих отмщения мужчин в тренировочные лагеря и центры. Опытные инструкторы ЦРУ, тренеры пакистанской разведки, агитаторы из Саудовской Аравии готовили воинов священной войны, которая медленно, как низовой пожар покрывала своим пепелищем все новые районы, от юга к северу, от Джелалабада и Кандагара к Кабулу и Кундузу.

Страна, в которой оказалась 40-я армия, разительно отличалась от европейских равнин, к боям на которых готовили советских солдат. Она как будто создана для партизанской войны: стычек в горах, кишлаках и на окраинах городов, придорожных засад и карательных операций, разовых крупных операций. Афганистан как будто предназначен для разрушения, возмездия и невероятной жестокости.

Горы, покрывающие четыре пятых территории страны, тянутся с востока на запад: от Памира, где сходится Таджикистан, Индия, Пакистан и Китай, практически до иранской границы, лежащей за Гератом. Горы пересекают Афганистан с севера на юг и делят афганцев на нередко враждебные друг другу группы, говорящие на разных языках, имеющие разную культуру, а на протяжении большей части своей территории — ещё и разные религии. Местность разрезают долины и ущелья, которые под силу преодолеть только пешком: крестьянам и пастухам, торговцам, контрабандистам, путешественникам, туристам, хиппи и партизанам со своими караванами оружия. До XX века в стране практически не было транспортных путей — лишь тропы, пригодные для пешеходов и вьючных животных, но не колёсного транспорта.

В этих горах сражаться трудно — и это ещё мягко сказано. Местные знают все тропы и тропинки, зачастую опоясывающие отвесные горы: на них легко устроить засаду, их легко оборонять и трудно найти. Но это далеко не всё. Противники нередко встречались друг с другом на высоте пять тысяч метров, где высотная болезнь могла вывести человека из строя до тех пор, пока он не пройдёт высотную акклиматизацию. А чтобы спустить раненого вниз, требовалось до шести его товарищей, которым приходилось это делать под обстрелом.

Здесь даже небольшая группа решительных бойцов может сдержать мощную колонну противника: занимаешь обзорные высоты, блокируешь начало и конец вражеской колонны и не спеша уничтожаешь её. Именно это

случилось с Индской армией по пути из Кабула и Джелалабада к Хайберскому проходу в январе 1842 года. Сто с лишним лет спустя моджахеды действовали также. Они занимали высоты, удобные для атаки, на советские колонны перегруженных машин, танков в сопровождении и БМП, подбивали первую и последнюю машину ракетами или подрывными минами, а затем методично уничтожали остальные.

Русские, пробиваясь сквозь горные перевалы и по пустынным дорогам, приняли такую же тактику: они отправляли спецназовцев и десантников форсированным маршем или на вертолётах, чтобы захватить высоты прежде моджахедов и перекрыть им пути к отступлению.

Большинство афганцев живут не в горах и больших городах, а в кишлаках на длинной полосе низинной земли, которая проходит по северу страны, сворачивает на юг у Герата, идёт через пустыню к востоку и упирается в горы в районе Кандагара. На эту полосу приходится около 15% территории страны, но только 6% используется в сельском хозяйстве: животноводство, пшеница и хлопок, фрукты, орехи, дыни, изюм и, конечно, мак. Бесплодная земля перемежается пятнами буйной зелени.

«Цветущая плодотворная равнина, — живописал афганский ландшафт Александр Проханов, — где в садах, виноградниках тянулись золотистые гончарные селения, в рукотворных колодцах копилась прохладная влага, на крохотных аккуратных полях зеленел молодой рис, пламенел цветущий мак, горели желтые чаши подсолнечника».

Сами кишлаки зачастую устроены по схожей схеме: узкие улочки, дома с плоскими крышами, с глухими стенами, обращёнными к миру. Глинобитные дома быстро стареют, и часто трудно определить их возраст. Обратившись в пыль под влиянием времени (или бомбы), они сливаются с землёй, из которой они построены, будто их вовсе не существовало...

Кишлак совсем небольшой — с десятков укреплённых зданий, да несколько глинобитных построек. Крепости поражают своими размерами. Но, скажем, для жителей кишлака Калашахи это такие же обычные дома, как и любые другие. В отличие от афганских городов с их теснотой и грязью, здесь совсем другая планета... Высокие, до шести метров, глинобитные стены. Толщина их более метра. Даже из танковой пушки пробить такую стену не всегда удаётся. По углам крепости трёх-четырёхэтажные башни. По внутренней стороне стены одно-двухэтажные жилые постройки из необожженного кирпича. Как правило, расположены буквой «П». На северной стороне крепости построек нет — северная сторона холодная. Отапливать зимой постройки с северной стороны невыгодно. Топливо здесь дорогое. Только в одной из комнат может быть построено подобие камина из сырцового кирпича. В качестве топлива используют кизяк — пресованный и высушенный коровий или верблюжий навоз. Дровами топят только самые богатые. На первом этаже обычно располагаются подсобные помещения, кухня и подобие гостиной. Нечто среднее между столовой и залом для приёмов гостей. Пол в этой

Разминирование дорог

комнате устлан циновками, иногда коврами. В них живут летом, когда глинобитные стены не дают проникнуть в дом изнурительному зною. На втором этаже — спальни и комнаты для зимнего проживания. Как правило, они расположены прямо над кухней. В кухне открытая печь для приготовления пищи. Вытяжной трубы нет. Вместо неё множество дымоходов, ими пронизаны все внутренние стены крепости. Они распределяют тёплый воздух по комнатам. Дом похож на большой организм. В дальнем углу крепости расположен загон для скота. Недалеко от кухни большой колодец — киряз. Общая площадь в крепости не менее четырёхсот квадратных метров. Живёт в ней обычно одна семья.

Солдаты называли возделанную землю вокруг кишлаков «зелёнкой». Несмотря на обманчивую внешность, «зелёнка» была ещё менее удобна для боя, чем горы. Вдоль дороги слонялись вооруженные до зубов люди в длинных рубашках и накидках, в чалмах и пакулях, и невозможно понять, кто это: бойцы местной самообороны, моджахеды, поджидающие лакомую добычу, или те и другие одновременно. Эти деревни, куда боевикам было легко внедриться и где они могли застать врага врасплох, а затем скрыться от возмездия, где каждый дом и дорога могли быть заминированы, где мирные жители внезапно могли оказаться замаскированными врагами, были просто кошмаром.

Главная задача каждой стороны была довольно простой: перерезать каналы снабжения противника. Всё топливо, технику, боеприпасы и большую часть прови-

анта советским войскам доставляли грузовики из СССР. Моджахеды же получали большую часть оружия, боеприпасов и прочего через горы Пакистана.

Поскольку сражения шли за дороги, тропы и горные тропинки, и русские, и повстанцы охотно использовали мины. Мины поступали к афганским мятежникам из Америки, Британии, Италии, Китая, Израиля. Кроме того они сами собирали взрывные устройства. Самая крупная мина могла уничтожить танк или БМП, самая маленькая — оторвать солдату ногу. Для очистки дорог русские направляли танки-тральщики. Сапёры использовали обученных собак и прощупывали дорогу вручную: от детекторов металла толку не было, потому что моджахеды часто пользовались пластиковой взрывчаткой. Автоколонны и поисковые группы следовали за сапёрами с черепашьей скоростью. Как говорится, сапер ошибается только один раз.

Русские называли ту кампанию «минной войной». Русские, в свою очередь, окружали защитным поясом из мин собственные позиции, а также перекрывали тропы, которыми пользовались мятежники. В теории, нужно тщательно наносить места закладки мин на карту. На практике карты оказывались неточными, их теряли или вообще забывали составить, так что порой солдаты подрывались на собственных минах. Повстанцы записей вообще не вели. Земля Афганистана до сих пор утыкана минами, которые закладывали участники, как советской войны, так и последующей гражданской. Люди гибнут и сегодня: дети подрываются во время игр, крестьяне — обрабатывая поля.

Моджахеды избегали открытых сражений, хотя многие журналисты расписывали их безумную отвагу. Не очень-то они стремились на колени к Аллаху за убийство неверного. Они наносили удары из засады, когда преимущество было на их стороне. Иногда они заходили дальше и нападали на военные гарнизоны и авиабазы. Но пока в Афганистане находились советские войска, по стране перемещались автоколонны, главные дороги оставались открытыми и ни один сколько-нибудь крупный город не попал в руки моджахедов.

Русские, в свою очередь, устраивали налёты на кишлаки, чьих жителей подозревали в помощи мятежникам, наносили удары по горам, чтобы разрушить их базы и разогнать боевиков, да и сами устраивали засады и минировали тропы. Поддержку обеспечивали транспортные и боевые вертолёты, артиллерия, истребители-бомбардировщики 40-й армии и стратегические бомбардировщики, вылетающие из авиабаз СССР. Даже младшие офицеры — лейтенанты и капитаны, — могли запросить артиллерийскую поддержку. Известно, какие печальные приносили они результаты.

Были и такие военачальники, которые требовали применить «тактику Будённого». (С басмачами в Средней Азии не могли справиться до 30-х годов, имеющие опорные базы в кишлаках. Будённый предложил жителям кишлаков переселиться в города, под защиту гарнизонов, кишлаки разрушил, а колодцы забил трупами животных. Басмачи, не имея опоры и воды для коней, ушли за границу, где все проходы прочно заняли погранзаставы.)

Но, естественно, эту тактику отвергли, более того военная прокуратура часто привлекала к ответственности за необоснованное убийство мирных жителей.

Но чтобы эффективно сражаться с моджахедами, требовались особые навыки, особая тактика и особые войска. Хотя в таких операциях регулярно принимали участие обычные мотострелковые отряды, главное бремя неизбежно ложилось на части спецназа и десанта и на разведывательные батальоны и роты, в составе мотострелковых дивизий и полков. Эти части сражались очень эффективно, как в высокогорной местности, так и в «зелёнке». Они составляли около 20% общей численности войск.

Силы спецназа КГБ и МВД были значительно меньше и в основном должны были заниматься разведкой. Они создавали агентурные сети среди моджахедов, изучали взаимоотношения племён и кланов в зоне своей ответственности, раскрывали места нахождения баз, маршрутов снабжения и схронов. Они должны были отслеживать и брать живыми (или мёртвыми) иностранных советников, склонять командиров моджахедов к переходу на сторону правительства, сеять раздоры между бандформированиями. Афганцы вели такую же игру и сливали русским ложную информацию, чтобы подставить личных врагов или врагов племени.

Группы КГБ входили в формирование «Каскад», созданное Андроповым летом 1980 года. Они называли себя «каскадёрами». Через три года их сменила аналогичная «Омега» и через год прекратила существование.

Многие сотрудники до конца войны были приписаны к различным спецподразделениям.

Спецназ МВД работали под кодовым названием «Кобальт», в основном из сотрудников угрозыска. Они помогали ХАД.

Х

Когда началась самостоятельная работа подразделения Кичигина, дела пошли значительно лучше. На задания (в основном разведывательного характера) их подвозили на БМП, и, сделав скрытую высадку, БМП возвращались на базу. А рота, не пользуясь тропинками, по бездорожью, преодолев отвесные скалы, скрывалась в горах.

Однажды, под вечер, в модуль зашел высокий, худой и совершенно седой, лет сорока пяти мужчина в афганской одежде (широкие штаны, безрукавка, рубаха, с нуристанкой на голове и в сандалиях), и, представившись полковником Сафоновым, — сказал:

— Майор, поступаешь в моё распоряжение. Из надёжных источников имеем сведения, что давно готовится большая акция по нападению на авиабазу под Баграмом. Сейчас прибыл координатор из пакистанской разведки и с ним ЦРУшник. Многие полевые командиры между собой враждуют, вот он и суетится здесь, готовя из них один большой кулак. Бери не больше взвода самых борзых, с альпинистской подготовкой, переодетых всех в гражданское барахло. Желательно, чтобы маскировать оружие было побольше широких балахонов, в каких они от непогоды прячутся. Советским на границе с Пакистаном «светиться» не следует, а то весь мир

поднимет вой. Нас подбросят на БМП, а мы, сделав крюк, зайдём к ним навстречу со стороны Пакистана. Если удастся захватить пакистанца или ЦРУшника, я с ними возвращаюсь вертушкой, а вы ещё поищите в указанном мною районе схрон в горах с ракетным оружием и уничтожьте его. Выезжаем завтра в 14—00 с демонстративным грохотом и десантом под бронёй.

Дневальный принёс ужин. Кичигин распорядился, чтобы принесли и гостю.

— Выпить есть? — спросил Сафонов. Гудков молча, поставил на столик бутылку.

— А вы будете?

— Нет, только после задания.

— Ну, тогда я один уговорю её. Посидели ещё после ужина, обговаривая детали операции.

— Всё, я пойду спать к ребятам в палатку, посмотрю на ваших орлов, говорят, летают по скалам, как птицы.

Дневальный, как настоящий разведчик, сразу раскусил суть гостя и сказал ребятам, что завтра с ними пойдёт старый «полкан» из «конторы».

Когда в палатке все улеглись, крепко принявший гость, укладываясь, что-то бормотал себе под нос.

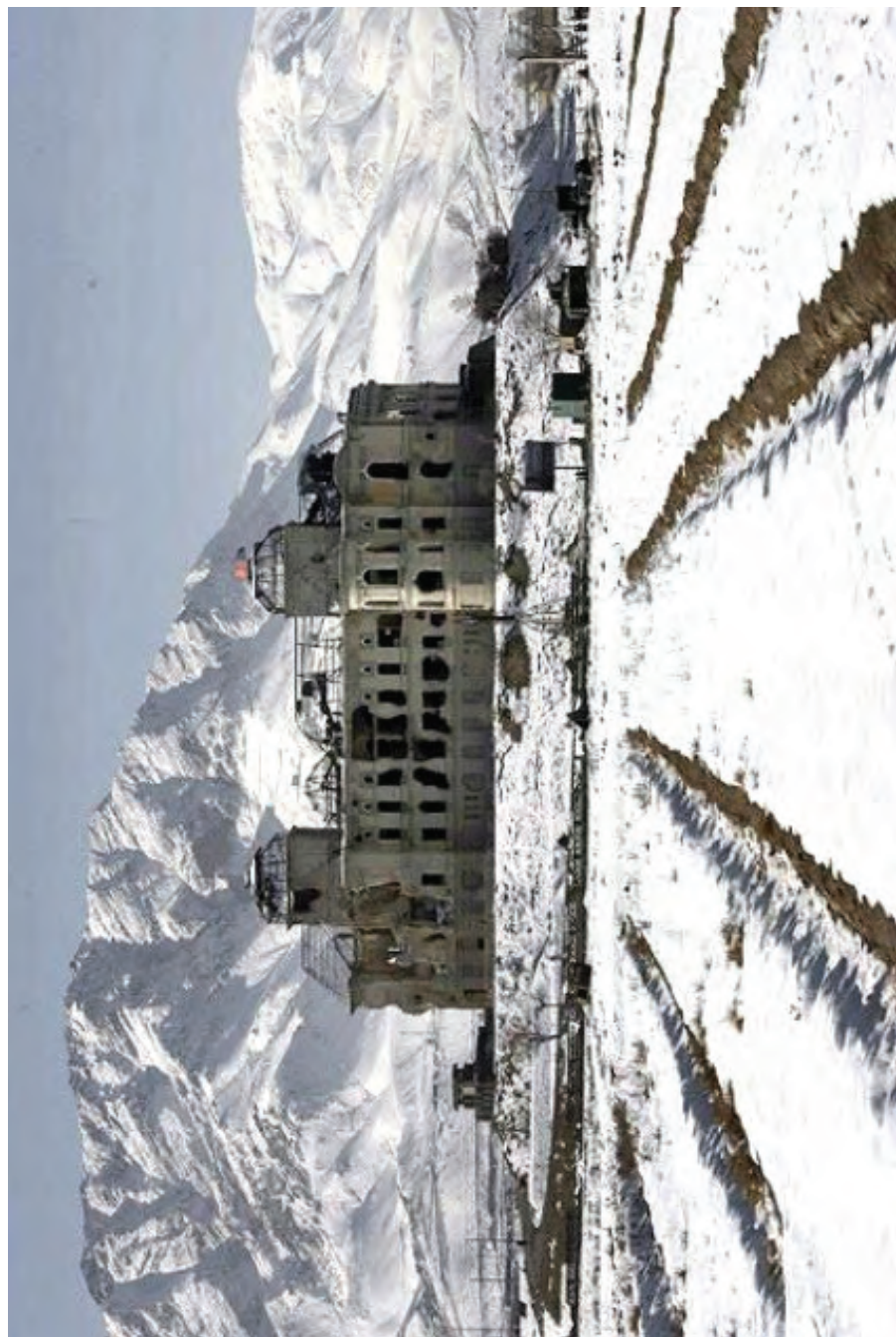
— Отец, расскажи лучше, как вы заварили здесь эту кашу, расхлёбывать которую нас сюда послали, — попросил старослужащий Лёша Коновалов.

— «А, хрен с вами, слушайте, может, кто умнее станет, мне все равно пока хмель не выйдет не уснуть. Я же давно в этой каше варюсь. Первые трупы ещё в Венгрии видел. Хрущев тогда послал танковую армию утюжить Венгрию. Армия была полностью безоружна. Погиб-

ло около десяти тысяч молодых бойцов. Погибло бы и больше. Спасибо немцам, они были с полным боекомплектом к танковым орудиям и пулемётам. Они показали своим бывшим верным союзникам, как умеет воевать немец, ни на шаг, не подпустив к своим танкам «хортистов» с «коктейлем Молотова».

Главное наше дело — как можно лучше выполнить приказ. Дан тебе приказ, а ты его выполни!

Ну, легли, ждём команды. Вот он перед нами, дворец правителя, как на ладони. Дворец этот, ребята, — я думаю, вы и сами увидите, — возвышается над городом, на площадке, вырубленной сто, что ли лет назад в склоне хребта. За этим хребтом — ещё хребет, а над ним — багровое, как застывшая кровь, закатное небо. Самолёты заходят один за другим на последний вираж перед посадкой. С этого-то, более далёкого хребта в последнее время наладились «духи» — мы их тогда звали басмачами — сбивать самолёты. Причём, все равно, какие: военные, гражданские — они разницы не делали. Два раза лазали наши по этому хребту: следы от костров есть, в одном месте нашли остатки оружейной упаковки свеженькой. Мы всё гадали, что за оружие, которое позволяет полудиким афганцам так точно стрелять на поражение, кто их всему этому научил, кто надоумил поставить стрелков на гребне хребта над городом. Для нас это всё оставалось тайной за семью печатями. И вот что любопытно: в первое время правитель, ну, курва-та эта, обещал содействие, а потом что-то всё заглохло, как будто, никто ни о чём не знает, ничего не слышит. Улыбаются, собаки, как японцы, а что там за этими улыбка-

ми... (Здесь полковник сладко прищурился, вспоминая тот день, едва ли не самый главный в своей жизни).

...Он бросил проверяющий взгляд вправо, потом влево. Вот они чуть ли не все здесь: слева горстка и справа горстка — «сборная конторы глубокого бурения». Маленько «Альфы», маленько «Вымпела», маленько «Зенита», маленько «Грома». А там, наверху, которые будут дворец защищать, человек примерно триста (трудно сказать, возьмутся повара или там банщики за автоматы или нет).

Ну и что с того, что наших парней горстка? Да ведь каждый из них самое малое десятерых стоит. Эти там, наверху, они кто? Сытые морды, и ничего больше. А у наших, у «сборной»-то, инициатива, кураж, желание сделать братский народ счастливым. Ей-богу! Дураки не дураки, а так все думали, и не только потому, что тогда политработники своё дело хорошо знали. Просто верили душой: ещё чуть-чуть, и начнётся благоденствие, если все афганцы в школы пойдут, «Мать» прочтут да с Союзом дружить станут. Тогда ведь войны в Афгане ещё не было: так, кое-где полыхнёт — да и потухнет. Чуть-чуть поднажать — вот оно, благоденствие, и все тебе спасибо говорят: молодец, скромный герой. Э-э, да что теперь об этом!

Ну, вот он, стало быть, дворец — как на ладони. Стоит он на высоком уступе, сзади прикрыт склоном гор, вокруг дивный сад. Ну, впрочем, сад-то внизу мы тогда не видели. Да зима к тому же. Только знали, что есть там сад, дивной восточной красоты, как положено. Сад обнесён по всему периметру каменным дувалом. Высокий

дувал, поверх колючка, по углам торчат вышки с пулемётами. К слову сказать, эту всю охрану по периметру наши же спецы и делали, ведь при короле необходимости во всём этом не было. Ну а правителю-то приходится себя охранять как надо! Знает, паскуда, что есть ему чего бояться: если не своих «буржуинов», то, блин, соратников по партии, которых он последнее время в тюрьмах пачками начал к стенке ставить. А если не своих, то наших, поскольку решил хозяев поменять, к американцам перекинуться. Насчёт того, что нам динаму крутит, а сам жопой перед янками виляет, это в Конторе доподлинно известно было. Ну и то сказать, ребята, Гитлер ему, видите ли идеал. Если разобраться, то он, конечно, ведь с ним, с Гитлером-то, не воевал. Так что, почему из него идеал не сделать? Откинь его людоедство, лагеря, агрессию против всего мира — и что останется? Народу своему благодетель? Благодетель! Пуще того: социалист? Социалист! К власти пришел законно? Законно! Предвыборные обещания выполнил? Выполнил. Всем работу дал. Страну снова великой и сильной сделал, Ну, как из такого деятеля кумира не сотворить? Почему не заимствовать его опыт? Ну а нам — то уж, конечно, вся эта лабуда не в лист. А особо то, что правитель собрался Гитлеру в Кабуле памятник ставить. Его, блин, учили в Москве одному, а научился он совсем другому. Да ещё и советник из цереушников у него появился — какой-то блондин, который всё к нему как журналист шастал, якобы книгу писать собирался. А эти стервы, американцы-то, они нашу поклёвку завсегда заглотнуть норовят — другой раз крючок без кишок не вытаскива-

ется. А Амин, мудозвон-то этот кабульский, может, подразнить наших хотел, ну, чтобы денег подкинули или ракет каких.

Наши в амбицию: ах, раз у вас Гитлер, мы вынуждены сделать на вас три раза тьфу! А янки тут как тут: плюют рашен френды? Ну и хрен с ними, господин правитель, мы вам сами ракет дадим, наши ещё лучше ихних! Ну, словом, как всегда: чуть наши обосрались — глядь, а в нашем дерьме уже янки роются. И так, сколько уж лет, пацаны.

...Кабул, надо сказать, и так на высоте, а тут ещё и зима, конец декабря как-никак, продувает до самого аппендицита. К тому же горячка внутри: а ну, дай мне его, врага-то этого, на один зуб — попробую, что он такое. Тут главное — себя не перегорачить, дожидаться сигнала. Не дай Бог спустить пар раньше времени, запсиховать там или дёрнуться не по делу... Всё должно быть тик в тик.

Расчёт он какой? Гарнизон большой, а нас мало. Да каждый, как уже говорилось, за десятерых. Плюс к тому Контора родная без помощи не оставила, там, во дворце, наш человек в обслуживающем персонале, повар, что ли, конкретно нам, сами понимаете, не докладывали и фотографии не показывали. Должен был этот человек своей банде — и охране и правителю — всыпать в ужин снотворное. Ну а дальше уж наша печаль-забота, как исполнить этот концерт. Да так исполнить, чтобы он потом во все учебники образцового скорохвата вошел.

Ну, раз нет такого учебника, расскажу своими словами ещё раз: дворец на горе, по периметру охрана.

Ко дворцу снизу одна дорога, типа шоссе. Как в горах водится — серпантин, в скале вырублен. В одну сторону можно проехать, в другую — жди, когда путь освободится. И опять же, пешочком не прогуляешься — тут же, перебьют, как мух. Конечно, при таком раскладе объект лучше всего с воздуха брать: посадил на крышу вертух, выбросил штурмовой отряд или группу захвата — как больше нравится, так и назови, — и вперёд, за орденами! Ан нет. Никаких вертух. Никакой тяжелой техники. Всё должно быть шито-крыто, чтобы ни одна падла не вопила потом: русские-де захватили руководителя страны, чтобы посадить своего ставленника. Как выйдет — так выйдет, а для разговоров лишних поводов не давать! Политика! Это раз.

А во-вторых, там, на крыше, скорострельные зенитные установки. Если охрана почему-либо не заснёт, она, значит, вертолёты аннулирует, и, стало быть, всей операции крышка. И выходит, вариантов нам оставлено исключительно много: один — по сигналу из дворца проводим урок скалолазания, лезем вверх по репшнурам, имея за спиной всё необходимое для дальнейшего регулирования событий баракло. Ну что ж, пусть так, раз по-другому не получается! Наблюдаем через бинокль за дворцом. Мало-помалу гаснут окна то здесь, то там. От этого, кажется, что на вышках ярче огни горят. У часовых морды сонные, хотя, впрочем, кто поручится, что он уже принял свою порцию снотворного, — они на посту, эти чудики, всегда такие. Вон жуёт и жуёт. Терьяк, наверно... По цепочке команда: начать накапливаться для штурма в тех местах, где намечено

закрепить репшнуры. «Ну как, капитан»? — спрашивает меня полковник Гриша. «Как в Польше, товарищ командир! — по-военному рублю я. — Личный состав готов заделать козью морду наглому ффраеру!»

— А не боишься, что нам с тобой козью морду заделают? — смеётся тот.

— Мне не заделают, товарищ полковник.

— Это почему же? — удивляется полковник.

— Да потому, что вы меня прикроете! — отвечаю я.

Бойцы наши, те, что поближе, гогочут вполголоса и от этого гогота нам с полковником становится как-то веселее — а и вправду прикроет. Полковник — наш, мы, если надо, не то, что прикроем, мы за него на пулемёт ляжем!

Надбровья уже ноют от ледяного бинокля, но продолжаю глядеть во всю. Вижу — в верхнем ярусе дворца, служебном, гаснет одно из окон, и тут же в нём начинает мотаться фонарь: раз-два-три — вправо; и ещё раз влево. И ещё: раз-два-три — вправо...

— Вперёд, братва, восхождение начинается!

Я потом прочёл в подборке переводных материалов, что мы шли, поливая всё перед собой огнём ручных пулемётов. Это, скажу вам, хлопцы, фигня, чтоб не сказать грубее. Мы почти не стреляли, говорю вам, как очевидец. Нас и не слышно, было поначалу — ножи, кулаки... Хороший удар по башке, пусть и пустой рукой, он, когда надо, тоже многого стоит. Ну, уж когда нас засекли, мы им такую канонаду устроили... Поэтому не больно-то эти афганцы сопротивлялись, мы-то к худшему готовились. Офицеры, те, что поближе к правительству, те,

видать, с Амином вместе ужинали, как мухи варёные, поначалу шевелились. А те, что попроще, хоть и гвардия, а чего-то не больно рвались правителя этого защищать, особенно когда врубались с кем имеют дело. Мы давили их пулемёты, едва они начинали плевать, ну, они и не плевались. Погорячились было часовые, что на вышках, но мы с ними тоже договорились быстро — зря, что ли, гранатомёты на себе пёрли. Хорошая это штука — гранатомёт, доложу я вам, никогда не пренебрегайте, ребята, когда он есть под рукой, конечно...

Если говорить честно, мы даже малость расслабились после такого начала: ждали серьёзной ошибки, а тут, на тебе, все сопли жуют на ходу! Да мы, если надо, каждый день по такому дворцу брать будем... после обеда...

И вот тут-то всё и началось! Сначала никак не могли справиться во дворце с тяжеленными дубовыми дверями, которые даже автоматы не брали. Потом разгорелось сопротивление в самом дворце, и на слух даже было слышно — нешуточное. Даже два крупнокалиберных пулемёта вдруг замолотили, гранаты брякали, как петарды на новогодней ёлке. Так что, хочешь не хочешь, а в один момент вся спесь с нас слетела, разумение пришло: нет, ребята, каждый день это слишком, будем брать по дворцу раз в неделю. Да и он, дворец-то этот, честно говоря... Вот у нас... ну, Зимний какой-нибудь — дворец так дворец! А это... тьфу! Караван-сарай. Но врать не буду, есть залы, где и богато и красиво, аж гранату бросать рука не поднимается, но больше всё какие-то переходики, дворики, закоулочки... То кирпичная стена, то лесенка вниз, то балкончик, то галерейка, то чуть ли

не подземный ход... Примерный-то план дворца этого самого у нас был, но ...чёрт его знает, почему это так всегда, в натуре всё не то оказалось, из-за чего мы сразу семь человек попусту потеряли, зазря. Да и при штурме хороших ребят оставили навечно лежать под стенами этой цитадели. Ну что поделаешь, когда перед тобой такой лабиринт и из-за каждого закоулка тебя пристрелить норовят!

Ну и то скажу: едва у нас потери начались, так нам все эти сложности сразу же мешать перестали. Хреновая схема, верно, но вот же на ней: коридор, комната приёмов, кабинет правителя, его личные апартаменты, как говорится, азимут есть. Вот туда, к кабинету, к апартаментам, мы и начали пробиваться с нескольких сторон — и «Вымпел», и «Альфа», и «Зенит», и «Гром». Лупим, крушим, вминаемся в стены. Прячешься за любой выступ, за самый малый бугорок на стене, крикнешь корешу: «Прикрой, земля!» Он поверх тебя лупит, а ты, согнувшись — в дверной проём, в полную темноту, а оттуда — вспышка, очередь по тебе: жа-жа-жах; а ты уже на пол валишься, как бревно перекатываешься, бьёшь на звук, опять вскакиваешь и не чувствуешь ни тяжести жилета, ни корявых автоматных магазинов, которые впиваются в тебя каждый раз, когда ты катишься через себя, словом, будто забываешь обо всей этой положенной при захвате объекта тяжелой амуниции. Помнишь только, что по тебе в любой момент могут начать стрелять и главное в этой игре — угадать момент, когда он, враг твой, начнёт по тебе лупить. Выживает тот, у кого внутри сидит что-то такое, что в нужный момент кри-

чит громко-громко: вот, приготовься, сейчас жажнет! Ты уже брякнулся или в сторону сиганул, а этот в чалме только ещё жмёт на спуск...

Взять хоть журналиста того, который потом всё про Афган рассказывал... Ну, вы знаете, который по телеку говорил, как он всё ждал в первый раз, когда его в гостинице пристрелят: вечером свет в номере не зажигал, в туалет ходил едва ли не на четвереньках — знал, что «бур» с того беспокойного хребта, откуда басмачи наши самолёты валили, до гостиницы добивал. И он не трус, ребята, он потом не один раз это доказал. Просто ему его внутренний голос всё время кричал: опасно, мол. А у меня ленивый этот самый голос кричит только перед тем, как в меня стрелять должны, зря энергию не тратит. Ну и всё, и о чём тут говорить — один так устроен, другой иначе. Один создан для войны, для пальбы, другой, может, лучше всех картошку выращивает; не известно ещё, что нужнее, кичиться тут особо не резон. Скажу только объективности ради, что наша с вами профессия более редкая, чем другие...

По ощущениям час уж, наверно, прошел с тех пор, как мы во дворец ворвались, а огонь всё сильнее и сильнее. Что это может обозначать, по-вашему? Правильно! Это означает, что мы близко к цели. То и дело слышу, как наши себя обозначают: сюда, мол, не бей, свои. Ну, свои так свои, о чём речь, нам бы с чужими разобраться!

И вдруг «дух» у меня на пути, а у меня нож в руке, и организм мой уже весь за этим ножом в струну пошел: сейчас я его вскрою, как консервную банку, этого «духара»! А он ушел в бок, так грамотно! Скажу вам, ребята,

без ложной скромности, от меня мало кто уйти может, а этот надо же — ушел! Ушел и стоит, руки опустил, а сам орёт мне сиплым таким шепотом: стой, браток, я свой! Какой же ты свой, падла, когда на тебе форма гвардейца правительева и тюрбан! А он рвёт форменку на груди, а у него под курткой — мама родная! — такой же тельник, как у меня самого, в голубую полосочку. ВДВ! Что за маскарад?! Ё-моё, да я ж ведь его знаю — Андрюха Немчинов. Нёма! Когда-то мы в одной учебке с ним задница об задницу колотились. Хорошо, думаю, что я ножик не бросал, а ведь ткнуть хотел! Теперь даже как-то неловко! Ещё бы чуть — и хана Андрюхе! «Ты чего тут?» — спрашиваю. «Как чего, — говорит — охрана правителя. Официально. Нас тут пятнадцать человек от Конторы прикомандировано». Говорит, а у самого вдруг глаза оловянными становятся, белые, он цоп за автомат свой... Я, признаться, его не понял, тоже за автомат, а тут сзади меня вдруг: ду-ду-ду. «ДШК», мать его! Стреляли из ДШК? Мишени видели? А теперь представьте, какие он дырки в человеке делает. Считай, порвало Андрюху надвое, кровищи — жуть, у меня аж всё нутро свело. Ну, падаю, переворачиваюсь сам не свой, думаю: сейчас я тебя, блин, падла афганская... А он стоит, курва, отдыхает после подвига — «полкан» один из конторы, вы про него не знаете и не слышали... Прикомандировали его к нам перед самым делом, представили нам его как заместителя командира отряда. И он, сука эта, орёт мне по нахалке: — никаких переговоров! Пленных не брать! — Да он же свой! — кричу я этому поганому «полкану», и верите, нет, аж душа заходится, что я его, падлу,

не шлёпнул, когда пережат делал. А он морду репой сделал, как будто я у него на допросе в подвале каком в Варсонофьевском:

— Своих мы всех знаем, свои у нас на счёт!

— Ах, ты, интернационалист хренов... Ну до чего ж жалко, что я в тебя весь магазин не всадил, аж слезу вышибает, как от горчицы, ей-богу... А потом малость как-то поуспокоился я: что-то тут не то, думаю, тут знак какой-то свыше, потому что в такой горячке, как там, во дворце, мать родную подстрелишь и только потом уж сообразишь, что наделал. Не зря, выходит, я этого чмыря не тронул.

Пока я так философствовал, ухнула где-то, сосем рядом граната, «полкана» моего как ветром сдуло, будто и не было. Исчез куда-то, и прямо перед самым носом у меня стена рушится — сплошной саман, блин, во дворце-то! И в дыре этой, в провале я вижу ещё пяток таких же ряженных, как Андрюха, — все раненые, кто лежит, кто сидит, все в кровище, и у всех тельняшка наружу, чтоб видели, кому надо — свои, мол. И оружие рядом лежит. Я только хлебало разинул крикнуть им: здорово, мол, орлы! Как вдруг у меня из-за спины выскакивает снова «полкан» и орёт на фарси:

— Все руки вверх!

— А пошел бы ты, — говорит один из этих, в тельняшках.

— Свои мы! А ну встать всем, продажные твари! — заходится вдруг «полкан» — Сейчас мы разберёмся, какие вы свои!

Тот малый, который послал его, снова говорит:

— Ты, фуфло, к нам не вяжись, после разберёмся, кто свой, а кто продажный! Мы-то все стрелянные, мы никуда не денемся, а ты лучше янки ищи, понял? Новый советник правителя. «Зелёный берет», офицер. Высокий, белый, одет в форму офицера ХАД, стреляет с двух рук, как тебе и не снилось, да и мне тоже, — потом поворачивается ко мне: — Скажи хоть ты этому мудаку, земля, что нас уже ловить не надо, мы пойманные...

...Много чего там ещё было, ребята, одно скажу сразу: не видел я потом больше никого из тех «духов» в тельняшках.

И ещё: так никто потом и не докопался, почему на правителя снотворное так плохо действовало, что он самолично отстреливался, как Чапаев, до самого конца. А надо сказать, что всё-таки мы его подстрелили потом. Правда, в той бойне и у нас потери были. На похоронах двух зенитовцев я сам был в Москве. В общем, кончен бал, погасли, как говорится, свечи.

Выстроили нас в ограде дворца, и командир наш, полковник Гриша, только начал речь толкать, как мы здорово всё провернули и как нас похвалят теперь, как вдруг бах...

Как в том фильме поётся: вдруг пуля пролетела, и ага...

Гриша ещё в жилете был — все мы в жилетах стояли, — так она его прямо над жилетом и тюкнула, в шею! Бесподобно какая-то гнида, стреляла. Тем более, что пуля насквозь вышла, и даже на глаз видать, пулька целевая. Рубашка на Грише даже не помялась... Пуля, сразу видно, из снайперского винта пущенная. И вспомнил

я тут про блондина-советника в форме ХАД. Кинулся смотреть: точно, среди мертвяков нету такого, среди тех, которые ещё живые, тоже нет. Прикинул я, откуда стреляли, и туда с двумя пацанами, выбрались на крышу, а там, конечно, никого, только гильзами всё завалено. Но гильзы, однако, короткие, пистолетные, а от винта, ни одной не видать. Заставил я ребят искать, как следует. Гильзу мы так и не нашли, а наткнулись пока её искали, на репшнур. Наш шнур, только мы его здесь не цепляли — ни к чему было. А он, сука рваная, по нашему шнуру и спустился. Мы пулей вниз: там наша пехота в охранение выставлена, все проходы ко дворцу уже заблокированы насмерть... Ну и нашли мы в конце концов место, где блондинчик этот просочился: лежат двое пацанов с кровавыми пузырями на губах, ножом американец работал. Стало быть — ищи ветра в поле. Осталась только информация к размышлению: блондин, говорит по-русски, старший офицер спецподразделения, едва не стал главным советником у покойного ныне правителя страны. И сдаётся мне, ребята, что может он нам встретиться в предстоящем деле. Очень на это надеюсь. Да уж больно он скользкий, наверняка держит десяток вариантов про запас...

Агентурные сведения оказались абсолютно точными, план Сафонова идеален, и выполнить его осталось только делом техники, что удалось также блестяще.

Охрану пакистанца из засады убрали бесшумно, метанием ножей, двоих добил Гудков из пистолета с глушителем. Вызвали вертолёт, на котором улетел Сафонов с пакистанцем. На следующий день, благода-

ря точным координатам, был обнаружен в горах схрон с оружием.

Сильный ветер со свистом проносился в горах, прижимая к камням редкую растительность. У подножия гор громоздились обломки камней — даманы. У самого горизонта, затянутого завесой тумана, искрилась на солнце прожилка реки. Пролетавший над горами беркут неподвижно, словно планер, завис в воздушном потоке. Во всём чувствовалось монументальное спокойствие тысячелетий, которое неспособны поколебать люди со своими войнами и желанием изменить мир на свою мерку. Казалось, время здесь остановилось.

Лишь одинокая фигура мужчины с автоматом в руках говорила о том, что в этих местах небезлюдно. За спиной моджахеда чернел в скале довольно больших размеров провал. В глубине пещеры на деревянной стойке тускло поблескивали около двух десятков автоматов, где-то дальше, в глубине пещеры находились их владельцы.

Изучив в бинокль обстановку, Кичигин сказал: — «Оттуда их не выкуришь, попытаемся забросать гранатами. Но есть опасность, что боеприпасы там могут сдетонировать, поэтому все остаются здесь. Со мной пойдёт пятёрка бойцов. Зайдем к ним через крутые скалы с тыла. Их действия наблюдал в бинокль Гудков. Через час разведчики показали с обеих сторон пещеры, сняли часового, бросили несколько осколочных гранат и проникли в пещеру. Ещё через полчаса все спокойно вышли из провала и направились напрямую к ожидавшим их товарищам.

— Ну, что там, с нетерпением, спросил их Гудков?

— Всё нормально, заложили пластиковую взывчатку, через 15 минут будет подрыв, сказал Кичигин, взглянув на часы.

— А «духи»?

— Пятеро еще были живыми, но без оружия, — доби-
ли.

Горы содрогнулись от взрыва страшной силы, ударной волной сорвало нурисманки с голов разведчиков, беркута швырнуло и закрутило бесформенной массой, и вскоре он исчез в чёрном облаке дыма.

— Да-а, протянул командир — арсенал там был не на одну авиабазу, сотни ящиков, в основном ракеты.

Через двое суток разведчики вернулись на базу, а куда исчез ЦРУшник, осталось загадкой...

XI

Пулемётчик-десантник Алексей Коновалов начал писать стихи на войне и там это имело какой-то смысл. Они на несколько мгновений уносили его прочь от действительности, служили как бы маленьким очагом сопротивления и веры в то, что существует на свете ещё нечто, кроме разрушения и смерти.

Какое-то безымянное ощущение он испытал, когда впервые увидел покойника. Ему было десять лет, умершего звали Ильёй и неделю назад он ещё играл с ним, и вот он лежит перед ним среди цветов с лицом желтого воскового цвета, что-то несказанно чужое и до ужаса не имеющего к нам никакого отношения, оно ушло в невообразимое навсегда и всё же присутствовало здесь, как немая, странно леденящая угроза.

Позднее на войне, он был свидетелем бесчисленных смертей и испытывал при этом не больше, чем испытывал бы, попав на бойню, — но этого первого мертвеца ему никогда не забыть, как не забывают то, что впервые. В нём воплотилась смерть.

Лёша не помнил отца, тот уехал зарабатывать деньги за границу на Шпицберген, там СССР имел концессию у Норвегии для добычи угля, и он остался там погребённым за полярным кругом. В письме товарищ описывал, что хорошо выпив, Коновалов пошел прогуляться

и не вернулся. Нашли его через неделю довольно далеко от шахтёрского посёлка, и узнать его можно было только по одежде. Песцы обгрызли полностью его лицо. Мать, доживающая последний срок, вынашивая Алексея (имя ему дали в честь отца), согласилась, чтобы мужа похоронили там. Здесь у них не было родных и близких людей, которые могли помочь с похоронами.

Мать, заочно окончив экономический факультет, работала на шахте бухгалтером, хорошо зарабатывала, ей дали уютную двухкомнатную квартиру и они ни в чём не нуждались. Замуж она больше не хотела, располнела от сидячей работы, и у неё стало побаливать сердце.

Лёша рос симпатичным увальнем с вьющимися русыми волосами и синими, как васильки, глазами. В школе не напрягался и вырос в крепкого мечтательного парня, учиться дальше не собирался, и, смеясь, говорил матери, что в Кузбассе столько угля, что на его век хватит. Все девчонки были от него без ума и самая бойкая из них — Валентина овладела им, как своей собственностью, чему он и не противился.

После окончания десятого класса он ещё погулял, но военком послал его исполнять интернациональный долг. Когда он успел задолжать Лёша так и не понял.

В течение первых десяти недель до присяги все проходили военное обучение, и за это время их успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет. Они убедились, — сначала с удивлением, затем с горечью и, наконец, с равнодушием, — в том, что здесь всё решает не разум, а сапожная щётка,

не мысль, а заведённый уставом распорядок, не свобода, а муштра.

Большинство стали солдатами по доброй воле, из энтузиазма; но здесь делали всё, чтобы выбить из них это чувство. Они видели своими молодыми, зоркими глазами, что классический идеал Отечества, который им рисовали их учителя, пока что находил здесь реальное воплощение в столь полном отречении от своей личности, какого никто и никогда не вздумал потребовать даже от раба. Козырять, стоять навтыжку, заниматься шагистикой, брать на караул, вертеться направо, и налево, щёлкать каблуками, терпеть брань и тысячи придилок, — они мыслили свою задачу совсем иначе и считали, что их готовят к подвигам. Впрочем, они скоро привыкли к этому. Если ещё кто-то мыслил себя как личность — «старика» о таких говорили: «Не понял службы». Но постепенно все поняли, что кое-что из этого было необходимо, зато всё остальное только мешало. На эти вещи у солдата тонкий нюх. Они стали чёрствыми, недоверчивыми, безжалостными, мстительными, грубыми, — и хорошо, что стали такими: именно этих качеств им и не хватало. Если бы их послали в окопы, не дав пройти эту закалку, большинство из них, наверно, сошло бы с ума. А так они оказались подготовлены к тому, что их ожидало.

Они не дали себя сломить, они приспособились; в этом им помогли их восемнадцать лет, из-за которых многое другое было бы для них так трудно. Но самое главное это то, что в них проснулось сильное, всегда готовое претвориться в действие чувство взаимной спаянности, и впоследствии, когда они попадали в боевое

столкновение, оно переросло в единственно хорошее, что породила война, — в товарищество!

С тех пор, как они попали в Афган, их прежняя жизнь резко прервалась, хотя для этого они ничего не предпринимали. Они порой пытаются припомнить всё по порядку и найти объяснение, но ничего не получается. Люди постарше крепко связаны с прошлым, у них есть почва под ногами, есть жены, дети, профессия и интересы; эти узы очень прочны, что даже война не может их разорвать.

У них, восемнадцатилетних есть только их родители, да у некоторых девушки. Это немного и в их возрасте привязанность к родителям ослабевает, а девушки ещё не стоят на первом месте. Помимо этого они мало что знали: у них были свои мечты, кое-какие увлечения, да школа; больше они ещё ничего не успели пережить. И от этого ничего не осталось. Они стояли на самом пороге жизни, которая теперь сомкнулась с другим порогом — имя которого — смерть. Они ещё не успели пустить корни и война их смыла. Она подхватила их и понесла, и они не знают, чем всё это кончится. Пока они знают одно: они огрубели, но как-то по-особенному, и в их очерствении есть и тоска, хотя теперь и грустят-то они не так уж часто.

Когда они шли в военкомат, они ещё представляли собой школьный класс, юноши, многие из которых, переступив порог казармы брились в первый раз. У них не было твёрдых планов на будущее, лишь у очень немногих мысли о карьере и призвании приняли какую-то определённую форму, чтобы играть какую-то практи-

ческую роль в их жизни; зато у них было множество неясных идеалов, под влиянием которых и жизнь и даже война представлялась им в идеализированном, почти романтическом свете.

Всё это Алексей переосмыслил десятки раз, попав на войну, и сделал вывод, что раздумывать на войне нельзя, нужно просто войти в быт войны и жить только её потребностями. Вот тогда-то он и переключился на стихи.

На марше

Смотришь вот так, ну, горы как горы –
Нет пиков, вершин, есть морщины Земли,
Но здесь больше сорок и глохнут моторы,
И как мы сюда вдруг забраться смогли?

Чужая земля и душманы — не люди,
Здесь тени их предков и отзвук ветров.
И движется всё на бессмертном верблюде,
Он стойкий боец, он и пища и кров.

Орлы на пушту всё клёкочут орлицам
Зовут их куда-то в бесцветную высь.
А жажда ползет ручейками по лицам
И, кажется, здесь остановится жизнь.

Мы воду не пьём — это хуже отравы,
Когда ты в горах под лучами всех звёзд!
Здесь высохло всё, и не вырастут травы
Блестят лишь глаза из упрятанных гнёзд.

Привал. Где-то овцы и чьи-то загоны.
Потом будет спуск до квадрата ноль-семь,
А в уставших телах только вздохи и стоны
И сил не осталось для марша совсем...

Но чья-то команда доходит до слуха.
Возня. Чей-то окрик. Изысканный мат.
И вдруг у скалы — фигуры двух духов!
Я быстро вскочил, вскинув вверх автомат.

Боевые столкновения, чаще всего неожиданные, из засады, представляются зловещим водоворотом. Зато из земли, из воздуха в нас вливается силы, нужные для того, чтобы защищаться, — особенно из земли, из которой мы, как мифологический Антей, черпаем силы. Ни для кого на свете земля не означает так много, как для солдата.

В те минуты, когда он приникает к ней, долго и крепко сжимая её в своих объятиях, когда под огнём страх смерти заставляет его глубоко зарываться в неё лицом и всем своим телом, она — его единственный друг, его брат, его мать. Ей, надёжной безмолвной заступнице, стоном своим и криком поверяет он свой страх и свою боль, и она принимает их и снова отпускает его на десять секунд, — десять секунд перебежки, ещё десять секунд жизни, — и опять подхватывает его, чтобы укрыть, порой навсегда.

Земля! У тебя есть складки, камни и впадины, и ложбинки, в которые можно залечь с разбега и можно зарыться как крот.

Земля! Когда мы корчились в предсмертной тоске, под леденящий душу вой взрывов, ты вновь дарила нам жизнь, вливала её в нас могучей встречной струёй! Смятение обезумевших живых существ, которых чуть было не разорвало на клочки, передавалось тебе, и мы чувствовали в наших руках твои ответные токи и вцеплялись ещё крепче в тебя пальцами, безмолвно, боязливо радуясь ещё одной минуте.

Грохот первых разрывов одним взмахом переносит какую-то частичку нашего бытия на тысячи лет назад. В нас просыпается инстинкт зверя, — это он руководит нашими действиями и охраняет нас. В нём нет осознанности, он действует гораздо быстрее, гораздо увереннее и безошибочнее, чем сознание. Этого нельзя объяснить. Ты идёшь и не о чём не думаешь, как вдруг ты уже лежишь в ямке, и где-то позади тебя дождём рассыпаются осколки, а между тем ты не помнишь, чтобы слышал звук приближающейся мины или хотя бы подумал о том, что тебе надо залечь. Если бы ты полагался только на свой слух, от тебя бы давно ничего не осталось, кроме разбросанных во все стороны кусков мяса. Нет, это было другое, — то, похожее на ясновидение, чутьё, которое есть у всех нас; это оно вдруг заставляет солдата падать ничком, и спасает его от смерти, хотя он и не знает, как это происходит.

Когда мы выезжаем на бронемашинах, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой весёлые, но как только мы добираемся до полосы, где нас может ожидать смерть, мы становимся полулюдьми-полуживотными. Но это чувство приходит со временем, а до этого времени надо ещё дожить.

Атака моджахедов из засады

Первых погибших товарищей Лёша также запомнил на всю жизнь и считал, что это его вина, и он обязан был это предотвратить. Это случилось в первом же рейде, они ехали колонной БТР и почти все десантники сидели на броне, как велел комбат, чтобы уберечь их от подрыва мин. Лёша сидел со своим пулемётом КПК (пулемёт Калашникова с большим магазином и сошками для упора, но можно было стрелять и от бедра и держа на весу, что позволяли мощные руки Лёши). Он находился лицом к нападавшим гранатомётчикам, которые как чёртики из табакерки показались из-за дувала разрушенного кишлака.

Ра-а-аз — над дувалом выросли две фигуры. Две секунды — залп. Присели. Помощники отточенными, выверенными движениями бросили в стволы по гранате.

Два — опять над дувалами те же фигуры и те же секунды — второй залп. Далее гранатомёты за спину и... поминай, как звали.

Все, кто видел эту картину, оцепенели, а руки судорожно сжали оружие, и вскинули его только, когда цели уже исчезли. Это обидное чувство скованности и растерянности Алексей простить себе не мог, он отлично стрелял, но ничего не сделал. Моджахеды отлично использовали фактор внезапности. Горели два БТР, а поиски «духов» ни к чему не привели. Они исчезли в своих кирязах, как привидения.

Практически каждый кишлак имеет систему кирязов (колодцев), связанных подземными галереями и естественными гротами и пещерами, с возможными пересечениями в пещерах на разных уровнях. Галереи

Минирование дороги

уходят в горы. На боевых картах местонахождения некоторых даются в квадратах (скажем — «14—26»). Работы в галереях обычно не работают. Иногда для их обследования пользовались кабельными проволочными аппаратами ТАИ-43 времён Великой Отечественной войны.

После этого случая в походах Алексей держал себя предельно мобилизованным и никогда не расслаблялся и в двух случаях за доли секунды «срезал» появившихся «духов», чем заслужил всеобщее уважение и командир позволял ему тренироваться в стрельбе, когда не нужно было соблюдать маскировку. Алексей точно стрелял от «бедра» интуитивно ловил цель. Товарищи иногда его «подначивали»: — «Слабо, Лёха снять от бедра вон того стервятника на скале?» Через несколько секунд от стервятника оставалось лишь облако перьев. В бою товарищи надеялись на него, как на Бога, доверяя ему свою жизнь. Ему кричали: — «Лёха, прикрой!» — при смене позиции и были уверены, что прикроет надёжно. После похода, расслабившись, в палатке ребята просили почитать свои стихи, что Лёша тоже делал с удовольствием, зная, что восхищение товарищей будет искренним.

В горах холодные рассветы

Обычный день родной планеты,
Что среди звёзд едва видна.
В горах холодные рассветы
Здесь много лет идёт война

Здесь «духи» хуже волчьей стаи
Добычу ищут среди скал;
Везде в «прекрасном» этом крае,
Или удав или шакал.

Здесь не растут простые злаки,
Здесь яд и кровь почти везде,
Хотя цветут весною маки
И есть кувшинки на воде.

И дети есть и есть улыбки,
Страданье, радость и любовь,
Но только в этом мире зыбком
Веками горы видят кровь.

И эти красные рассветы
В угарном сне, где час назад
Ложились страшные ракеты
И был земной безумный ад.

И даже странно, что орбиты
Всё те же Солнца Земли
И что средь маков все убиты
И мы забрать их не смогли.

И даже странно, что сознание
Ещё способно всё понять,
И что в рассвете этом раннем
Есть красота зари опять!

Но только сердце застучало
Совсем не в ритме шестьдесят
А тело рвало и качало,
И ключья рваные висят.

И бродят тени и собаки,
А в душу просится тоска...
Ну, почему здесь с ядом злаки
И с тифом каждая река?

Смотрю, как звёзды исчезают,
Как холод прячется в горах.
Лучи украдкой выползают,
Как будто знают смерть и страх.

Над головой орлы иль грифы,
Кто их поймёт среди беды,
Когда ползвода в жарком тифе
И просят мальчики воды...

В горах холодные рассветы,
Но холоднее их закат...
Ещё не понял — кто и где ты,
А в бой опять зовёт комбат.

Это трагическое стихотворение Алексей написал после боя, в котором погибла почти треть их разведроты. Рота бездарно была введена в «зелёнку» и была там окружена вооружённым бандформированием, превышающим численность роты в четыре раза. Выше

об этом кратко упоминалось. За проявленный героизм в том бою Алексей Коновалов был награждён орденом: «Красная Звезда». Позднее был переведён во взвод старшего лейтенанта Гудкова Ю. И. 145-й гвардейской роты под командованием майора Кичигина А. И.

XII

Все участники операции по захвату агента пакистанской разведки и уничтожения склада оружия были представлены к правительственным наградам.

Какое-то время спустя прибыл посыльный из штаба бригады:

— Товарищ старший лейтенант, вас вызывает начальник строевого отдела.

— Иду. Из всех отделов он самый маленький, там старый седой майор да два ефрейтора-писаря. Мурашки по коже бегут у любого, когда в строевой вызывают. Это учреждение, в котором воля командующего армии превращается в письменный приказ и доводит его до тех, кому он адресован.

— Товарищ майор! Старший лейтенант Гудков по вашему приказанию прибыл!

— Удостоверение на стол.

Глубоко вздохнув, Гудков положил перед майором маленькую зелёную книжечку с золотой звездой.

Майор спокойно взял «Удостоверение личности офицера», внимательно осмотрел его, почему-то долго рассматривал страницу, где зарегистрировано личное оружие, и страничку, где обозначена группа крови.

Ни один мускул на его дряблом лице не дрогнет. Делает свою работу точно, как машина, и бесстрастно, как палач.

Передал удостоверение ефрейтору.

Обмакнул ефрейтор длинное золотое перо в чёрную тушь и что-то аккуратно написал в нём. Промокнул ефрейтор чёрную тушь и вернул удостоверение майору. Глянул испытующе майор на Гудкова, достал из маленького потайного кармашка затейливый ключ на цепочке, открыл огромную дверь сейфа, достал большую печать, долго примерялся и вдруг четко и резко ударил ею по только что исписанной странице удостоверения.

— Слушай приказ!

Гудков вытянулся.

Приказ по 40-й армии ... Секретно. Пункт 12. Старшему лейтенанту Гудкову Ю. И. Офицеру 145-й разведывательной роты Спецназа, присвоить досрочно воинское звание капитан в соответствии с представлением начальника штаба 22-й бригады Бурченко А. А.

Подпись...Командующий 40-й армии генерал Громов.

— Служу Советскому Союзу!

— Поздравляю вас, капитан.

— Спасибо, товарищ майор. Примите приглашение на вынос тела.

— Спасибо, Юра, за приглашение. Не могу принять. Иначе давно бы спился, только сегодня в списке 42 человека и 8 из них досрочно. Не обижайся, Юра, не могу.

Гудков летит, как на крыльях.

— Ты чего такой счастливый?

— Зачем в нору к Барсуку вызывали?

Никому не отвечает, нельзя. Первым о присвоении должен узнать командир.

- Юра, чего цветёшь? Звание, что ли присвоили?
- Нет, нет. Мне до капитана ещё полтора года ждать. Скорее в отдел.
- Товарищ полковник, разрешите войти.
- Входи. — Бурченко от карты не отрывается.
- Товарищ полковник, старший лейтенант Гудков.

Представляюсь по случаю досрочного присвоения воинского звания «капитан».

Бурченко осмотрел его. Почему-то под ноги глянул.

— Поздравляю, капитан.

— Служу Советскому Союзу!

— В Советской Армии капитан больше всех звёздочек имеет, аж четыре. У тебя, Юра, максимум. Поэтому желаю тебе теперь много звёздочек, но уже больших.

— Спасибо, товарищ полковник. Разрешите пригласить на вынос тела.

— Когда?

— Сегодня, когда же ещё?

— Что ты думаешь, если на завтра перенесём? В ночь ехать на подготовку учений. Перепьются ребята вечером, не соберёшь. А выедем в поле, там и справим.

— Отлично!

— На сегодня свободен. Помни, в три ночи выезжаем.

— Помню.

— Тогда свободен.

— Есть.

Приехал со своими штабными крысами начальник штаба бригады полковник Бурченко.

— Когда обед?

— В 13.00 товарищ полковник.

— Тогда обедать пора. Прошу к столу. Сегодня Юра Гудков угощает. Стола, собственно никакого нет. Несколько серых солдатских одеял расстелены на чистой полянке у звенящего горного ручья. Никто не помешает. Разведка намного вёрст вокруг всё прочистила.

Всё, что есть, всё на столе: банки рыбных и мясных консервов, розовое сало ломтиками, лук, помидоры. Солдаты-водители напекли в костре картошку, наглушили рыбу, нашелся умелец (майор Кичигин), сварил тройную уху, а на десерт — дыни и виноград.

Гудков полковнику Бурченко на почётное место указывает. Традиция такая, тот отказывается и Гудкову это место предлагает. Это тоже традиция — Гудков дважды должен отказаться, а на третий раз должен приглашение принять и Бурченко место указать справа от себя. Все остальные сами рассаживаются по старшинству.

Бутылки на стол расставлять должен самый молодой из присутствующих. Это Вася Краснов — лейтенант из группы переводчиков. Добрый парень. Но работу свою серьёзно делает. Традиция запрещает ему сейчас ни улыбаться, ни разговаривать и вопросы не положено задавать, отчего во главе стола старший лейтенант сидит. Ясно всем, почему холодные бутылки расставляют, но неприлично об них говорить, и о причине их появлении тоже. Сиди да помалкивай степенно.

Бутылки из ручья Вася носит. Они там аккуратной горкой в ледяной воде сложены. Играет вода на прозрачном стекле, журчит да пенится.

— Где твой сосуд? — так спросить положено.

— Вот он, — Гудков подаёт Бурченко большой гранёный стакан.

Наливает Бурченко стакан по ободок прозрачной влагой. Перед Гудковым аккуратно ставит. Ни одна капля пролиться не должна.

Но и стакан полным должен быть. Чем полнее, тем лучше. Молчат все. Вроде и не интересуется их происхождение. А Бурченко достаёт из командирской сумки маленькую серебристую звёздочку и осторожно её в стакан Гудкова опускает. Чуть слышно та звёздочка звякнула, заискрила на дне стакана, заблестела.

Гудков берёт стакан, ах, не плеснуть бы, к губам несёт. Губы навстречу стакану тянуть не положено, хотя так и подсказывает природа отхлебнуть самую малость, тогда не прольёшь ни капли. Выше и выше поднимает свой стакан. Вот солнечный луч ворвался в ледяную жидкость и рассыпался многоцветными искрами. А вот теперь от солнца стакан нужно чуть к себе и вниз. Вот он и губ коснулся. Холодит. Потянул он огненный напиток. Донышко стакана выше и выше. Вот звёздочка на дне шевельнулась и медленно к губам скользнула. Вот и коснулась губ она. Офицер звёздочку свою новую как бы поцелуем встречает. Звёздочку чуть-чуть губами подержал, пока огненная влага в душу журчала. Вот и всё. Звёздочку он осторожно левой рукой берёт и смотрит вокруг себя: стакан-то разбить надо.

На этот случай на мягкой траве чьей-то заботливой рукой большой камень положен. Хряснул Гудков тот стакан об камень, звонкие осколки посыпались, а звёздочку мокрую полковнику Бурченко подаёт. Бурченко

на его правом погоне маленькой командирской линеечкой место вымеряет. Четвёртая звёздочка должна быть прямо на красном просвете, а центр её должен отстоять на 25 миллиметров выше предыдущей. Вот она, мокрая и встала на своё место. Теперь время закусить, запить, огурчиком водочку осадить.

— Где ж твой стакан? — так спросить положено. Два плеча. Два погона. Значит, и две звёздочки. Значит, и два стакана... в начале церемонии. Подаёт второй стакан. Снова в нём огненно-ледяная жидкость заиграла. Снова до краёв. Гудков встал. Стоя пить легче. Вставать разрешается. Никто тут не возразит. Можно было и первый стакан стоя пить. Традиция этому не препятствует. Лишь бы стаканы полные были. Лишь бы не ронял офицер драгоценные бриллиантовые капли.

Сверкнула вторая звёздочка-красавица в водочном потоке. Пошла огненная благодать по душе. Зазвенели осколки битые. Вот и на втором погоне мокрая да остроконечная появилась. Теперь Бурченко себе наливает. До краёв. И каждый в тишине сам себе наливает. Своя рука — владыка, Лей, сколько хочешь. Если Юру Гудкова уважаешь, так полный стакан лей. А уж коли не уважаешь, лей сколько знаешь. Только пить до дна.

— Выпьем... — смиренно предлагает полковник. Не положено в такую минуту говорить, за что пьём. Выпьем, и всё тут. Пьют все медленно да степенно. Все до дна пьют. Только Гудков не пьёт. Теперь его право на каждого смотреть. Кто сколько налил себе. Кто полный стакан, а кто две трети. Но полные у всех были. Тут Гудкову и улыбнуться можно. Но нешироко. Ибо

по традиции он всё ещё старший лейтенант, хотя приказ вчера был, хотя сегодня уже и звёзды новые на погоны повесили.

Вот и Бурченко допил. Чуть водичкой запил. Теперь фраза должна ритуальная последовать...

— Нашего полку прибыло!

Вот именно с этого момента считается, что офицер повышение получил. Вот только с этого момента он — капитан.

Закричали все, зашумели. Улыбки у всех. Пожелания, поздравления. Теперь все говорят. Теперь смеются все. Пьянка офицерская начинается. И если истина в вине, то быть ей всецело на нашей стороне.

Беги, Вася, к ручью. Беги, Вася. Ты моложе всех.

Будет праздник и на твоей улице. Будет обязательно.

На следующий день к ужину, Юрия пришли поздравлять две медсестры, которые жили в соседнем модуле, в такой-же комнатке, но у них был такой уют, какой могут делать только женщины. Кругом вышитые салфеточки, картиночки, скатерти. Даже своя маленькая кухонька. Они наготовили всякой снеди, и каждая несла в руках по три тарелки. А ну, убирайте свою кашу, будем по-настоящему поздравлять новоиспечённого капитана, сказала Ольга, крупная вульгарная баба, которой, как она сама говорила, в Союзе не хватало уха-жеров. Вторая — Эвелина была полной её противоположностью. Хрупкая, красивая брюнетка с большими карими миндалевидными глазами, но с хорошо сформированным задом. Юрий поставил на стол водку. Эвелина застелила стол салфетками.

— Ну, Юрочка, поздравляем тебя с новым званием, чтобы и дальше на твои плечи большие звёзды падали, сказала первый тост Ольга. Александр хмурился, его смущало внимание Эвелины, которая постоянно давала ему понять, что он ей нравится, он избегал с нею встреч. Заговорили о вновь поступившем в санчасть тяжелораненом бойце, которого подстрелил возле кишлака афганский мальчишка.

Я и сама такого подростка-смертника застрелила, сказала Ольга. Мне даже медаль «За боевые заслуги» дали!

— Если только «За половые услуги», — скупое уточнил майор — думаешь, я не знаю, кому и за что медали давали. Ты-то и автомата в руках не держала. Ольга, обидевшись, ушла. Ужин был испорчен.

Проводив Эвелину, Саша сказал ей: «Эва, ну что ты забыла в этой дыре? С твоей внешностью тебе надо на киноэкран или, в крайнем случае, на исторической родине маршировать в батальоне «Дочери Израиля».

— Что тебе этот лазарет? Кстати, ты знаешь, что означает это слово?

— Лазарет от названия острова святого Лазаря в Венеции. Там был монастырь, где лечили всех больных, в том числе и от чумы.

— Вот, в Венецию ещё можно поехать.

— Только береги себя, тихо ответила она ему, и, поцеловав в щёку, резко развернувшись, ушла.

XIII

Алексей лежит в дозоре, меняя своё место, когда луну закрывают облака и предаётся воспоминаниям: «На окраине нашего посёлка среди лугов вьётся речушка и, повторяя все её изгибы, идёт веками глубоко протоптанная людьми и скотом тропа. Вдоль речки растёт ивняк, старые ветлы, сучья которых шли на рыбацкий костёр, вдоль берега также было много берёз. Мы любили это место когда были ещё детьми, нас всегда влекло туда, и мы целыми днями слушали их тихий шелест и ловили удочками беспечных пескарей и осторожную, пугливую плотву. До сих пор у меня сильнее бьётся сердце, когда порой передо мной мелькнут видения тех дней.

Удивительно, что все встающие картины прошлого обладают двумя свойствами. Они всегда дышат тишиной, это в них самое яркое, и даже когда в действительности, дело обстояло совсем не так, от них все равно веет спокойствием.

Это беззвучные видения, которые говорят со мной взглядами и жестами, без слов, молча, и в их безмолвии есть что-то потрясающее, так, что я должен ущипнуть себя за руку и потрогать автомат, чтобы не уступить соблазну слиться с этой тишиной, раствориться в ней, чтобы не поддаваться желанию растянуться во весь рост, сладко отдаваясь безмолвной, но властной силе воспоминаний.

Эта тишина, нарушаемая воем шакалов — причина того, что образы прошлого пробуждают не столько желания, сколько печаль, безмерную, неуёмную тоску. Оно было, но больше не вернётся. Оно ушло, стало другим миром, с которым для нас всё покончено. В казарме эти образы прошлого вызывали в нас бурные порывы мятежных желаний. Тогда мы были ещё связаны с ним, мы принадлежали ему, оно принадлежало нам, хотя мы и были разлучены.

Эти образы всплывали при звуках солдатских песен, которые мы пели при прогулках перед отбоем, а также по утрам, отправляясь на учения. Но мы его утратили. Оно уже больше не пробуждается в нас, — мы умерли, и оно отодвинулось куда-то вдаль, оно стало загадочным отблеском чего-то забытого, видением, которое иногда предстаёт перед нами; мы его боимся и любим его безнадёжной любовью. Видения прошлого сильны, и наша тоска по прошлому тоже сильна, но оно недоступно, и мы это знаем.

Вспоминать о нём так же безнадёжно, как ожидать, что ты станешь генералом.

И даже если бы нам разрешили вернуться в те места, где прошла наша юность, мы, наверное, не знали бы, что нам там делать... Те тайные силы, которые чуть заметными токами текли от них к нам, уже нельзя воскресить. Вокруг нас были бы те же виды, мы бродили бы по тем же местам; мы с любовью узнавали бы их вновь... Но мы испытали бы то же самое чувство, которое испытываешь, задумавшись над фотографией убитого товарища; это его черты, это его лицо, и пережитые вместе

с ним дни приобретают в памяти обманчивую видимость настоящей жизни, но всё таки это не он сам.

Мы перестали быть беспечными, мы стали ужасающе равнодушными. Допустим, что мы останемся в живых: но будем ли мы жить? Мы беспомощны, как покинутые дети, и многоопытны, как старики, мы стали чёрствыми, и жалкими, и поверхностными, — мне кажется, что нам уже не возродиться.

У меня мёрзнут руки, а по коже пробегает озноб, хотя ночь тёплая. Вдруг всё кругом стало каким-то чужим, все связи словно оборвались. Ему было знакомо это чувство, он часто испытывал его, когда проснувшись среди ночи, не мог определить, где он находится. Чудилось будто он выпал из системы мироздания и одиноко парит где-то в темноте. Обычно это чувство не бывало продолжительным, скоро всё становилось на свои места. Но каждый раз оставалось странное, смутное ощущение, что настанет час, когда ты уже не найдёшь дороги назад. Он не боялся этого состояния, только весь сжимался, как будто превращался в маленького ребёнка, которого бросили в бескрайней степи, откуда выбраться невозможно...

Он засунул руки в карманы и посмотрел вокруг. Знакомая картина: разбитые желтые дувалы, невозделанные поля, там зашло солнце, а с другой стороны тусклые вспышки зарниц, очевидно, там отбивается от моджахедов наш блокпост у подножий коричневых, безжизненных скал.

Обычный пейзаж и идущий от него холодок, пронзающий сердце. Он нащупал в кармане письма Валентины. В них жила теплота, нежность и сладкое волнение любви.

Все мы — братья, связанные странными узами, в которых есть нечто от воспетого в народных песнях товарищества, от солидарности заключенных, от продиктованной отчаянием сплоченности приговорённых к смертной казни; нас породила та жизнь, которой мы живём, особая форма бытия, порождённая постоянной опасностью, напряженным ожиданием смерти и одиночеством сводящаяся к тому, что человек бездумно присчитывает дарованные ему часы к ранее прожитым, не испытывая при этом абсолютно никаких высоких чувств. Смесь героического с банальным — вот какое определение можно было бы дать нашей жизни, но только кто станет над ней задумываться. Вот, например, один из случаев: объявили готовность к отражению атаки моджахедов, и Марков с молниеносной быстротой съедает банку тушенки. Многие знают, что этого делать нельзя — ведь в бою тебя могут ранить в живот, а когда желудок полон, такие ранения опаснее, чем когда он пуст.

Нас отводят в тыл (если бы знать, где он здесь?) на один из пунктов, где производят переформирование. В нашу роту надо влить пополнение не менее взвода.

Пока службы у нас немного и в остальное время мы слоняемся без дела. Пока нам приходится быть здесь, на войне, каждый пережитый нами боевой день ложится нам на душу тяжелым камнем, потому что о таких вещах нельзя размышлять сразу же, по свежим следам. Если бы мы стали думать о них, воспоминания раздавили бы нас; во всяком случае, я подметил вот что: все ужасы можно пережить, пока ты просто покоряешься своей судьбе, но попробуй размышлять о них, и они тебя убьют.

Если, отправляясь на передовую, мы становимся животными, ибо только так мы и можем выжить, то на отдыхе мы превращаемся в дешевых остряков и лентяев. Это происходит помимо нашей воли, тут уж просто ничего не поделаешь. Мы хотим жить, жить, во что бы то ни стало; не можем же мы обременять себя чувствами, которые, возможно, украшают человека в мирное время, но совершенно неуместны и фальшивы здесь.

Сухарь (Сухарев) убит, Виноградов умирает; с телом Маркова, угодившего под прямое попадание, было много хлопот, — его собирали по кусочкам, Хохлов убит, Хакимов убит... Полтора десятка лежат раненые по лазаретам.

Всё это чертовски грустно, но нам-то что за дело, ведь мы живы! Если бы мы могли их спасти, — тогда бы мы пошли за них, хоть к черту на рога, пускай бы нам пришлось самим сложить головы, — ведь когда мы чего-нибудь захотим, мы становимся бедовыми парнями; мы почти не знаем, что такое страх, разве что страх смерти, но это другое дело.

Но наших товарищей нет в живых, мы ничем не можем им помочь, они своё отстрадали, а кто знает, что ещё ждёт нас? Поэтому мы завалимся на боковую и будем спать или станем есть, пока не лопнет брюхо, будем напиваться и курить, чтобы хоть чем-то скрасить эти грустные часы. Жизнь коротка.

Меня вызвали в штаб и приказали отправляться с капитаном Ефремовым во вновь формируемую 145-ю разведывательную роту спецназа.

XIV

В 1979 году в правительственной армии Афганистана было десять дивизий вооруженных современным, хотя и не новым оружием: самолётами, танками, артиллерией. ВВС насчитывала семь воздушных полков. 30 истребителей, более 70 истребителей-бомбардировщиков, 50 бомбардировщиков, 76 вертолётов и 40 транспортных самолётов. Большинство офицеров прошли подготовку в СССР и владели русским. К концу 80-го года численность армии упала до двадцати пяти тысяч человек.

Чтобы удержать численность войск союзника, 40-я армия проводила так называемые «оперативные мероприятия в поддержку комплектования Народной армии Демократической Республики Афганистан добровольческими силами».

Русские солдаты обожали эти операции: они передвигались на машинах вместо того, чтобы идти пешком, обходились практически без стрельбы, не поднимались в горы. Операции проходили в сравнительно мирных районах: в армию не завербуешь жителей кишлака, контролируемого моджахедами. По пути можно было лакомиться свежими фруктами и овощами, реквизировать скот, набрать конопли и целый месяц провести вдали от армейской рутины. Насильственная вербовка проходила дважды в год: после весеннего сева и через месяц

после августовского сбора урожая. Призывники обязаны были служить дважды: после трёх лет службы они получали отпуск на два года, а затем, если не успевали создать семью, отправлялись в армию ещё на четыре года.

«Добровольцев» набирали так: колонна бронемашин блокировала кишлак. Затем в него входила пехота в сопровождении афганского спецназа, и жителей стогнали на главную площадь, к мечети. Затем всех мужчин, подлежащих к призыву — а иногда и не подлежащих, — вели в казарму. На следующий день процедура повторялась в другом кишлаке.

Призывникам брили головы (что противоречило религиозным убеждениям), они проходили элементарную подготовку в обращении с оружием, им зачитывали суровые предупреждения, если они нарушат приказ. В течение полугода две трети из них дезертировали с оружием (нередко к моджахедам). Иногда возвращались: некоторые афганские солдаты по семь раз переходили с одной стороны на другую.

Положиться можно было только на бойцов ХАД: им не стоило ждать пощады от моджахедов.

Общая численность вооруженных бандформирований в 1980—1982 годах могла достигать 250 тысяч. Утверждалось, что группировка под руководством Гульбедина Хекматияра насчитывала 40,5 тысяч человек.

Вторыми по численности были отряды Масуда, но поскольку он не разделял религиозных и политических взглядов Хекматияра, он получал от пакистанцев и американцев значительно меньшую помощь.

Наибольший ущерб 250 млн долларов (по оценке пакистанцев) был нанесён в августе 1986 года, когда ракетами, выпущенными с помощью дистанционных взрывателей под Кабулом, были уничтожены склады с сорока тысячами тонн боеприпасов. В апреле 1988 года был взорван ещё один крупный склад, на этот раз в районе Равалпинди в Пакистане, когда погибли сто человек и ранены около тысячи. Это был важный момент: в Женеве планировали подписать соглашение о выводе советских войск, и готовился к первому этапу. Поэтому КГБ возложил вину на своих коллег из ХАД, некоторые подозревали американцев, а возможно это был несчастный случай.

В начале, повстанцы пользовались (весьма успешно) старыми британскими винтовками БОР-3 «Ли-Энфильд». Русские называли их «бурами». Они обеспечивали большую точность, чем советские автоматы, с убойной дальностью 1500 метров, пробивал броню БТР.

Через 2—3 года после начала войны с помощью ЦРУ они получили эффективные зенитные пушки «Эрликон». С 1984 г. стали использовать китайские и советские зенитные ракеты и британские «Блоупайп» сомнительной эффективности.

А с февраля 1986 года американцы, наконец, решили поставить 240 установок «Стингер» и тысячу ракет. Впервые инженер Гаффура, учившийся в СССР 26 сентября 1986 года сбил три вертолёт Ми-24, заходивших на посадку в Джелалабаде. «Стингер» способен поражать цели на расстоянии 4,5 км и на высоте от 200 до 3800 метров.

Большинство транспортных самолётов стали летать по ночам. Министр обороны обещал звание Героя Советского Союза первому захватившему «Стингер». Оно досталось майору Сергееву, перехватившему со своим отрядом караван. Моджахеды выстрелили из двух «Стингеров», промахнулись и третью установку удалось захватить целой. По другой версии приз достался некому майору Белову, но его наградили только орденом Красного Знамени, поскольку в последний момент выяснилось, что он злоупотребляет спиртным и резок в обращении с начальством (это так по-русски!). Русские задались целью выкупать «Стингеры», у моджахедов, продававших их по цене 2—3 тысячи долларов. То же делали иранцы и на параде 1987 года продемонстрировали несколько «Стингеров».

После войны ЦРУ, встревоженные ситуацией, пытались выкупить «Стингеры» вдвое выше их начальной цены, т. к. на руках повстанцев оставались ещё от двухсот до четырехсот комплексов.

40-я армия потеряла во время войны 113 самолётов и 333 вертолёт (американцы во Вьетнаме 5986 вертолёт(ов)).

Горбачёв принял решение о выводе войск из Афганистана за год до того как по советским вертолётам выпустили первые «Стингеры», поэтому они никак не влияли на процесс принятия политических решений.

Моджахеды были готовы заключать сделки и с советскими властями. Советский офицер таджикского происхождения Феликс Рахмонов, служивший в Шинданде, отвечал за связи с местным населением. Его лю-

били и солдаты, и афганцы, с которыми он поддерживал контакты. Местные жители приводили ему солдат, проявивших неосторожность и позволивших захватить себя в плен. Однажды афганцы доставили Рахмонову троих солдат в запряженной ишаком тележке. Руки пленников были связаны их собственными ремнями. Рахмонов обменял их на некоторое количество муки и несколько канистр дизельного топлива. Ничего удивительного, что после этого советских солдат стали заметно чаще захватывать ради извлечения выгоды.

Узнав о нападении и захвате в плен группы советских солдат, в том числе и офицера Миронова — друга Рахмонова, капитан Рахмонов со своей группой почти две недели преследовал их, пока, наконец, загнанные в горы они попросили перемирия. Это тоже был один из парадоксов афганской войны, когда стороны объявляли о перемирии на каком-то конкретном участке или в городе. На переговоры от моджахедов пришел сам шейх Курбан, высокий красивый мужчина, знавший полтора десятка языков. Среди моджахедов были не только фанатики и идиоты. Были и другие: выпускники лучших теологических институтов Востока, потомственные аристократы из афганских родовых семей, крупные инженеры и предприниматели, получившие образование в известных центрах научной мысли. К сожалению, их было большинство на противоположной стороне. Среди «революционеров», как правило, преобладали люмпены и выскочки, гордившиеся крестьянским происхождением. На девяносто процентов они состояли из племенных образований и озлобленных крестьян просто по необ-

ходимости взявших в руки оружие. Многие из них уже не могли вернуться в свои кишлаки. Убивать на войне станет их основной профессией. И потянутся наёмники из Афгана во многие бывшие республики СССР, продолжая сражаться и убивать. Посеявшие бурю пожинают ураган. Неизвестно когда в Афганистане закончится гражданская война.

Прошедшие войну остались на всю жизнь ущербными инвалидами, ибо, оставаясь физически целыми, они нравственно переродились. Нельзя убивать другого человека — и не терять ничего в своей собственной душе. Нельзя видеть кровь и не содрогаться. Нельзя стрелять по живым мишеням, получая при этом своеобразное удовольствие. Как только это происходит, духовному существованию индивидуума приходит конец, и вместо его появляется хладнокровное, эгоистическое существо, с чудовищным потенциалом равнодушия к чужой боли.

— Салам аллейкум, — радушно приветствовал его Рахмонов.

— Валлейкума салам, — ответил Курбан. (В традиционном восточном приветствии были заложены слова: «Привет тебе во имя Аллаха», и ответ был приблизительно такой же: «И тебе привет именем Аллаха»).

Рахмонов приказал подать традиционный чай.

— Ты преследуешь нас, — начал шейх после того, как сделал первый глоток чая, — уже две недели. Что тебе нужно? Мы о тебе уже слышали, что среди «шурави» есть такой таджик.

— Пленных. Верните их мне, и я уйду. Я никогда не бросаю своих людей.

— Мы их взяли в честном бою, — возразил шейх Курбан, — мы хотели обменять их на оружие.

— Только не со мной. Продовольствие, одежду — пожалуйста, а оружие не дам, — твёрдо ответил Рахмонов.

Это была одна из самых удивительных страниц войны. И самых позорных. Часто, выручая своих пленных, некоторые командиры просто меняли оружие на солдат, не отдавая себе отчёта, что это оружие будет стрелять против их товарищей.

— От тебя, — развёл руками шейх Курбан, — мы не возьмём ничего, тебя хорошо знают пуштуны, что ты никого не обманывал.

— Ну, что-то вы все равно потребуете.

— Да, «шурави», потребуем. Ты должен дать слово офицера, слово мусульманина, ты будешь читать поминальные суры из корана, если рядом не будет муллы. Знаем, что ты безбожник, но ты искупишь свою вину перед Аллахом.

— Даю слово офицера, если к вечеру люди будут в моём лагере, я всегда буду читать коран над убитым мусульманином, если рядом не будет муллы.

— Твои люди будут здесь через два часа, — поднялся шейх Курбан, — все пятеро.

— Шестеро, — напомнил ему Рахмонов.

— Нет, пятеро, — возразил шейх, — твой пленный офицер был очень плох. Мы боялись, что он не выживет. И отправили его в Ургун. Он, наверно, уже в соседней стране, если остался жив.

За голову офицера давали больше денег. Это не было в глазах моджахедов варварством. Просто голову предъ-

являли в качестве доказательства. По нормам шариата разрешено членовредительство. И вору, например, отрубали руку, а неверную жену забросать камнями.

Миронов выжил благодаря врачу, представителю Красного креста, оказавшемуся в лагере. Научившись языку и постигнув всю глубину простых духом людей, он принял ислам и вернулся в родной Ачинск в марте 92-го. Страна была уже не та. Он не понял, куда он вернулся. В приграничном Пакистане было спокойнее.

Рахмонов нашел Миронова в Ачинске и в застольной беседе рассказал ему, что мир изменился, изменилось сознание людей, настрой всей страны. Стали доказывать, что ничего хорошего у нас не было, что вся наша история за последние семьдесят лет — одно говно. Что нашими руководителями были маньяки Ленин, Сталин или слабоумные идиоты типа Хрущёва, Брежнева и Черненко. Начали открыто писать о тридцать седьмом годе. Вместе с правдой нам сообщили, что все мы были стукачами либо палачами. А потом сказали, что ввод войск в Афганистан был преступлением. И, значит мы, с тобой, Виктор, уже не герои, а преступники.

Виктор погиб в октябре девяносто третьего, защищая Верховный Совет России — оплот своей последней надежды и веры. Так и не понявший и не принявший происшедших перемен, он оказался чужим для страны, откуда ушел воевать восемь лет назад. На его похороны успел приехать и друг Рахмонов. Это был последний долг перед несчастным офицером, раздавленным немолимым колесом истории.

Самые замысловатые отношения у русских складывались с Ахмадом Шахом Масудом, поразившим воображение русских и афганцев своей лихой защитой Панджшерской долины. Масуд — прозвище означало — счастливый. Название Панджшер переводилось как «пять львов» и Масуда повсеместно именовали Панджшерским львом. Имея ограниченные возможности в плане вооружения, по сравнению с правительственными войсками он сумел организовать такую оборону, что овладеть его территорией казалось невозможно. Он был профессиональным офицером, и ещё изучал инженерное дело в Кабульском университете, и принял сторону умеренного Раббани, но когда тот совершил неудачный переворот против Дауда, Масуду пришлось бежать в Пакистан вместе с лидерами исламистов. Генерал Ахромеев дал задание полковнику ГРУ Ткачёву договориться с Масудом о перемирии, о чём через агентов было передано Масуду. Масуд изложил свои условия: встреча должна произойти в канун нового 1983-го года в Панджшерском ущелье на территории, им контролируемой. Там они и встретились. О ней Ткачёв рассказывал так: «... Масуд предложил обсудить серьёзные дела. Мы начали разговор с истории дружеских и традиционно добрососедских отношений между Афганистаном и Советским Союзом. Масуд с грустью сказал: «Очень жаль, что произошло вторжение советских войск в Афганистан. Руководители обеих стран допустили грубейшую ошибку, её можно классифицировать как преступление перед афганским и советскими народами». В отношении кабульского руководства, власть которого,

по его словам, в стране ограничивалась столицей и некоторыми крупными городами, он был непримиримым противником.

Когда мы изложили Ахмед Шаху вопросы, поставленные в задании нашим руководством, он был несколько удивлён, что в них не было ультиматумов, требованием капитулировать. Ключевым же вопросом в наших предложениях было взаимное прекращение огневого противодействия в Панджшере и взаимные обязательства по созданию необходимых условий местному населению для нормальной жизнедеятельности. Результатом проведённых переговоров во время этой и последующих встреч стали реальные прекращения боевых действий. В Панджшер вернулись мирные жители, обстановка на трассе Саланг — Кабул стала намного спокойней. В течение 1983 года и до апреля 1984 года в Панджшере боевые действия не велись.

Однако это не устраивало партийных функционеров НДПА и они требовали от советского руководства боевых действий. В связи с этим перемирие неоднократно нарушалось по нашей вине. Например, на одной из встреч с Масудом мы беседовали в доме одного из местных жителей. В это время послышался звук приближающихся вертолётов. Я сказал Масуду, что сейчас перемирие и вертолётов не надо опасаться, но он предложил на всякий случай уйти в укрытие. Едва мы это сделали, вертолёт нанёс удар по дому, и от него осталась только половина. Масуд, показав мне на развалины, сказал: «Интернациональная помощь в действии».

На следующее утро я явился к советнику генералу Сорокину для доклада. Он мне зачитал донесение, в котором сообщалось, что накануне в 13—00 по кишлаку, где проходило совещание главарей бандформирований был нанесён бомбо-штурмовой удар. Все погибли. Масуду оторвало обе ноги, и был расколот череп. Я ему сказал, что это ахиня, так как после удара в 19—00 я пил чай с покойником».

Панджшер — место восхитительно красивое. Здесь живут таджики — правоверные, но не фанатичные мусульмане-суниты, которые часто конфликтуют с пуштунами, живущими южнее. По этой долине Александр Македонский совершил легендарный зимний поход, преследуя Бесса — последнего претендента на трон Персии. Позднее местные жители добывали себе пропитание, собирая дань с богатых караванов из Китая проходивших по долине — здесь до XX века пролегал один из главных торговых путей из Кабула на север. Художники европейского Возрождения пользовались лазуритом, добываемым в верховьях долины, для изготовления голубой краски, которой писали одеяния мадонн. Шахты даже во время войны приносили более пяти миллионов долларов в год. Они были тщательно замаскированы и защищены от атак с воздуха. Добыча велась с помощью инженеров из Японии и Западной Германии. В силу экономической значимости шахт для сил сопротивления советские стратегические бомбардировщики в июне 1981 года пытались их уничтожить с помощью ковраых бомбардировок, но ничего не получилось. Подход к долине со стороны Шомали в девя-

носта километров от Кабула, выглядит неприступным. От Чарикара тянется узкое ущелье Даланг Санг. Вдоль него, в двадцати метрах внизу, пенятся воды реки Панджшер, а дорога льнёт к крутому каменистому склону слева. По этой узкой дороге и шли советские войска первые пять лет войны. На выходе из ущелья открывается долина. В её низовьях растут виноград, тутовые и абрикосовые деревья, пшеница, кукуруза. Река богата рыбой. Кишлаки разбросаны вдоль реки и в предгорьях представляют собой всего одну улицу, а жилые дома обнесены дувалами. От Чарикара до верховий долины — более 150 километров.

Под давлением афганского руководства весной 1984 года Москва решила раз и навсегда разобраться с Масудом. На этот раз предполагалось задействовать одиннадцать тысяч советских и 2600 афганских солдат, а также 200 самолётов и 190 вертолётов. Впереди шел спецназ, обнаруживший, что мятежники оставили свои позиции, однако командование решило не прекращать операцию, поскольку бомбардировщики с кассетными бомбами уже покинули свои базы в Советском Союзе. Авианалёт по пустым позициям длился около двух часов. Основные силы двинулись в четыре часа 19 апреля. Впереди шли сапёры. Естественно продвижение шло очень медленно. Тридцатого апреля серьёзно пострадал 2-й батальон 682-го полка. Когда солдаты ослабили бдительность на них, как всегда, из засады напали с трёх сторон, обстреляли и скрылись. Потери насчитывали 53 человека убитыми (12 офицеров), 58 были ранены. Эту операцию записали в число побед. Маршал Соколов вы-

летел в Руху, главный город долины, чтобы всё видеть своими глазами. Смотреть было не на что — ущерба много, а мятежников и след простыл.

Соколов устроил совещание, на котором генералы доложили, что вторжению противостояли три тысячи повстанцев. Около 1700 были убиты, а выжившие бежали в горы, унеся с собой тела погибших. Вот почему следов боя не видно. Статистика генерала КГБ Леонида Шебаршина не убедила. Как могли тысяча триста выживших унести на себе тысячу семьсот трупов? Как их посчитали? И он нашел ответ. Жертвы в стане врага подсчитывались по формуле, основывающейся на количестве использованных боеприпасов. Эта очаровательно точная формула позволила советской армии утверждать, что повстанцы каждый год, начиная с 1982 года, теряли тридцать тысяч человек убитыми.

Соколов доложил Устинову, что убито 2800 мятежников и тридцать захвачено в плен. Кармалю он сообщил, что дорога для афганских властей теперь открыта, можно восстанавливать гражданскую администрацию и запускать программы социально-экономических реформ в интересах крестьянства.

Только потом стало ясно, что Масуда предупредили агенты из Кабула и он увёл все свои силы, чтобы переждать нашествие.

Удары молота были неспособны расколоть орех — настичь ускользающую армию партизан. Непосредственные задачи этих операций, как правило, выполнялись: осада с заставы снята, база повстанцев уничтожена, долина занята. Но у русских никогда не хватало людей,

чтобы проконтролировать занятую территорию. После успешной операции они возвращались на базы и передавали полномочия своим афганским союзникам.

Так что русские (как и другие армии, приходившие в Афганистан до и после них) обнаружили, что когда захватываешь землю, тебе нужны войска, чтобы её удержать. Они могли господствовать над городами и кишлаками днём, но моджахеды правили там ночью. Советские силы не могли разжать хватку мятежников в сельской местности или закрыть границу, через которые получали припасы.

В сущности, советские войска хорошо владели тактикой, но у них не было реалистической стратегии. Они выигрывали битвы, но не могли одержать убедительную победу в войне. Все их усилия, как военные, так и политические, оканчивались ничем. В итоге у них не осталось выбора: пришлось пойти на всё, лишь бы выпутаться из этой истории.

XV

Все лейтенанты верят в то, что смерть может найти кого угодно, но не его. Как это так, меня — этого не может быть. Я молод, силён, могуч, прекрасно профессионально подготовлен, мне 23 года, мне жить и жить... Как это убить меня? Шутить изволите!

Эта психология присуща молодости, ею поражены практически 100 процентов солдат и молодых офицеров. Зачастую героизм очень плотно соседствует с очевидной глупостью, как это не печально. И там, где здравый смысл, элементарная тактика подсказывают: надо перебежать, переползти, проникнутый такой психологией солдат или офицер закатывает рукава, приклеивает к нижней губе окурок, берёт оружие.

С одной стороны, с такой психологией надо бороться, ибо, если её поощрять это приведёт к совершенно неоправданным человеческим потерям, а с другой стороны, с этой психологией нельзя бороться жестко, если человек поднимаясь в атаку, знает, что будет в этой атаке убит, он в неё не поднимется. Каждый, покидая окоп, надеется, что уцелеет, что будет жить. Ну, в крайнем случае — ранят. Ничего не боятся только дураки и сумасшедшие. В армии большинство фаталисты с принципом: «Если быть повешенным, то он не утонет», и на них она держится.

В роте погиб лейтенант Николай Бутко. Погиб из-за того, что ему было ведомо, что такое честь и благородство. Разведроте была поставлена задача по нейтрализации бандгруппы из 50 человек, шедшей из кишлака Махмударак по ущелью. Этот факт подтверждался тремя источниками. Разведрота на трёх вертолётах, которые взлетали в разных концах аэродрома и с разными промежутками времени, была переброшена в район предполагаемых действий, высадилась в десяти километрах от ущелья. За ночь совершили весьма сложный марш по горной местности, и к утру организовали образцовую засаду вдоль тропинки, ведущей вверх по ущелью на участке 200 метров.

Что бывает крайне редко, почти точно в оговорённое время в засаду втянулась группа численностью 51 человек. В группе было два пулемёта, два охотничьих ружья с нарезными стволами, с десятков карабинов СКС, остальное — автоматы различных модификаций, пистолеты, гранаты. Люди двигались по тропинке в колонне по одному, полнейшая уверенность в безопасности, так как разведки и охранения не наблюдалось.

Когда голова колонны оказалась метрах в двадцати, лейтенант Бутко встал из-за камня во весь рост и обратился к идущим со следующей речью на фарси:

— Господа бандиты, вы окружены, во избежание кровопролития вам предлагается сложить оружие и сдаться!

Мог крикнуть то же самое из-за камня, наверняка был бы жив. Но он встал. Встал для того, Чтобы продемонстрировать миролюбие, встал потому, что

не хотел никого убивать и не верил, что кто-то хочет убить его.

Один из стоящих на тропинке вместо ответа выпустил от бедра длинную очередь. Одна из пуль попала Бутко в лоб. Умер он практически мгновенно. За 15 секунд всех смели автоматным огнём, что была за группа, кто за ней стоял, так и осталось загадкой.

Оружие собрали, трупы остались на тропе. Вертолёты забрали в установленном месте роту и тело лейтенанта Николая Бутко. Потеря была невосполнимой. Все любили этого жизнерадостного, внимательного, всегда готового прийти на помощь товарищам.

Через день после печальной церемонии прощания с телом Николая Бутко разведрота была направлена на перехват каравана, в котором, по агентурным сведениям кроме обычного оружия должны быть «Стингеры». Решено было ехать до ущелья на БМП, переночевать там и с рассветом пойти скрытно в горы по бездорожью выйти к перевалу и там сделать засаду. К ущелью добрались к вечеру без происшествий, выставили боевое охранение и после ужина Кичигин скомандовал отбой. Юрию не спалось, он сидел на броне БМП, держась за холодную, влажную от росы крышку люка. Запрокинув голову, смотрел на азиатское небо с иным орнаментом звёзд, с перевёрнутым, похожим на лодку месяцем, вся эта яркость и сила светил восхищала его. Это было небом иной страны. Бесчисленными ударами звёзд, прикосновением лучей, росчерком метеоров сотворяли под собой иную жизнь и судьбу. Иные люди жили под этими звёзда-

ми в своих глинобитных хижинах. Иные молитвы звучали под этим небом в лазурных мечетях, и даже вой шакалов вплетался без дисгармонии, в эти молитвы. Иные сказания помнили старцы, накрытые белой чалмой. Иные кости истлевали у положенных лицом к Мекке в древних могилах под россыпями разноцветных созвездий.

Он сидел на броне, и небо Востока накрыло его своей мерцающей теплотой, сулило бесконечное бытие и бессмертие.

Эти звёзды напоминали ему звёздное небо Тянь-Шаня, когда они любовались ими вдвоём с Любашей. Она прибыла туда с группой альпинистов из московского Дома учёных. Она уже была опытной альпинисткой, и, впервые, встретившись взглядами, их обоих словно поразила молния. Всё свободное время они проводили вместе, держась за руки. Их не смущали доброжелательные шутки своих товарищей. Они нашли друг друга. Люба должна была закончить аспирантуру, что будет потом, они не знали, но знали одно: друг без друга им уже не быть. Афганская командировка перечеркнула все их планы. Люба писала ему почти ежедневно и умоляла его писать ей почаще, но он, как бы испытывая её любовь и неуверенный в том, что афганская стезя приведёт его домой, отвечал ей редко, успокаивал тем, что войны он не видит, служит при штабе и описывал в радужном свете афганскую экзотику. Она понимала, что альпинист при штабе сидеть никак не может и умоляла его беречь себя. Её любовь вливалась в него уверенность, что он останется жив.

Верящий восхищённый, ожидающий для себя здесь на Востоке, неизбежное, уготованное ему чудо, Юрий опустил в люк. Задраил крышку, на ощупь пробрался на место и лёг, слыша близкое дыхание товарищей.

Он быстро заснул, отпуская от себя сочное сияние звёзд, словно укрылся плотным войлоком.

Ещё было темно, как Кичигин повёл роту в горы, снизу до них донёсся только гул, возвращающихся на базу БМП.

Они шли в горы всё ещё под неверным светом перевёрнутого месяца, под нестройный вой шакалов, надеясь только на самих себя, да ещё на удачу. А чужая земля пол ногами, будто специально подсовывала острые камни и скользкие тропы. Слава Богу, не противопехотные «лягушки».

Разведчики благополучно пересекли плато и спускались теперь по крутому склону. Шли боком, ставя ноги так, чтобы тыльная сторона стопы входила в частые небольшие углубления. Только таким образом можно было удержать равновесие. Под подошвами ботинок скрипели мелкие камушки.

Спускаться в горах куда сложнее, чем подниматься. Один неосторожный шаг, каменистая осыпь — и полетишь вниз. На чуть обозначенной тропинке любой уроженец равнины свернул бы себе шею, но для тех, кто родился и вырос в горах, здесь дом родной. В огромной стране всего около 2000 км асфальтовых дорог. Все остальные дороги в горах — тропки и тропинки делал не человек, а животные, сначала дикие, а потом домашние — овцы, ишак и верблюды.

Вскоре рота спустилась в небольшой каньон. Всюду рос арчевый кустарник. Меж больших каменных глыб змеился, журча и фосфоресцируя в лунном свете, ручеёк, за ним возвышалась, казалось неприступная скалистая громада. У ручейка освежились в холодной, идущей с ледника воды, дополнив свои фляжки. Нужно было спешить, чтобы не быть обнаруженными в этой долине. Первыми на приступ пошли лучшие скалолазы — Гудков и Кичигин. Они закрепили на первом уступе верёвки, и, страхуясь ими десантники один за другим, пошли на уступ. Таким образом, скальная стена была преодолена в четыре этапа.

Раннее, первыми на скалы шли Будко и Гудков, а Кичигин шел замыкающим, подстраховывая и координируя действия бойцов. Сегодня замыкающим шел помкомвзвода старший сержант Волков.

Светало, яркое, безжалостное светило выползло из-за хребта.

— Как дела, «мужики»? — спросил Кичигин бойцов.

— Как в Польше, — у кого больше, тот и пан — слышался чей-то ответ и смех остальных.

— Привал и подкрепиться, — скомандовал майор. Рота рассаживалась на камни, оживлённо разговаривая. Никогда не унывающий Волков, спросил товарищей:

— А вы знаете, почему в Китае живёт почти треть населения Земли?

— Почему?

— Когда-то, в древние времена стая кроликов усыновила двух человеческих детёнышей — мальчика и девочку. Они выросли. Так возник Китай.

— Батя, спросил майора Волков, — вы знаете, что если зарезать спящего человека, даже ударом в сердце, он обязательно вскрикнет?

— Не знаю, не пробовал.

— Я ещё маленьким слышал разговор моего деда со своим другом-односельчанином. Дед в 30-х годах служил в Уссурийске во время Халкин –Гольских событий. Тогда ночью два японских диверсанта вырезали роту солдат. Все остались в своих кроватях, и на лицах был испуг или удивление. Это установили опытные следователи. Они сначала убили заснувшего у входа, сидящего у тумбочки дневального, затем находящегося в ленкомнате дежурного по роте. В коридоре была хозкомната и ленкомната, а справа и слева — казарма. Один пошел в одну, другой в другую половину казармы. У обоих был свой «почерк» работы ножом. Но оба сначала толчком будили спящего, тот открывал глаза и следовал удар ножом. В Уссурийске и теперь напротив той казармы стоит большой обелиск — братская могила.

— Ну что ж, будем знать, как спящих резать. Всё, мужики, час прошел, пора двигаться дальше.

К обеду вышли на нужную позицию к караванной тропе и устроили засаду. Солнце было в зените. Тридцать градусов жары, выцветшее светло-голубое небо. Казалось солнце не светило, а раскалённый добела металлический диск висит в небе, и вот-вот по его краям задёргаются, заплещут языки адского пламени. Воздух сделался душным и жгучим, словно в сухой сауне, отчего дышать было практически невозможно. Но кто станет торчать на солнцепёке, если можно от палящих

лучей спрятаться за камнями в тени. Там, даже иногда возникали порывы холодного ветра с ледника.

Караван появился на рассвете следующего дня. Он шел со стороны Пакистана, преодолев перевал «Хавак».

Тихо позвякивая удилами, мерно шагали друг за другом верблюды. Качался в такт их шагам над заснеженными вершинами близкого хребта перевёрнутый серп полумесяца, таинственно мерцали на аспидно-черном южном небе крупные звёзды. Неслись издалека плач и вой шакалов. Шуршала под натуженными ногами верблюдов бесконечная горная тропа, и старый погонщик, раскачиваясь у верблюжьего горба, тихо пел такую же бесконечную, как дорога, жалостливую песню. Впереди и сзади каравана шли до зубов вооруженные люди — около тридцати человек.

Бойцы стали растирать свои окоченевшие от ядрёного морозца руки, готовя их к бою.

— Передать по цепи,— «Внимание, приготовиться», — отдал команду майор. Было условлено, что стрельбу на поражение начнёт пулемётчик Алексей Коновалов, находящийся рядом с командиром. У всех десантников автоматы были снабжены НСП-3 (ночной бесподсветный прицел).

Алексей, услышав тихую команду майора,— «Давай», прошелся по каравану длинной очередью. В то же мгновение застучали автоматы десантников. В середине каравана раздался сильный взрыв, очевидно от пули сработал какой-то боеприпас, (возможно пластиковая мина) озарив на мгновение поле боя и тот хаос, который был там. В места, откуда слышались стоны и рёв

верблюдов, было брошено несколько гранат. Через несколько минут всё смолкло. Изредка раздавались короткие очереди десантников, наблюдавших в ночной прицел движение на тропе. До начала рассвета из засады по строгому указанию командира никто не поднимался. С рассветом, начав осмотр, обнаружили старого караванщика без единой царапины. Его спас верный верблюд, ценою жизни прикрыв своими горбами. Кое-как выяснив, откуда и куда шел караван, караванщика отпустили. Опять с сожалением вспоминали Николая Бойко, единственного знавшего фарси. Оружие, боеприпасы, пять установок «Стингера» и ракеты к ним уничтожили пластиковой взрывчаткой.

Вернулись на плато, откуда вертолётами вернулись на базу.

Русские устроили систему поддерживающих друг друга 862-х застав, размещенных с равными интервалами вдоль главных дорог, вокруг крупных городов и аэропортов.

На них служили больше двадцати тысяч человек — существенная доля сил 40-й армии.

Некоторые из них совсем маленькие, не больше дюжины солдат. В этих крохотных гарнизонах люди могли сидеть бессменно полтора года. Некоторые из них были устроены в недоступных местах, на высотах с видом на афганские деревни или пути подвоза припасов, и снабжались только по воздуху. На заставы регулярно нападали, но мятежникам не удалось захватить, ни одну из них. Заставы выживали не только благодаря силовому превосходству, которое невозможно было поддер-

жизнать долгое время, сколько благодаря договорённости с соседними кишлаками. Жизнь на заставе была однообразной. Некачественная пища и вода, никакие развлечения, не считая обязательной ленинской колонны, иногда телевизора, и постоянная угроза болезни нападения изматывали людей.

Когда от агента стало известно, что через такую заставу, (близкую к базе 22-й бригады) должен был проехать большой отряд «духов», по приказу полковника Бурко, Кичигин решил усилить её тремя бойцами во главе с сержантом Коноваловым — больше было нельзя, там было негде разместиться. Собрали подарки для заставы и полетели.

Алексей потом рассказывал: «Вертолёт, пролетев минут 12—15, сделал один, затем второй круг над заставой и осторожно начал спускаться одним колесом на кромку площадки, которая была приблизительно 1,5 на 4 метра. Когда колесо коснулось камня, вместе со своим снаряжением выпрыгнули. Нас было трое. Вертолёт тут же улетел.

Площадка имела форму неправильного прямоугольника и была с трёх сторон обнесена полутораметровой толстой стенкой из мешков с песком — их сюда навезли вертолётами. Четвёртую стенку не поставили — была с безопасной стороны, и здесь подлетающий вертолёт опирался одной «ногой» о площадку.

От этой «большой», около шести квадратных метров площадки отходила малая — выступ с понижения типа ступеньки. Здесь был установлен 120 мм миномёт рядом высилась гора мин к нему. Здесь же устро-

укрытие от непогоды. На основной площадке, в двух её противоположных концах, установили крупнокалиберные пулемёты ДШК. От малой площадки вниз под углом 50 градусов шла тропа, вырубленные в гранитной стене ступеньки по обе стороны которых, был протянут добротный канат вместо перил. В конце тропы находилась ещё одна площадка — приблизительно такой же величины, как и верхняя. Здесь был сосредоточен и весь быт небольшого, всего двенадцать человек, гарнизона: место для отдыха, кухня, умывальник и т. д.

— Здорово, славяне! — приветствовал я их, — гостей принимаете?

— Примем, если пропишешься, — ответил, старший.

— Понял, значит, в ужин.

Мы устроились на снарядных ящиках, которые на большинстве застав являются главной составляющей «мебели»: они были и стульями, и столами и лежаками для сна, и сундуками и дровами.

Посидели, поговорили.

— Пойду, осмотрюсь — сказал я, — не сегодня, завтра к вам ещё будут гости.

— Мы гостеприимные, — заявил старший, — всех принимаем.

Я провёл пробную пристрелку. Скала вокруг была окружена круто уходящей каменной осыпью из мелких камней. Перевал был как на ладони. Спрятаться негде, все крупные камни разбиты вдребезги из миномёта. Я повеселел, думая, что у меня не то что «дух», и мышь здесь не проскочит. Подобраться незаметно нельзя, осыпь при малейшем прикосновении начинала ползти и шуметь.

Десантирование на горную заставу

На следующую ночь под утро, в четвёртом часу около двухсот «духов» наладилась к нам, сделав залп из гранатомётов, половина зарядов не долетела, остальные бесполезно разбились о скалу. Ну, мы из всех стволов хорошо им врезали, половину смели, вторая половина скрылась и больше не думала высовываться. Стервятникам там корма теперь на полгода. А через сутки нас забрал вертолёт обратно...»

— Лёха, а стихи новые есть?

— Есть, слушайте:

Атака отбита

Мы вышли из боя,
Забрав всех убитых.
Врага больше втрое,
Атака отбита.
Здесь небо горело,
В нём солнце закрыто,
Но бились мы смело,
Атака отбита.
Мы сердцем согрели
Вернувшихся с битвы,
Живым пели песни,
Погибшим молитвы.

Но если нам скажут:
— Враги не добыты.
Мы снова докажем:
Атака отбита!

Мы — Русские

С седых веков известен мавр и галл,
Нас баловали рабство и свобода!
Чуть позже — раша, руссо, русский — мир узнал
Вселенский дух великого народа.

И каждый день без русских не придёт,
Без их пространства и Большой дороги!
Таков он — НЕРАЗГАДАННЫЙ народ,—
Себя отдаст за счастье многих...

Горжусь корнями пращуров моих,
Их буйной страстью и любовью к Богу!
Я лишь частичка в бурях среди них,
Ищу ту самую — Великую дорогу.

Ну, Лёха, молоток, пиши дальше!

XVI

Структура 40-й армии была уникальной. «За всю историю наших Вооруженных сил, — объяснил её последний командующий генерал Громов, — не было такой армии, которая располагала бы собственными военно-воздушными силами. Особую мощь придавало большое количество батальонов специального назначения — их было восемь. И это наряду с десантниками и разведчиками — самыми подготовленными подразделениями. Уникальными были и поставленные перед ней задачи. В отличие от некоторых западных армий, советская прежде не вела затяжную войну с партизанами в чужой стране. 40-я армия была расформирована, как только кончилась война. Она выиграла основные сражения, и это успокаивало командиров. Но она так и не смогла добиться политических успехов, на которые надеялось руководство страны.

Когда в концѐ начался постепенный вывод советских войск, начались одобряемые пакистанцами набеги моджахедов на территорию СССР. Ущерб они наносили немного, но американцы тревожились, что эти атаки могут спровоцировать непропорционально резкую реакцию СССР. Когда в апреле 1987 года диверсионная группа моджахедов пересекла Амударью, прошла два десятка километров к северу и обстреляла ракетами

завод, советский посол в Исламабаде ворвался с шумом в пакистанский МИД и предупредил: дальнейшие нападения приведут к суровым последствиям. Набеги прекратились.

Сороковую армию щедро снабжали современным оружием. Некоторое обрело легендарный статус: автомат Калашникова, БМП, и боевой вертолёт Ми-24.

Часть вооружений оказалась неактуальной, и их отпраздновали назад. Например, тяжелые зенитные орудия.

Хребтом советской армии были мотострелковые части: пехота, перемещавшаяся в БТР (их экипажи состояли из трёх человек, и они могли перевозить семь солдат) и вездесущие БМП, экипаж которых тоже составлял три человека и которые могли перевозить восемь солдат.

Штурмовой вертолёт Ми-24, который солдаты называли «крокодилом», — звезда многих фильмов. Экипаж состоял из трёх человек. Он мог брать на борт восемь пассажиров или четверо носилок. Эта зловещего вида машина оборудована мощным вооружением как для борьбы с пехотой, так и для разрушения зданий и бронетехники. Рабочей лошадкой сороковой армии был транспортный вертолёт Ми-8 («пчёлка») — самый массовый в мире. Мог перевозить 24 пассажира, двенадцать носилок или груз весом три тонны.

Спустя десять с лишним лет после афганской войны американцы арендовали Ми-8 для снабжения своих подразделений. Они хорошо приспособлены для действия в горах. Ими управляли русские пилоты, порой те же, кто водил их во время афганской войны. Поскольку Россия стала капстраной, была создана компа-

Дорога к перевалу «Саланг»

ния «Вертикаль-Т», где пилоты неплохо зарабатывали, конечно, постоянно рискуя. В 2008 году один из вертолёт сбил, и российский посол в Кабуле обратился к талибам с просьбой вернуть тела. «Это русские? — сказали талибы, — мы думали, что американцы, Конечно, забирайте».

Русские не могли позволить проиграть одну битву: за перевал Саланг. По этой дороге за войну было провезено восемь миллионов тонн припасов. Это составляло три четверти припасов. Дорога начинается на плодородных северных равнинах, а потом заворачивает вверх к угрюмым горам Пули-Хумри. Это половина пути. Афганский союз ветеранов в память об этой тяжелой поре выпустил памятный знак, где на овальном бронзовом значке изображена пуля, а внизу надпись — «Пуля Хумри».

Затем дорога поворачивает на юг до туннеля Саланг в ста километрах от Кабула. Туннель построили советские специалисты в 60-х годах, чтобы обеспечить проезд через Гиндукуш в любую погоду. Длина туннеля — пять километров, а проходит он на высоте более трёх километров над уровнем моря, выше всех туннелей в мире.

В ноябре 1982 года афганская правительственная колонна застряла в туннеле, заблокировав дорогу следом идущей советской колонне. Было очень холодно, двигатели не отключали, в результате 64 советских солдата, и 122 афганских погибли от отравления угарным газом. Это был не единственный случай. Уже в 2010 году зимой сошли несколько лавин, завалив туннель. Погибло 160 человек.

С южной стороны туннеля дорога, широко извиваясь, спускается вниз. С одной стороны унылые утёсы и горы, с другой обрыв — идеальное место для засады. Миновав разрозненные кишлаки, дорога достигает первого крупного города, Чарикара. От него идут две, менее значительные дороги: на запад к Бамиану, на восток к Баграму — главной авиабазе, и в Панджшерское ущелье — вотчину Масуда. Идеальное место для снайперов, засад, минирования. Вдоль трассы через Саланг до авиабазы тянулся топливопровод, который тоже нужно было охранять.

Советские войска вырубали деревья и разрушали кишлаки вдоль главных путей снабжения, чтобы лишить прикрытия мятежников, желающих устроить засаду. Заставы размещали таким образом, чтобы те могли оказывать поддержку соседям, или на возвышенностях с хорошим обзором.

Одна автоколонна направлялась в Файзабад из СССР; в начале пути она состояла из 1200 машин, но пункта назначения достигли лишь семьсот. Другой колонне понадобилось одиннадцать дней, чтобы преодолеть сорок километров. Водители грузовиков были гражданские. Многие из них погибли, более девяти тысяч во время войны получили советские и афганские награды. Было потеряно одиннадцать тысяч грузовиков и автоцистерн и сейчас на перевалах лежат их останки.

40-я армия чётко давала солдатам понять, что им грозит за недостойное поведение. В 1985 году армия выпустила небольшую брошюру: «Быт, нравы и обычаи народов Афганистана. Правила и нормы поведения военнослужащих за рубежом родной страны».

В брошюре описывалась страна и её жители, их религия, их яростное стремление к независимости, их быт, одежда и пища, обычаи гостеприимства и кровной мести, ритуалы, сопровождающие рождение, вступление в брак и смерть. В мусульманской религии уважение к матери, сестре, жене закладывается в детях с самого рождения. Там, вопреки распространённому мнению, вовсе не считают женщину существом низшего сорта, Напротив, муж обязан содержать своих женщин, лелеять их, беречь. Дом — это святилище женщины. Всё, что находится вне дома — удел мужчины. Такое разделение существует на Востоке многие тысячелетия, помогает семье правильно функционировать, так как в восточных семьях многодетность является обычным явлением. И паранджа для женщин не метод унижения её мужчинами, а метод предохранения женщины от нескромных взглядов других мужчин.

Затем приводились простые правила поведения: помни, что ты — представитель своей армии, и будь достоин своей исторической миссии; знай и уважай обычаи местных жителей, даже если они не совпадают с твоими; очень внимательно и уважительно относись к афганским женщинам; не мешай мусульманам во время молитвы и не входи в мечеть без важной причины; остерегайся шпионов; не пей из оросительных каналов; не покидай лагерь и не соглашайся на чьё-либо гостеприимство без разрешения.

Вводились жесткие запреты на торговлю, особенно наркотиками. Умышленное убийство каралось заключением на срок до десяти лет, а при наличии отягчаю-

щих обстоятельств (в том числе опьянение) виновному могла грозить смертная казнь. Грабёж с применением насилия и контрабанда также могли наказываться десятью годами тюрьмы. Угрозы не были пустыми.

Был момент, когда в печально известной тюрьме Пули-Чархи под Кабулом содержалось две сотни советских солдат, обвиняемых, в разного рода преступлениях против афганского населения, в том числе убийствах.

Даже во время компаний солдаты большинства армий не так уж много времени проводят в боях. Они слоняются без дела, ругают своих офицеров — и военную машину в целом, уклоняются от работы, тянут еду, ищут возможности напиться, думают и болтают о женщинах, хвастаются и затевают грубые игры, порой вырождающиеся в физические насилия. Вся эта на первый взгляд бессмысленная деятельность имеет один бесценный побочный эффект: она укрепляет чувство плеча, крайне нужное в бою.

Солдаты 40-й армии жили в местности с нездоровым климатом, без удобств. Мёрзли зимой и изнывали от жары летом. Как правило, они были лишены женского общества. Их скверно кормили. Они становились жертвами эпидемий. Их третировали офицеры, сержанты и старослужащие. Им не давали отпуска, разве что на похороны самого близкого родственника. Но они переносили невзгоды со стоицизмом, издавна присущим русским солдатам, и были готовы драться за своих товарищей даже тогда, когда война сама по себе утерала всякий смысл. Призывники служили два года. Набор проводился весной и осенью Новобранцам брили голо-

вы, так повелось ещё с царских времён. После месяца базовой подготовки, тех, кому предназначено попасть в Афганистан отправляли на три месяца в «карантин» — тренировочные лагеря в республиках Средней Азии, где условия были близкими к афганским. Поэтому те, кого призывали весной, могли попасть в Афганистан только в августе. Там они служили примерно год и восемь месяцев, хотя командиры могли удерживать солдат, подлежащих демобилизации, до прибытия новобранцев.

Призывники, уже имевшие специальность — высшее образование, медицинскую или другую квалификацию, — занимались соответствующим делом. Некоторых перед отправкой в Афганистан отбирали для полугодового обучения на сержанта-водителя или артиллериста, и тогда служить им оставалось полтора года,

Несмотря на секретность, родители быстро поняли, что происходит и те, у кого были деньги, помогали «откосить» от армии. Поэтому больше двух третей из них прибыли из сёл или принадлежали к рабочему классу. Почти четверть призывников была из неполных семей. Среди них не было ни одного, чья семья принадлежала бы к партийной, бюрократической, академической или военной элите.

Военный историк генерал-полковник Кривошеев саркастически заметил, что пора бы вернуть Вооружённым силам прежнее романтическое название — Рабоче-Крестьянская Красная Армия. В Афганистане дедовщина была не столь тяжелой даже в мотострелковых частях, потому что и там солдатам находились дела.

«Деды», конечно, третировали младших, но в бою эти различия стирались. К тому же «деда» могла настичь не только вражеская пуля.

Но всё-таки 33% преступлений, выявленных в 40-й армии в 1987 году, составляли неуставные отношения.

Некоторые «афганцы» утверждали, что дедовщина, несмотря на негативные стороны, помогала поддерживать порядок и дисциплину. Многие считали, что дедовщина исчезнет, когда появится институт профессиональных сержантов с многолетним опытом службы.

В Афганистане возникли масштабные проблемы в области здоровья. Русские открыли там семь госпиталей, но система обслуживания и недостаток лекарств, привёл к такому выводу, что наша медицина бесславно и безнадёжно проиграла эту войну. Они даже не подозревали, с чем им придётся столкнуться. Они попали в средневековье с присущими ему болезнями, которые наша медицина лечить разучилась. Гигантское число заболевших и раненых во время войны: 469685 человек, или 88% всех, служивших в Афганистане.

Три четверти солдат, служивших в Афганистане, побывали в госпитале. Из них только 11% попали туда с травмами и ранениями, а 28% страдали от гепатита, 7,5% от брюшного тифа, остальные от инфекционной дизентерии, малярии и других болезней. Ходила шутка, что рядовые болеют желтухой, офицеры болезнью Боткина, а генералы лечатся от гепатита.

На крупных базах офицеры, медицинский состав и магазины со временем стали размещаться в модулях — одноэтажных сборных фанерных бараках, вы-

крашенных в зелёный цвет, с выложенными кафелем ванными у уборными.

На каждой базе работал военный госпиталь (или лазарет), пункт эвакуации, а также морг, где мёртвых готовили к возвращению на родину.

Солдаты жили в палатках на 60 человек, которые зимой обогревались двумя дровяными печами. Лучшими были трёхслойные палатки: внешний слой из водонепроницаемого брезента, средний из плотного теплоизоляционного материала, а внутренний из светлой ткани. Солдаты часто обшивали стенки палаток досками от ящиков с боеприпасами. Это создавало домашнюю атмосферу, защищало от сквозняков. Тумбочек не было и все вещи, в т.ч. брагу и наркотики прятали между стенками палаток.

Электрогенератор был мечтой, тогда можно было смотреть телевизор. Часто, рискуя, солдаты ходили в «дуканы» (магазины) и покупали там невиданные в Союзе магнитофоны, плееры, кассеты, джинсы, но и сигареты, спички, сладости, ягнёнка и рис, чтобы приготовить плов на день рождения, а также свежие фрукты, которые в сезон не стоили почти ничего.

Наркотики можно было обменять на брикет мыла.

Несмотря на трудности, боевой дух солдат по большей части оставался довольно высок, и во многом он зависел от уровня подготовки офицера. Младшие советские командиры сами вырабатывали договорённости с кишлаками, командирами моджахедов, а прежде всего, конечно, с представителями режима, солдатами, милиционерами, руководителями сельских отрядов

самообороны. Отношения были сложными. Бои перемежались сотрудничеством и компромиссами: прекращением огня, готовности закрыть глаза на контрабанду (при условии, что речь идёт не об оружии). У крохотных отрядов на заставах не было особого выбора, кроме как налаживать отношения с жителями деревень. Им выделяли товары, которыми они могли пользоваться для бартера и взяток: консервы, сахар, сигареты, мыло, керосин, спички, подержанную одежду и обувь и т. д.

XVII

И все же Панджшерский «конфуз» не давал покоя руководству ГРУ и они планировали реванш. Полковник Бурченко вызвал в штаб майора Кичигина для обсуждения предстоящих перед ротой задач.

— Тебя в Афгане ещё не было, когда наши генералы и маршалы махали тут в Панджшере шашками, но ты, конечно, знаешь, чем всё это закончилось. Анекдоты на эту тему только ленивый не рассказывает. Эта операция изначально была обречена на провал. Она была спланирована в Москве и об ней раньше нас знал Масуд. Потом только это дошло до всех силовых министерств, и там каждый дудел в свою дуду.

Артём Боровик один из первых журналистов, рассказавших советскому народу о том, что происходит в Афганистане, объяснял: «Одна из проблем, которую мы так и не смогли решить, во время войны в Афганистане заключалась, на мой взгляд, в том, что там не было единого центра управления представительствами наших суперминистерств — КГБ, МИД, МВД и Минобороны. Шефы этих представительств зачастую действовали сепаратно, слали в Москву разношерстную информацию, получали оттуда директивы, которые иной раз противоречили друг другу. По идее именно наш посол должен был объединить под своим руководством все четыре ми-

нистерства. Однако этого не произошло по той, видимо причине, что послы СССР в Кабуле менялись слишком часто, не успевая толком войти в курс дела. После Табеева приехал Можаяев, за ним Егорычев, дальше Воронцов и всё это за два года. Из них лишь Юрий Воронцов был профессиональным дипломатом, имевшим опыт работы на Востоке. Остальные делали карьеру в партийном аппарате и не имели востоковедческого образования». Критика таких структур бесследно не проходит. Журналист холдинга «Совершенно секретно» Артём Боровик направлявшийся в Киев на очередное расследование погиб 9 марта 2000 года, рухнув на М-40 сразу после взлёта на Шереметьево-1. Все погибли. В те годы за свои убеждения гибли не только журналисты, но и просто хорошие честные люди. Убивать научились.

Разведочная и диверсионная работа должна подготовить следующую операцию в Панджшере. Знать об этом будем я и ты. Ты выберешься с ротой в Анаву, официально подчиняясь командованию мотострелкового батальона, который обеспечивает работу блокпостов. Живут они там довольно спокойно, тебе, при необходимости будут помогать. Это ближняя точка к Панджшеру. В большом кишлаке и крепости, где постоянно располагаются наиболее подготовленные отряды Масуда и его полевые командиры, нужно разведать все системы кирязов, а они там представляют целый подземный город. Наши тогда ушли и не взорвали эти катакомбы. Поэтому твоя задача разведать их, и подготовить к взрыву тоннель выхода в горы, чтобы блокировать там моджахедов. Второе блокировочное кольцо,

десантируясь со стороны Пакистана, создаёт подразделение 22-й бригады, и, привлекая тяжелое вооружение и авиацию, ликвидируем это осиное гнездо. В разведку, чтобы не привлекать внимание, будете ходить малыми группами по 4—6 человек. Взвод старослужащих привлекать не стоит, если только добровольцев. Пусть ребята готовятся к дембелю. Тем более, что твои «родные» в альпинизме посильнее будут, а там только горы и бездорожье. С ротой изъявили желание пойти Волков, Коновалов, а также сержант Филимонов, сапёр-подрывник и вообще мастер на все руки.

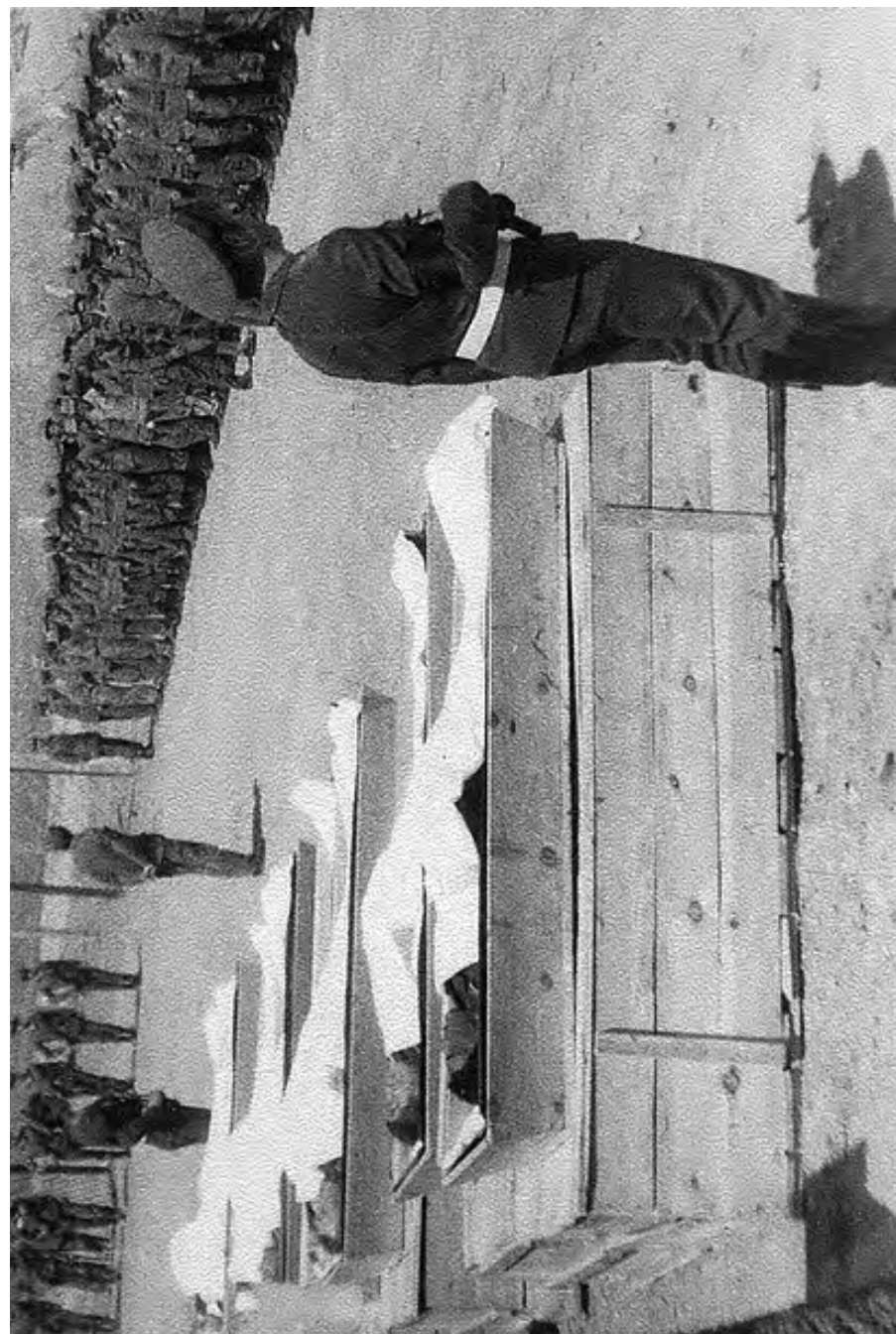
Ведя наблюдение за Панджшерским ущельем, разведгруппа Кичигина какое-то время располагалась в Анаве — небольшой крепости. Жили с комфортом. Разведгруппа уходила в тёмное время суток с укороченными «АКМ-У» с ночными прицелами и глушителями с ножами-стропорезами со стреляющими лезвиями и гранатами. Всё это скрывалось под широкой афганской одеждой. Для страховки в горах использовали верёвки и репшнуры. Остальные разведчики, вместе с мотострелками показывали крестьянам фильмы, наносили визиты чиновникам. Даже пытались выступать посредниками в непостижимых местных конфликтах. Они снабжали бедные семьи мукой, консервами, растительным маслом, солью, сахаром и сгущенным молоком.

Представитель ХАД в Анаве не раз приглашал офицеров на ужин, где те встречались с местными «шишками» — секретарём комитета партии, главой администрации, врачом и учителем. На стене висели портреты Горбачева и Ленина. Гостей обильно кормили, подавая

пакистанские сладости на изысканном фарфоре, мясо, рис, картофель, лук. Трапезу сопровождала афганская поп-музыка из магнитофона.

Моджахеды обстреливали крепость довольно бессистемно, обычно по воскресеньям. Русские мотострелки в ответ поливали огнём окрестные горы. Эта идиллия беспокоила Кичигина и он вздохнул с облегчением, когда разведрота, собрав все необходимые сведения. Была готова к блокированию базы моджахедов.

— Всё, ребята, — весело сказал он, — пока вы не превратились в правозащитников, выступаем завтра на рассвете на основную базу. Однако планы пришлось менять. С последней разведки вернулось четверо ребят, а двое остались скрытно наблюдать обнаружившую их группу «духов» из 34 человек. Потеряв разведчиков, они остановились, очевидно, на дневку, то есть решили отоспаться. Если это подтвердится, то один из разведчиков вернётся, а другой продолжит наблюдение до темноты. Через час вернулся ещё один разведчик и подтвердил, что духи спят, выставив с опасной (пологой) стороны часового, который тоже «клюёт» носом. Вторая сторона обрывается скальной стенкой. До них по волне проходимым горам 10—12 километров. Чтобы обезопасить предстоящую операцию Кичигин решил перехватить это подразделение. Неизвестно сколько они вели наблюдение за нашей разведкой, и какой располагают информацией. Совершив марш-бросок, через час уже приблизились к месту днёвки моджахедов. Их встретил разведчик, доложив, что пока всё без перемен. Кичигин отправил лучших пятерых скалолазов во главе с Вол-

ковым, сказав, как заберётесь на скалу, — режьте, если спят. Часового желательно снять ножом, — идут Гудков и Голиков.

— Всё, мужики, пошли.

Гудков, первый, подобралшись из-за скалы, выстрелил ножом в грудь часового, который свалился без звука. На довольно ровной площадке, вповалку, кто как, спали моджахеды. Волков со свои десантниками показали из-за гребня скалы почти в то же время. Гудков и Голиков с автоматами страховали их действия. Через десять минут Гудков подал сигнал, и Кичигин с остальными поднялся на плато.

— Ну, как, — спросил он Волкова, — кто-нибудь кричал?

— Никак нет, товарищ командир, все молча, пошли к аллаху.

Кичигин вызвал с базы два вертолёт. Гудков полетел в первом, Кичигин с оставшейся группой, собрав оружие моджахедов, во втором. Когда первый вертолёт делал поворот, ложась на курс, стало видно, как из-за соседней скалы был произведён пуск «Стингера» и второй вертолёт вспыхнул пламенем взрыва с выбросом чёрно-бурого дыма и камнем упал на скалы.

— Ба-а-тя! — страшным голосом закричал Волков.

— Командир, срочно сади машину, скомандовал Гудков.

Пилот послушно нырнул в небольшую долину между скал. Гудков дал команду на окружение моджахедов, а сам бросился к обломкам вертолета. В живых никого не было. Вместе с членами экипажа там было 12 человек.

У Кичигина сильно обгорело лицо. Лишь первый пилот, которого выбросило во время падения, еще подавал признаки жизни, но сделать уже ничего было нельзя, он был весь переломан.

Моджахеды отчаянно отстреливались из расщелины, образовавшей небольшой грот. Коновалов полоснул из своего пулемета и очевидно кого-то зацепил, потому что автоматный огонь прекратился и из укрытия начал стрелять гранатомет. Одна граната взорвалась от удара о скалу, под которой лежал, стреляя, Коновалов. Несколько мелких осколков попало в спину и ноги Коновалова.

С моджахедами десантники покончили быстро. Они взобрались на гору над расщелиной и забросали ее гранатами.

Никто так и не понял, откуда взялась вторая группа. Дело случая. Так на войне бывает. Случайно люди погибают. И случайно, иногда, остаются в живых.

Гибель любимого командира — «бати», гибель всего экипажа вертолета Ми-8 так потрясла десантников, что все плакали, не скрывая слез. Второй вертолет был не поврежден, летчик не выключал двигатель и его винт слабо вращался.

— Грузиться в вертолет, и забрать тело «бати», — командовал Гудков. Забрали еще трупы пилотов и улетели на базу. За телами других десантников летали еще два вертолета. На базе первой о смерти майора Кичигина узнала Эвелина. Увидев его, она потеряла сознание. Когда ее привели в себя, она бросилась к нему на грудь, обхватила ее руками и начала громко плакать и слать проклятия на голову тех, кого считала виноватыми в смерти

любимого. Оторвать от Кичигина ее было невозможно... Гудков обо всем подробно доложил Бурченко и просил сопровождать тело друга на Родину. Бурченко выслушал все без эмоций и сказал:

— Нет, капитан, война есть война. На ней люди гибнут, принимай роту. От успеха ее действий, зависит успех бригады. Помяните погибших и завтра вечером двумя вертолетами десантируетесь в зелёнку у кишлака, а ночью его блокируешь. Бригада выступит следом за вами, чтобы успеть.

А тело майора будет сопровождать прапор из штаба. Передай ему личные вещи Кичигина. Если захочет проводить майора до могилы, пускай едет и Эвелина. Документы подготовим.

Раны Алексея Коновалова обработали в лазарете и его в тот же день отправили самолетом в госпиталь Ташкента. В местном лазарете не было рентгеновской установки. Все пришли с ним проститься. Подходил срок демобилизации и из госпиталя его уже не ждали, зная, что оттуда он едет домой. Друг, призванный вместе с ним из шахтерского поселка написал матери письмо, что Лёша легко ранен, отправлен самолетом в госпиталь в Ташкент, где будет операция по удалению мелких осколков. Однако сердце матери не выдержало, и она от этого известия умерла еще до прибытия скорой помощи. Но Алексей об этом не знал.

Набрали еще 15 человек десантников, кто был обучен саперному делу. Произошедшее так повлияло на Гудкова, что он весь окаменел и всё делал на «автомате». При этом он думал:

Подобные вещи являются для нас проблемами, мы относимся к ним серьезно, да иначе и быть не может здесь, на грани смерти, жизнь ужасающе прямолинейна, она сводится к самому необходимому, и все остальное спит глухим сном, вот эта-то примитивность и спасает нас. Мы словно альпинисты на снежных вершинах, — все функции организма должны служить только сохранению жизни, и в силу необходимости они подчинены этой задаче.

Все другие проявления жизненной активности отменяются, так как оно привело бы к ненужной трате сил. Это дало нам равнодушие дикарей, чтобы мы наперекор всему могли наслаждаться каждой светлой минутой и сберегать ее про запас, как средство защиты от натиска мертвящей пустоты.

Иной раз ночью, во сне, случается, что на нас нахлынут видения, и мы просыпаемся все еще под властью их очарования, и с ужасом ощущаем, как не прочен этот порог, как призрачна та граница, что отдаляет нас от мрака.

Мы — маленькие язычки пламени, едва защищенные шаткими стенами от бури уничтожения и безумия, трепещущие под ее порывами и готовые угаснуть навсегда. Только дыхание спящих товарищей немного успокаивает нас, и мы начинаем ждать утра. К вечеру следующего дня двумя вертолётами вылетели к ущелью.

Барражирующий над угрюмыми хребтами вертолет кажется крошечной точкой, комариком в беспредельном, полыхающем кровавыми закатными всполохами в азиатском небе. Затянутое туманом ущелье, снежные вершины и горные разломы уходят под брюхо вертуш-

ки, а им на смену всплывают бирюзовые квадраты посевов, со всех сторон обступающие низкие глинобитные кишлаки, светлые полосы арыков и красные полотнища цветущего мака.

Круглолицый синеглазый летчик, окинув взором нескончаемые поля мака, крикнул второму пилоту:

— А мака-то, мака сколько!.. Видать, на опиум сеют!

— Азия!.. Гиблый край! — крикнул тот в ответ. — Отсюда «дурь» по всему миру расходится.

— А ты ее пробовал?

— Как-то с ребятами в училище, ради интереса, приходилось.

— И как она?

— Наутро голова тяжелая, хуже, чем с бодуна...

— А как там вы? — спросил второй пилот заглянувшего к ним сержанта Волкова.

— Мы-то?.. А нам у соседа грушу обтрясти, как два пальца об асфальт! Засмеялся сержант Волков, хлопнув по спине второго пилота, ушел.

— К десантированию готовсь!!!

Группа в несколько секунд выстроилась у десантного люка. Командир осмотрел бойцов, проверил крепление оружия, рюкзаков, парашютов и только после этого махнул рукой:

— Ну, с Богом! Па-а-ашёл, мужики!

Вертолеты легли на обратный курс, а над сумеречной зелёной остались парить только скользящие в сторону реки купола парашютов.

Всю ночь десантники занимались разминированием проходов с западной стороны, устанавливая эти

мины в узловых пересечениях кирязов. Все проходы были тщательно разведаны и все они сходились на трёх уровнях к главному выходу в горы. Здесь был большой туннель, по которому можно было идти не нагибаясь. В начале его было решено установить основную массу пластиковой взрывчатки. По замыслу должны обрушиться как подходящие от кирязов туннели, так и основной проход.. С рассветом должны подойти основные силы бригады и тогда можно будет привести в действие радиовзрыватели. Моджахеды будут заблокированы в крепости. Уйти незаметно не удастся, а организовать стройную оборону так же не останется времени.

В окулярах биноклей ночного видения ясно проглядывалась идущая из ущелья грунтовая дорога, раздваивающаяся перед самым кишлаком, как змеиный язык. Один конец ее уходил в кишлак и терялся в узких улочках с глинобитными дувалами, другой шёл в обход селения и упирался в «зёленку» и скрывался за развесистыми кряжистыми деревьями. На окраине кишлака, неподалеку от старинной мечети, возвышались полукруглые строения крепости.

Стрелки на часах уже показывали условное время начала операции. На востоке занялась розовая полоска утренней зари, вырисовывая силуэт ближайшего хребта. Из «зелёнки» на кишлак начали наплывать рваные клочья тумана. Время тянулось медленно, но всё же рассвет уже окрашивал пастельным розовым светом, гася перевернутый серп месяца, зависшего над «зелёнкой».

Прошло еще какое-то время, и вот уже донёсся с минарета неестественно пронзительный для непривычного

уха крик муэдзина. Кишлак ожил. Начался новый день. Гудков, еще раз взглянув на часы, нажал на кнопку радиовзрывателя. Вздогнули окрестности от взрыва страшной силы, кругом стало темно от красно-бурого облака, закрывшего все горы и небо над ними. Это и послужило сигналом стоящей в боевой готовности бригаде, приходящееся на время утренней молитвы. Капитан, дал команду, не обнаруживая себя, приданному сапёрному взводу продолжать разминирование подступов к базе. В то время когда афганский полк правительственных войск вёл прочёсывание кишлаков вдоль дороги, советская бригада вторглась в базовый район моджахедов. Пробиваясь сквозь укрепрайон, где каждый арык был превращён в рубеж обороны. Мятажники, перемещаясь под землёй в кирязах, думали мобильно перебросить мобильные группы для нападения с тыла, были обескуражены повсеместно напарываясь на взрывы мин. Они в панике покинули кирязы, попав наверху под плотный огонь. Однако идущие с боеприпасами и горючим колонны всё-таки нарывались на мины вдоль пыльных дорог просёлка. Вертолёты натыкались на огонь зенитных пулемётов, отворачивались от выбранных целей. Солдаты бригады, оставив БТЭЭРы на дорогах, двигались цепью по рывтинам и арыкам, в которые внезапно поступала вода, превращая их в непреодолимые для транспортёров препятствия.

Командный штаб бригады, накрытый маскировочной сетью, располагался на взгорье.

Кишлак, в момент окруженный блокпостами, БМП, танками, взятый под прицел батареями самоходных

гаубиц, гладкоствольными реактивными «ураганами» был обречён. Находящийся в нём главарь, укрывшийся в глинобитном дворце, готовил отпор, расставляя на позициях снайперов, минировал въезды, прятал в подземелья детей и женщин. В мечетях молились. В окопах набивали магазины. В подземном лазарете бородатый врач-пакистанец готовил операционный набор.

На брезентовом бруствере КП бригады стояли полевые телефоны и рации, разложены карты, стояли перископы и трубы. Штабисты в касках десятками голосов кричали в трубки, связывались с артиллерией, аэродромом штурмовиков, с вертолётными эскадрильями. Офицеры штаба, сильные, энергичные, с коричневыми под касками лицами теснились в окопе, в нетерпении взирали на кишлак, Помещали его в центр артиллерийских прицелов, в перекрестья бомбистов, в геометрию траекторий и баллистических кривых. Пространство дышало математикой, солнечным туманом и ещё не пролитой кровью.

— «Сокол», я — «Дуб»! Цель 306! Эшелон 2000... вызывал авиационный наводчик (кстати, — авиационный наводчик — самая ненавидимая моджахедами специальность — их даже в плен не брали).

С бетона, с белыми кипящими соплами, взлетали штурмовики. Набирали высоту над горами. Расплёскивали ядовитые термитные огоньки на кудрявых стебельках (ловушки для «Стингеров»), едва заметные, как падающий осколок стекла, пикировали на кишлак. Трескались серебристые купола мечети, гончарные кровли. Из трещин выплёскивали красный огонь, курчавые

веретена дыма. Самолётов давно уж не было, а кишлак продолжал взрываться, оседали стены, и в бинокль было видно, как мчится по пустому просёлку обезумевшая лошадь и на ней пестреет ковровое шерстяное седло.

— «Гвоздика»! — вызываю «Гвоздика»! Работаем по мечети! Медленно в слюдяном сверкании, пошли вертолётные пары, пятнистые, как земноводные. Обходили кишлак по дуге, страшась прицела зениток, огня пулемётов, пуска инфракрасных ракет. Уносили к солнцу металлический дребезг. Скрылись в расплавленном белом пятне. И оттуда, из белой проруби неба, внезапно и хищно устремились вниз, на кишлак. Пустили к земле острые дымные копья. Вонзили в купол колючие злые огни. И повсюду стали вздыматься пепельные кудрявые взрывы. Вертолёты в боевых разворотах протягивали к кишлаку длинные когтистые лапы, вырывали из него сочные ломти, терзали селение.

— «Свирель»! — я «Труба»!.. Два фугасных по целям сто три и сто девять!..

Реактивные «Ураганы» пропилили небо длинным воющим звуком, толкнули сквозь распилы свистящий огонь, опрокинули его на кишлак. Снаряды с большой высоты вонзались в землю, уходили в глубину, нащупывая там склады оружия, закопанные баки с горючим, штабы и командные пункты. Вырывали огромные огненные кратеры, наполненные белой плазмой котлована. Кишлак испарялся, превращался в огненный ветер, в ядовитый дым, в котором летели пылинки цветных изразцов, ворсинки сгоревших животных, костяная мука перемолотых взрывом людей. Один из снарядов

попал в склад с горючим. Клубы чёрной сажи напоминали огромного, встающего на ноги великана, в чалме, в развеянном халате, с поднятым вверх кулаком. Великан подымался, оглядывался во все стороны света, выбирая себе дорогу. Медленно отрывался от истреблённого, превращённого в скелет кишлака.

Кишлак был уничтожен, дымился. Ещё грохотали редкие взрывы.

Штабисты, утомлённые, потные, стягивали каски, оглядывали телефоны и рации. Гудков смотрел в бинокль на кишлак, на пустую дорогу. Из кишлака по равнине, убегали раненные собаки. Припадали на перебитые ноги, лизали окровавленные бока. Начальник штаба Бурченко вылез из окопа, отошел за бруствер и мочился. Этим действием он подводил итог последней операции. Завтра состоится замена и отправление в Союз дембелей. На душе было пусто, лучший друг улетел в «чёрном тюльпане» на родину, оставив здесь свою жизнь...

Работу закончили! — Передали по рации афганскому полку. Можете продолжать прочёсывание.

XVIII

Большинство служивших в Афганистане вернулись домой: кто-то целым и невредимым, кто-то больным, раненым, искалеченным. Многие погибли. Символом той войны для многих стал «Чёрный тюльпан»: четырёхмоторный транспортный Ан-12, привозивший из Афганистана тела павших. Даже спустя десятилетия песня Александра Розенбаума «Чёрный тюльпан» побуждала слушателей вставать, отдавая дань уважения погибшим. О том, как самолёты получили это романтическое прозвище, ходило много историй, но ни одну нельзя считать достоверной.

Кошмар начинался ещё в Афганистане, где в полковом или дивизионном морге тела готовили к отправке на родину. Морг обычно устраивали на краю гарнизона, в палатках или бараках. Командовали моргами лейтенанты. Внутри стоял металлический стол, на котором труп обмывали, приводили в порядок, насколько это возможно, и одевали в форму. Затем тело укладывали в цинковый гроб и припаивали крышку. На гробе писали: «Не вскрывать» и заколачивали в простой деревянный ящик, на котором по трафарету наносили фамилию и имя погибшего. Ящик грузили в «Чёрный тюльпан».

Из-за температуры, влажности и запахов работа в морге была невыносимой. Молодые призывники из-

немогали от жары в резиновых фартуках и рукавицах, зато такая работа избавляла от риска боевых заданий. Работники морга были постоянно пьяны и жили в своём собственном мирке. Считалось, что наткнуться на них перед заданием — плохая примета, так что другие солдаты избегали их. В столовой у них был отдельный стол и они были не готовы поддерживать дружеские отношения с людьми, чьи разорванные тела им потом, возможно, придётся сшивать.

Тела зачастую сложно опознать, как и гарантировать, что на гробу будет написано правильное имя. Сергея Никифорова по прибытии в Афганистан назначили начальником небольшой медчасти, поскольку до войны он учился на врача (но не доучился). Он, вспоминая, рассказывал капитану Гудкову, когда готовили к отправке тело майора Кичигина: «Военврач в звании майора провёл его по полковому моргу — маленькому барaku в окружении нескольких палаток. Никифорова обдало вонью ещё до того, как он вошел внутрь. Там два в дребезги пьяных солдата разбирали сваленные в кучу части тел. Ещё один катил тележку, на которую был водружен длинный жестяной ящик. Солдаты заполняли ящик мало отличимыми друг от друга ошмётками и отвозили его в сторону, чтобы припаять крышку.

— Какой по счёту? — спросил майор.

— Двадцатый, да ещё пяток соберём.

Выйдя из морга, майор влил в Никифорова такое количество водки, что у того глаза полезли на лоб.

— Ничего, привыкнешь, ещё и не такое будет. Но постарайся не спиться, хоть это и трудно. А то, что ты сей-

час видел, хоть и редкость, но бывает. Это разведчики попали в засаду, а затем душманы их порубили в капусту, упаковали в ящики, побросали в захваченный КАМАЗ и приказали привезти к нам в подарок.

Гробы получали кодовое название «Груз 200»

А это из записок Андрея Блинушова, солдата из Рязани, который после войны стал писателем и правозащитником. Его призвали в армию весной 1983 года и отправили служить в штабном взводе в Ижевске. Однажды поздно вечером нескольким «дедам» приказали забрать «Груз 200». Они, не отрываясь от телеэкрана, делегировали задачу молодым солдатам. Так Блинушов впервые столкнулся с «Чёрным тюльпаном».

Замполит взвода, самоуверенный лейтенант, повёз Блинушова и нескольких его товарищей в аэропорт, прямо к стоявшему в темноте большому транспортнику. Грузовой отсек «Чёрного тюльпана» был забит большими, грубо сколоченными деревянными ящиками, по три в штабеле. На каждом было написано имя. В отсеке сидел мертвецки пьяный прапорщик, велевший им перенести ящики в грузовик и доставить в городской морг. Небольшое здание морга было уже заполнено трупами. Поэтому ящики — теперь Блинушов понял, что в них тела погибших в Афганистане — сложили в коридоре. В Афганистане не удосужились выписать свидетельства о смерти перед тем, как запечатать тела в цинковые гробы и упаковать их в деревянные ящики. Служащие морга, не имея возможности проверить, соответствует ли содержимое ящиков тому, что на них написано, выпи-

сали документы, без которых гробы невозможно было передать родственникам.

Даже в 1983 году правительство продолжало утверждать, будто советские войска не участвуют в боевых действиях, а лишь выполняют «интернациональный долг», помогая афганскому народу. Поэтому гробы доставляли родным ночью. Но предосторожности были излишними. Почти всякий раз о происшедшем становилось известным заранее, и родственники, соседи и другие уже ждали грузовик, вскрывали деревянный ящик и передавали семье цинковый гроб.

В эту ночь Блинушов и его товарищи пронесли гроб с телом пилота вертолѐта по лестнице в его квартиру на седьмом этаже. Жена погибшего вышла встречать их с побелевшим лицом, с младенцем на руках, неспособная даже плакать. Подошел сосед, чтобы помочь найти место для гроба. Тогда женщина пронзительно закричала. Солдаты выскользнули из квартиры, бросились вниз по лестнице, к своему офицеру. Ему не хватило выдержки и он остался в грузовике.

Спустя некоторое время командиры стали отправлять тела в сопровождении прапорщика или офицера. Как правило, то были тела солдат, которых посмертно наградили медалью «За отвагу». Так что одним из способов узнать, что на самом деле происходит в Афганистане, был перекрёстный допрос сопровождающего.

Один молодой капитан-вертолѐтчик отправился в СССР, чтобы доставить тело товарища по эскадрилье. Он показывал Блинушову фотографии полевой жизни, конечно, снятые нелегально: солдаты в причудливом со-

четании военной формы и гражданской одежды, афганские селения, превращённые в руины. Молодой офицер говорил, что во время операций против моджахедов вертолётам порой приходилось обстреливать кишлаки. Конечно при этом гибли дети и женщины, но вертолётчик неубедительно пытался доказать, что это было делом рук моджахедов. Он так сильно нервничал насчёт того, как его примет семья погибшего товарища, что просил совета у Блинушова, хотя тот и был рядовым. Волновался капитан не зря. Добравшись до дома, погибшего, в сопровождении нескольких солдат и прапорщика, он столкнулся с разгневанной толпой. Кто-то двинул прапорщику в челюсть, разбив ему губу. Фуражка упала в лужу. Женщины визжали: «Убийцы! Кого вы нам привезли? Где наш мальчик?» Мужчины кидались на солдат, пока женщины не закричали: «Не надо, не трожьте солдатиков, они такие же несчастные, они ни в чём не виноваты».

Солдаты извлекли гроб из деревянного ящика и медленно внесли в квартиру. В ней толпились родные и соседи погибшего. Зеркала были завешены чёрной тканью. Женщины рыдали, мужчины пили. Капитан неловко застыл у входа, вертя фуражку в руках. Когда Блинушов сказал одной из женщин, что тот проделал долгий путь из Афганистана, чтобы доставить тело товарища, она бросилась к нему со словами: «Простите, что так получилось, понимаете, он у нас единственный». Занервничав от мысли, что останется один, капитан пытался уговорить Блинушова (они уже перешли на «ты», несмотря на разницу в звании) остаться хотя бы попить чай.

Но пора было возвращаться на базу, и солдаты уехали.

В цинковых гробах на родину возвращались не только мужчины. Четырнадцатого января 1987 года медсестра Вера Чечетова, подруга Аллы Смолиной, полетела со своей базы в Джелалабад. Дорога занимала всего пятнадцать минут, но вертолёт сбили. Вера не хотела одевать парашют: он не подходил ей по размеру, и она боялась, что помнёт платье. Только по обрывкам платья её и удалось опознать. По крайней мере, заметила Смолина, родным выдали то тело. Так получалось далеко не всегда...

Доставив тело майора Кичигина в родной Серов, Эвелина только после похорон пришла в себя. Как она добралась до места, она ничего не помнила. Прапорщик, сдав родителям ящик с телом Кичигина, в ту же минуту исчез. Что и как спросить было не у кого. Эвелина была в ступоре, не подавая признаков разумной жизни. Она не пила и не ела и глядела только на гроб. Уже после родители Александра расспросили её обо всём, но она помнила только, что его всего обожженного привезли на базу, и что-то осталось в памяти, что он был сбит ракетой, попавшей в вертолёт. Они уговорили Эвелину остаться у них, хотя бы временно, хотя-бы на год. Они называли её доченькой, умоляя, чтобы она заменила им Сашу...

XIX

Когда до приказа оставалось сто дней, для дембелей начинался период бурной активности. После опубликования приказа (дважды в год — чаще всего 27 марта 27 сентября) между командирами и дембелями иногда заключалась негласная договорённость. В этот период дембелей было неприято отправлять на опасные операции. Но это правило часто нарушали. Так, группа солдат, подлежащих демобилизации в феврале 1987 года, провела два предшествовавших месяца на боевом задании. Они вернулись в лагерь ночью грязные и небритые, за несколько часов до отправки в СССР. Они успели соскрести с себя грязь и побриться, товарищи постригли им волосы, и к утру они стояли строем у штаба полка, готовые к отлёту.

Ритуалы отъезда были разнообразны. Товарищи дембеля сбрасывались, чтобы он мог купить подарки для своих близких и друзей на родине. Но официально в Советский Союз ввозить можно было те товары, что были куплены в «Военторге». Особым шиком считался дипломат, но те, в основном, доставались офицерам, хотя для своих солдат, крещёных вместе огнём, офицеры не жалели ничего. Вещи же, полученные у афганцев — японские магнитофоны, камеры, дизайнерскую одежду, кроссовки, в общем всё, чего жаждали солдаты, — советские

таможенники могли конфисковать. Они, подозревали военные, просто забирали конфискат себе. Это касалось даже самых скромных покупок, которые только и могли позволить себе обычные солдаты: платок для матери, косметика для девушки, японские часы, презервативы, музыкальные открытки, не говоря уже о порнографии, которой тогда в Афганистане было полно. Некоторые думали, что проще купить подарки в Ташкенте. Но и здесь возникала проблема. Афганские банкноты и советская военная валюта могли попасть в руки солдат разными способами, по большей части нелегальными. Военные курсы варьировались, а некоторые банкноты имели магнитные полоски, позволяющие установить их происхождение. Так что на таможне можно было лишиться и денег.

Иногда таможенники, увидев суровую солидную толпу десантников, ордена и медали на их парадных мундирах робели и не смотрели на багаж, только спрашивали: «Оружие и наркотики есть?»

— Нет, хором отвечали десантники и молча проходили контроль.

Решив вопрос с подарками, дембель должен был приготовить парадную одежду. Тем, кому не повезло, приходилось извлекать старую парадную форму, измятую и грязную, неделю вымачивать в машинном масле, чтобы восстановить тёмный цвет, чистить бензином, а после месяц проветривать. Аксельбанты шили из парашютных тросов. Везучим доставалась «эксперименталка» — новая форма, которую испытывали в Афганистане, примерно с 1985 года и которая выглядела лучше, чем стандартный комплект.

Покидающий армию солдат собирал дембельский альбом с фотографиями, рисунками и другими материалами. Военные власти относились к этой затее с неодобрением, опасаясь, что, к примеру, фотографии нарушат режим безопасности. Но попытки пресечь эту практику, ни к чему не привели.

Перед тем, как солдаты покидали часть, с ними проводил беседу замполит: он объяснял, о чём можно рассказывать дома, а о чём нельзя. Общий смысл беседы сводился к тому, что 40-я армия — великая, могучая и морально здоровая. Не следовало упоминать о жертвах, ни о жестокости боевых действий. Все фотографии и видеозаписи следовало уничтожить. Само собой, солдаты игнорировали запреты, поэтому, к счастью, многие фотографии сохранились.

На крупных заставах и базах день солдата был настолько занят физической подготовкой, обязательными спортивными занятиями, обучением обращения с оружием, караульной службой и бытовой рутинной, что многие с нетерпением ждали боевых операций, чтобы развеять скуку. Но были и другие возможности. Помимо ленкомнаты работала библиотека, где можно было брать книги и поболтать с библиотекаршей. В магазинах «Военторг» солдаты могли свои скудные заработки потратить на сигареты, конфеты, на японскую электронику. При желании и наличии чеков (военной валюты) можно было достать всё, даже водку и шампанское.

Проблема была в том, что ни у солдат, ни у офицеров не хватало средств на удовлетворение своих желаний. Офицерам по советским меркам платили неплохо: лей-

тенант получал на руки 250 рублей по завершении обучения, а впоследствии его зарплата составляла 400 рублей. Инженер, разрабатывающий системы ракетного наведения, получал 250 рублей в месяц. У рядовых всё было значительно хуже. Часть их зарплаты переводилась в Сбербанк, и они могли снять её только после окончания службы. Кроме того им выплачивались небольшие суммы за ранения. Во время полевой службы сержанты получали 12—19 рублей в месяц, специалисты рядового состава — снайперы или пулемётчики — девять рублей. Простым солдатам платили семь. В то время средняя зарплата в СССР составляла сто рублей.

Так что и офицеры, и рядовые участвовали в разного рода коррупционных схемах. Корреспондент «Комсомольской правды» Владимир Снегирёв называл её «грабьармией», где каждый тащит всё, что мог. Он писал: «Интенданты расквартированных повсюду воинских частей тайком сдавали лавочникам сгущенное молоко, муку, тушенку, масло, сахар, а на вырученные деньги тут же приобретали товары, которые прежде видели только по телевизору. Гражданские специалисты тоже не дремали. Можно было привезти ящик водки, выменять его на три дублёрки, а в Союзе их продать на сумму, которой хватало, чтобы купить подержанный автомобиль.

Готовясь, дембеля покупали сувениры: складной зонтик, бусы или (о, предел мечтаний!) джинсы «Монтана». Брали фарфор, драгоценные камни, украшения, ковры. Исхитрялись: кто на боевых, когда ходили в кишлаки... Кто покупал, менял... Рожок патронов за кос-

метический набор — тушь, пудра, тени для любимой девушки. Патроны продавали, варёные... Пуля варёная не вылетает, а выплёвывается из ствола. Убить ею нельзя. Ставили ведра или тазы, бросали патроны и варили два часа. Готово! Вечером несли на продажу. Бизнесом занимались командиры и солдаты, герои и трусы. В столовых исчезали ножи, миски, ложки, вилки. В казармах недо считывались кружек, табуреток, молотков, постельного белья. Пропадали штывики от автоматов, зеркала с машин, запчасты, медали...

В дуكانах брали всё, даже тот мусор, что вывозили из гарнизонного городка: консервные банки, старые газеты, ржавые гвозды, куски фанеры, целлофановые мешочки... Мусор продавался машинами. По большей части воровство оставалось безнаказанным, в том числе потому, что высшие офицеры были в деле.

В отсутствии других развлечений в 40-й армии изрядно выпивали. Как сознавался один из офицеров: «Люди на родине думают, мы пьём из-за того, что с нами случилось что-то дурное, но это неправда... Мы пьём, потому, что скучаем по чему-то хорошему. Офицеры, в основном, пили водку и другие крепкие спиртные напитки. Солдаты готовили брагу — на афганской жаре это было нетрудно. Прятая её между обшивкой палаток, или во внешних топливных баках. Употребляли наркотики, в основном коноплю (чарс). Редким деликатесом был чай с гашишем. Большинству, конечно, хватало ума воздержаться. Солдаты брали в Афганистан гитары, импровизировали и сочиняли музыку и стихи, иногда очень хорошие. Некоторые популярные песни принадлежали перу извест-

ных артистов и бардов. Песня Александра Розенбаума «Чёрный тюльпан» и «Мы вернёмся» — (о советских военнопленных), помнили спустя много лет после войны.

Своим дуаиеном барды считают Юрия Кирсанова. Он служил в отряде спецназа «Карпаты», созданном на основе «Каскада».

Выпускник МГТУ им. Баумана Игорь Морозов писал песни, которые также ходили по всей армии: «Возвращение», «Мы уходим», «Колонна на Файзабад», «Дождь», «Песня пули», «Автомат и гитара». Эти барды, как и многие солдаты, считали годы, проведённые в Афганистане, лучшим временем своей жизни. И немало солдат, покидая страну, чувствовали уколы совести.

Вдруг с пронзительной ясностью поняли: там, впереди, ничего нет. Тьма. Мрак. Вакуум. Крикни — эха не будет, кинь камень — и не услышишь, как он стукнулся. Жизнь стремительно несла их в пустоту, ни остановиться, ни повернуть назад.

Родине

Помяни нас Россия в декабрьскую стужу,
Перед тем как сойдёшься за праздничный стол
Вспомни тех, кто присяги тебе не нарушил
Кто берёт тебя вечно и в вечность ушел.

Помяни нас, засыпанных пеплом и пылью,
Пулемётами врезанных в скальную твердь.
Запиши нас в историю горестной былью
И рубцом материнское сердце отметь.

Помяни нас, Россия, и злых и усталых
Одуревших от зноя, без сна, без воды.
Отмеряющих жизнь от привала к привалу,
От звезды до звезды, от беды до беды.

Помяни нас и гордых атакой победной.
Ни на шаг не сошедших со взятых вершин.
Не трибунною речью, ни строчкой газетной —
На великих скрижалях любви запиши.

Помяни нас, Россия, в извечной печали,
Златорусую косу свою расплети.
Мы оставшимся помнить и жить завещали,
Жить, как прожили мы — для тебя!

Игорь Морозов

XX

Капитан Гудков Юрий Иванович занимался формированием новой разведроты спецназа, когда ему доложили, что его давно уже ищет какой-то прапорщик и сейчас сидит у дверей его модуля. Какая-то неясная догадка болью отозвалась в его сердце, и он бросился бегом к своему барaku. Навстречу ему шагнул прапорщик с лицом Алексея Коновалова, только похудевшего и словно выросшего.

Они бросились друг другу в объятия и зарыдали в голос, никого не стесняясь. Их захлестнули эмоции от горечи потери «бати» и радости встречи, что они видят друг друга живыми и здоровыми.

— Что случилось? Почему ты здесь? А, какая разница, — махнул рукой капитан, — идём в дом, там всё расскажешь.

— Вот, пришел служить, если примешь. Дома у меня нет, мать умерла, Валентина не дождалась, вышла замуж. Работы нет. Всё боялся, что не застаю тебя в живых. Теперь здесь мой дом и мои друзья-товарищи.

Юрий достал бутылку водки, разлил на четыре стакана. Два стакана накрыли корочками хлеба и помянули умерших — Александра Ивановича Кичигина и маму Алексея, пожелав им земли пухом и царствия Небесного.

— Пойдём к ребятам, твои одноклассники демобилизовались, да и этим уже меньше ста дней до приказа ждать осталось. Ребятам дали новую комфортабельную палатку с хорошими печками «булерьян», да и стоит она на новом месте, подальше от вонючих БМП.

В палатке, не веря собственным глазам, ребята долго, со слезами на глазах, тискали Алексея. Наконец, успокоившись, усадили его на снарядный ящик и просили рассказать, как там, на родине.

— А нет никакой Родины, ребята, не узнал я Россию, не узнал даже друзей. И люди все другие, не такие, как вы. Жаль, что война заканчивается, возвращаться не хочется.

— Да, ладно, Лёха, чего ты несёшь? Выпил что ли?

— Да, выпил всего сто грамм в память нашего «бати» и моей мамы.

Вот, послушайте: — посвящается памяти нашего командира:

Строй батальона поредел...
Жизнь обозначила пределы.
И выбивает самых смелых,
Переступивших за предел.
Мы отмечаем суету,
Встречаясь по печальным датам,
А небосвод перед закатом
Очередную снял звезду.
И вновь трагический сюрприз,
И как-то странно расходиться –
Прицелом пойманная птица
Уже готова рухнуть вниз.

Спокойно всё осознаём,
Роняя фразу: «Все там будем»,
И по ступеням тусклых буден
Покорно к пропасти идём.

Наступило долгое молчание, которое нарушил Алексей, сказав, перекрестившись: «Царствие ему Небесное».

— Ну, дальше, вытащили из меня десяток осколков, в бумажку их аккуратно завернули — на память значит. Я их потом на могилу матери высыпал и сказал: «Вот я, мама, живой, а тебя этими осколками убило». Кости мне нигде не задело, и поехал я домой к маме. А маму, оказывается, уже схоронили. Костя написал, что меня ранили, а у неё от этого известия, разрыв сердца. Спасибо, похоронили по-человечески, даже памятник поставили. Старый начальник шахты постарался, а новый не хотел. И на работу меня тоже не принял. Оказывается, кузбасский коксующийся уголь никому не нужен, домны и сталелитейные заводы останавливают. У них, видите-ли, перестройка.

— И еще настигла «приятная» новость: — Моя любимая Валентина, не дождалась, вышла замуж, плачет, извиняется, говорит по дурости и по-пьяни, дескать, обманом добился её. Да не виню я её, лёгкая она была по жизни, просто — не судьба.

Выпил с ребятами, все какие-то дёрганные, неузнаваемые, может я стал другой, но они, точно, тоже. Представьте, поют такие песни:

«Перестройка, мать родная,
Горбачёв, отец родной.
На х.. родня такая,
Лучше буду сиротой».

Сорок дней матери хотел отметить, водки не мог найти, теперь всё там по талонам, как в Великую Отечественную. А мне талоны не положены. Кое-как, ребята помогли достать самогон.

Вот лучше послушайте:

«В больничной палате».
Ещё тревогою и болью
Гремят мучительные сны:
Никак не выйду я из боя,
Никак не выйду из войны.
Вот в схватке с поднятой гранатой
Бросаюсь на врага опять.
И нет ещё тех препаратов,
Что б мог бы без войны я спать.
И бредит почти вся палата
В боях горячих, огневых.
Всю ночь сражаются солдаты,
Бой не закончился для них...

— Там я насмотрелся: «Кладут в нашу палату раненого, он ослеп. Когда во время ужина обслуживающая сестра отвлеклась на минуту, он ощупью находит вилку и с размаха вонзает её себе в сердце. Ну, до сердца не дошло, вилка согнулась, попала в реберную кость. Мы зовём на помощь, так как в одиночку с ним не справишься и понадобились три человека, чтобы отнять у него вилку. А утром у него опять начинается припадок истерии. Перевели его в другую палату, там, говорят, те, кто с ума сошел. В общем, не позавидуешь.

Ну и в Кузбассе вижу мне делать нечего. Пошел к военному, всё рассказал: «А он то, да сё, поговорим с на-

чальником, походатайствуем». Нет, говорю, тут не помогли даже два ордена «Красной Звезды» и две медали. Давайте, оформляйте мне сверхсрочную, поеду добивать тех, кого не добил. Мне ещё за командира надо рассчитаться. Это ему оказалось сделать легче. Присвоили мне прапорщика и отправили дослуживать на сверхсрочную и я счастлив, что я здесь.

Бойцы качали головами, говоря, нет, я бы не вернулся сюда ни за какие коврижки. А вот побывайте на моём месте, тогда и поговорим.

— Ладно, Лёша, — сказал Гудков, — будешь на должности помкомвзвода, а жить будешь со мной, койка «бати» свободна.

Бурченко, как-то встретив Гудкова на базе, сказал ему: — «Зайди ко мне вечером, поговорим, чайку попьем. Он обрадовался приходу Гудкова, засуетился, усаживая его, достал большую бутылку виски, говоря, — видишь, что «сухой закон» с нами сделал: — «Будем пить шотландскую мочу».

— Как там рота?

— Набрали с бору по сосенке, альпинистов нет, нет и командиров взводов, ждём, когда назначите, хорошо, что половина старослужащие: в боевых действиях уже второй год.

— Да, скоро и последние твои скалолазы дембильнутся. Элитной роты больше не будет. Она выполнила свою задачу. Ты знаешь, что ты опять досрочно представлен к следующему званию и Ордену Красного Знамени за Панджшерскую операцию. Представление утверждено, жди приказа.

— Это полностью заслуга майора Кичигина, не моя.

— Его тоже представили посмертно к званию Героя, пока не утвердили. Знаю, что тебя ополовинили. Знаю, что и ваши отцы росли в одной семье, как родные братья. Как там они?

— Думаю, что их Эвелина спасла. Они на неё не надыхаются. Сидят вечером на лавочке и ждут её. Она в больнице устроилась операционной сестрой. Как увидят её, прямо светятся оба от счастья.

— Наше «заведение» Горбачёв тоже разгромил. Думаю, что на пользу «Дяди Сэма», теперь нет секретности, гласность, и он нас через лупу с наслаждением разглядывает. Вот что, Юра, не хочу тебя терять, твои два года тоже почти истекли, дадим направление в академию. Меня знают не только в ГРУ, но и в армии. Присвоили звание генерала. Поздравляю, товарищ генерал! погоди, в одном приказе будем. Приходи с любыми вопросами, не стесняйся. Как навестишь родных, сразу в Москву. Не теряй времени. Война почти закончилась, началось сокращение численности контингента. Выводим людей и технику из дальних углов. Будете их сопровождать. О диверсиях и разведке позабудьте. Думаю, что до полного вывода осталось менее года.

— Что там у тебя ещё нового?

— Коновалов Лёша вернулся.

— Как так?!

— Всё законно, он полтора года боевой службы здесь прошел, а теперь как офицер в звании прапорщика-сверхсрочника ещё полгода будет дослуживать.

— А что у него случилось?

— Да ничего особенного, соскучился по ребятам, если не считать, что своих на родине не осталось, мать умерла, невеста изменила, работы нет. Будет мне самым надёжным помощником.

— Да, дел-а-а.

Ну, иди, служи и, пожалуйста, береги себя.

Начались боевые будни. Они теперь были однообразны. Моджахеды особой активности не проявляли, но если где-то начиналась их мышинная возня, Гудков с ними тоже не мелочился, быстро вызывал краснозвёздных и быстрокрылых, и опять наступала тишина.

За сапёрами медленно следовала большая колонна техники и БМП роты. Солдаты, чтобы не мёрзнуть обычно шли пешком. Холодно, грязно, мокро, сыро, отвратно. Но оживление внёс взвод материального обеспечения, руководимый властной рукой старшего прапорщика Костенко. Поварята в рекордный срок вскипятили чай, и пока оголодавший народ грыз сухари, запивая обжигающим чаем, сварили и отвалили всем по двойной порции восхитительно-вкусной гречневой каши с мясом. Все наелись и согрелись. И погода уже не казалась такой гнусной, и дождь не таким сильным, и грязь вроде перестали замечать. Не много же человеку для счастья надо! Сытый воин-десантник непобедим! Вспомнили, что сегодня же праздник 23 февраля и Алексей, как всегда, в таких случаях выдал своё поздравление: «День 23 февраля»

Этот праздник у нас не отнять!

Он вошел в нас с принятием Присяги,

Он нам дорог, как Родина-Мать,

Символ гордости, чести, отваги!

Он, как эхо погибших в боях
Наших прадедов, дедов когда-то,
Отразила в Афганских горах,
В совершающих подвиг, солдатах.

Чтобы нам не вещали с трибун
Говорливые горлопаны
Не порвать им душевных струн,
Не свернём мы с пути Богом данным.

Ветераны и дети войны
Этот день отмечают свято,
Мы крутого замеса сыны,
Не пришедшего с фронта солдата.

Праздник был, всегда будет, он есть!
Не сгибайте униженно спины,
Ведь порукой тому — наша честь,
Офицерская честь, честь мужчины!

На следующий день на дороге, по которой прошло уже более 10 машин, следовавший 13-м или 14-и «Урал» отыскал правым задним колесом мину, и теперь стоял некрасиво, противоестественно, вздыбив левое переднее колесо. Рядом на собственных ногах стоял и безостановочно икал бледный водитель. «Уралу» поставили смертельный диагноз: восстановлению не подлежит. Машину разгрузили, водитель и пришедшие на помощь братья по совместной борьбе с бездорожьем резво открутили от двигателя всё, что можно было открутить,

слили солярку, а машину столкнули в пропасть. Она тяжело и косо покатилась, дробясь на мириады своих составляющих. Через час Лёша Коновалов, поправляя свой пулемёт, подошел к Гудкову и сказал: «Что-то впереди мне не нравится, больно уж идеальное для засады место».

Гудков не успел его удержать, только крикнул вслед, смотри там, осторожней! А роте дал команду — «Внимание!» Минут через десять впереди грохнул взрыв мины и тело Алексея, нелепо взмахнув конечностями, подбросило вверх. Гудков бросился туда и увидел, что ноги Алексея раздроблены, а сам он находится без сознания. Вызвали вертолёт, перевязали и уложили на носилки. Вертолёт появился через 15 минут, разбрасывая вокруг огненные ловушки. Гудков, передав роту командиру 2-го взвода старшему лейтенанту Гвоздеву, улетел с раненым на базу. Там в лазарете, одну ногу, держащуюся на тонком лоскуте кожи, ампутировали и подготовили к транзиту в Ташкент, надеясь, что там, в госпитале сумеют сохранить другую ногу.

Оттуда, через какое-то время сообщили, что ногу также ампутировали, и больной находится в удовлетворительном состоянии.

— Через неделю Бурченко вызвал Гудкова и сказал, что ночью пойдёт транспортник в Ташкент, пускай он проверит, как там Алексей и добавил: «Что-то мне не нравится, там, в Фергане и даже в Ташкенте зашевелились какие-то «басмачи». Если нет должного ухода, связывайся со мной для решения перевода в центральный военный госпиталь в Москве, тем более, что для

Транспортировка раненого

протезирования все равно нужно туда переводить, так как в Ташкенте ничего не делают. Командировка выписана, в Москве можешь задержаться на 3—4 дня.

В Ташкент транспортник прилетел утром и на такси Гудков быстро добрался до госпиталя

Увидев неестественно короткое тело Алексея, спросил:

— Как дела?

— Ничего.

Ничего на Руси означает хорошо. В том смысле, что нет ничего плохого. Пока. Если что-нибудь происходит, это всегда плохо. Лёша не жаловался, но по его впалым щекам градом катились слёзы. Сглотнув слюну и слёзы, сказал:

— Вот, отрезали по самые бёдра.

— Лёха, ты мужик, крепись, сделают протезы — ещё польку-бабочку танцевать будешь.

Обслуживание в госпитале действительно оставляло желать лучшего, и через Бурченко Гудков добился перевода Алексея в Москву. Там, устроив его в госпитале, он позвонил Любе. Услышав его голос, и, узнав, что он в Москве, она закричала от радости, не дав ему говорить, узнала где он находится и быстро приехала туда. Увидев, что он сильно озабочен, она расстроилась, стала допытываться, здоров ли он. Юрий объяснил, что привёз тяжелораненого друга, сейчас он на «обработке» и они должны дождаться, когда его переведут в палату.

Старшая сестра, дала им на свидание пять минут, просила не задерживаться, так как он очень слаб.

Лёша лежал безучастный, видно было, что действует успокоительное. Вот, Лёша, знакомься, это моя Любаша, теперь ты будешь под её присмотром.

Три дня в Москве пролетели как одна минута. У Любаши была двухкомнатная квартира, доставшаяся ей от бабушки на Фрунзенской набережной. Любу сильно беспокоило, что Алексею нужно возвращаться в Афганистан, плакала, умоляла, беречь себя, потащила его в храм, заказав молебен о здравии, и повесила ему на шею образок Святого Георгия Победоносца. Он, как мог, успокаивал её, что ему остались там только формальности по сдаче дел, и она оглянуться не успеет, как он вернётся к ней и будет поступать в Академию. Она познакомила его с родителями, с которыми сразу возникло взаимное уважение.

Алексея они навещали ежедневно и его молодой, здоровый организм брал своё так, что хлебая бульончик Любы в последнее их навещение, он даже пошутил, что курицу из бульона убирать было необязательно.

Боевая работа майора Гудкова продолжалась ещё около полугода. Ещё пришлось обучать приёмам скалолазания десантников, и ходить в разведку и устраивать засады. Опыт и мастерство помогали успешно обходить препятствия и обходиться малыми потерями.

Наконец-то наступил конец командировки на объект «Z» и майор Гудков попал в объятия Любаши.

XXI

В Афганистане сражались представители всех народов СССР, от самого многочисленного русского до самых маленьких. Среди погибших были советские немцы, поляки, греки, румыны, один цыган, один финн, один венгр и один чех. Бремя войны распределялось неравномерно, но в среднем на миллион жителей СССР приходилось 52,7 погибших. Народы Средней Азии пострадали в относительном измерении сильнее всех: 65 погибших на миллион жителей. Так что рассказы о том, что жители среднеазиатских республик не готовы были сражаться с братьями по вере — миф. Для славян в целом число погибших составляло 53,5 на миллион жителей, для русских — 51,2. Жители Кавказа и прибалтийских государств полагали, что в Кремле специально выбирали их для службы в Афганистане, поскольку считали политически ненадёжными. Статистика показывает, что это тоже миф: в Афганистане на каждый миллион жителей этих республик погибли, соответственно, 25,8 кавказцев и 17 жителей Балтии. За время боевых действий с 26 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года в армии погибло 14 427 человек, КГБ — 576, МВД — 28 человек. Ранено и контужено 53 тысячи человек.

По разным источникам афганцев погибло от 1 до 2 миллионов человек, от 850 тысяч до 1 500 000 чело-

век стали беженцами, осев, в основном в Иране и Пакистане.

Не многие советские солдаты добровольно сдавались моджахедам. Офицеры предупреждали их, что сдача в плен равносильна измене и что если они попадут в руки врага, их могут подвергнуть пыткам. Многие предпочитали покончить с собой и всё же время от времени солдаты попадали в плен, в том числе в силу беспомощности из-за ранений. Иногда их зверски убивали. Однако чаще моджахеды предпочитали менять их на собственных пленных, требовать выкуп или обращать в рабство. Некоторые из пленных решали отправиться на Запад и западные пропагандисты, естественно, пользовались ими в собственных целях. Те из пленных, кто вернулся в СССР, столкнулись с неприятностями разной степени тяжести. Некоторых военный трибунал приговорил к разным срокам заключения. Хотя западная пропаганда кричала о том, что русские расстреливают дезертиров, официальных подтверждений тому нет. Одного солдата, перешедшего на сторону моджахедов, обменяли на советского пленного. Он вернулся назад в традиционном афганском костюме. Хотя он не сражался против своих, его приговорили к шести годам колонии. Другие дезертиры вернувшиеся домой, пострадали не так сильно, а то и вовсе не понесли наказания. Многие вернувшиеся страдали от различных форм посттравматического стресса, впали в алкогольную или наркотическую зависимость.

В апреле 1988 года в Швейцарии между Афганистаном и Пакистаном подписано соглашение об урегули-

ровании ситуации ДРА. СССР обязался в течении 9 месяцев вывести войска, а США и Пакистан перестать поддерживать моджахедов.

США и Саудовская Аравия потратили 40 млрд. долларов для создания исламского противостояния. Выведя войска, СССР до 1992 года поддерживала в Афганистане президента Махаммада Наджибуллу. После его свержения началась гражданская война с 1990 по 2001 год между патриотическими силами Объединённого фронта с лидером Масудом и талибами, где погибло ещё 400000 афганцев. В начале сентября 2001 года журналист «Нового времени» Аркадий Дубнов жил в гостинице в Панджшерском ущелье, ожидая интервью с Масудом. Дубнов наладил с ним контакт, когда приезжал в Афганистан в 1993 году. В одном номере с Дубновым жили два арабских журналиста, которые тоже собирались брать у Масуда интервью. Девятого сентября арабы добились встречи и убили Масуда: взорвали бомбу, спрятанную в телекамере. Утверждалось, что это марокканцы из лондонского информгентства. Поэтому расследование начал Скотланл-Ярд, но прекратил расследование из-за отсутствия улик.

Президент Путин немедленно позвонил Бушу, о том, что убит лидер Северного альянса Масуд, что это его беспокоит, так как есть предчувствие, что они явно к чему-то готовятся.

Два дня спустя в Нью-Йорке были взорваны «башни-близнецы».

После этого в войну вступили США, разбомбив базы талибов.

В сентябре 2014 года президентом стал Ашрав Гани после демократических выборов, и НАТО официально объявило о прекращении боевых действий. С 2001 года в Афганистане погибло ещё 170 тысяч человек.

Сороковая армия уходила из Афганистана с боями, некоторые подразделения бросали технику, снаряжение, материальную часть — лишь бы поскорее добраться до границы.

Возвращение в мирную жизнь, они представляли иначе. Они думали, мощным аккордом начнётся сильное, яркое существование, полновесная радость вновь обрётённой жизни. Таким рисовалось им начало. Но дни и недели скользили как-то мимо, проходя в каких-то безразличных, поверхностных делах, и на проверку оказывается, что ничего не сделано. Война научила их действовать почти не размышляя, ибо каждая минута промедления чревата была смертью.

Поэтому жизнь на гражданке кажется очень уж медлительной. Они берут её наскоком, но прежде чем она откликнется и зазвучит, они отворачиваются от неё. Слишком долго их неизменным спутником была смерть: она была лихим игроком и ежесекундно на карту ставилась высшая ставка. Это выработало в них какую-то напряженность, лихорадочность, научило жить лишь настоящим мгновением, и теперь они чувствуют себя опустошенными, потому что здесь всё это не нужно. А пустота рождает тревогу: они чувствуют, что их не понимают и что даже любовь не может им помочь. Между солдатами и не солдатами развёрзлась непроходимая пропасть. Помочь себе они могут лишь сами. В их

беспокойные дни нередко врывается странный ропот, точно отдалённый гром орудий, точно глухой призыв, который они не могут разгадать, которого они не хотят слышать, от которого они отворачиваются, словно боясь упустить что-то, словно что-то убегает от них. Слишком часто что-то убегало от них, и для многих это была сама жизнь.

Они принесли Афганистан с собой — в душах, сердцах, в памяти, в навыках, в чём угодно и на всех уровнях. Эта бездарная политическая авантюра, эта попытка экспорта не доказавшей своей состоятельности революции обозначила начало конца. Бюрократическое, насквозь гнилое изнутри государство не приняло никаких серьёзных мер к социальной адаптации вернувшихся с войны и тем усугубило положение. В иных городах и весях чиновный люд, оттопырив губу и придерживая сытенское пузо, сановно отдуваясь, фарисейски разглагольствовал: «Мы вас в Афганистан не посылали!» Ох, дорогая эта глупость высокомерия. Бумеранг возвращается к тому, кто его послал. Начало рушиться и валиться всё и вся. Ещё советские войска дрались в Афганистане, а в 1986 году полыхнула Алма-Ата, потом Карабах, Фергана, Грузия, Таджикистан, и... пошло, поехало. Количество убитых на территории Советского Союза давно превысило количество погибших на Афганской земле, количество раненых тоже. Никто не знает точного количества беженцев. Никто не знает количества с треском переломанных на чьём-то жестком колене, прямо посередине судеб.

Прозвучало немало громких заявлений (в том числе из уст командиров-моджахедов) о том, какой вклад во-

йна в Афганистане внесла в распад Советского Союза. Весной 2002 года Бурхануддин Раббани объявил в Мазари-Шарифе (священное место Афганистана): «Мы выставили коммунистов из нашей страны, мы можем выставить всех захватчиков из священного Афганистана... Если бы не джихад, весь мир сейчас находился бы под коммунистической пятой. Берлинская стена пала из-за тех ударов, которые мы нанесли Советскому Союзу, и вдохновения, которые мы подарили всем угнетаемым народам. Мы раскололи Советский Союз на пятнадцать частей. Мы освободили людей от коммунизма. Джихад принёс миру свободу. Мы спасли мир, потому что здесь, в Афганистане коммунизм нашел свою могилу»!

Действительность гораздо, гораздо сложнее. Афганская компания и вправду стала для СССР тяжким экономическим и военным бременем, однако оно было не таким уж тяжелым. (В сравнении со второй мировой войной).

Провал в Афганистане обострил недоверие советского народа к правительству, которое росло в 80-х годах. Но недовольство народа подпитывали многие другие факторы: унижительное зрелище того, как один геронтократ сменяет во главе правительства другого (ППП — пятилетка пышных похорон, так окрестил этот период народ), продолжавшееся до избрания Горбачёва в 1985 году; разоблачения некомпетентности и обмана со стороны чиновников после взрыва на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года; давление гонки вооружений, экономическое недомогание страны, к концу десятилетия превратившееся в экономическую ката-

строфу; неопределённость и волнения, порождённые самими реформами Горбачёва, вооруженные выступления в Баку, в Армении, Тбилиси и Балтии, путч ГКЧП и безграмотные, варварские способы их ликвидации. Система рушилась и без афганской войны. Всё это, прежде всего, результат действия и бездействия последних маразматических правителей.

Советские самолёты, базировавшиеся в Баграме, улетели в период с 30 января по 3 февраля. К 4 февраля последние солдаты покинули Кабул. По пути к северу стояли отдельные батальоны: они должны были гарантировать, что переход пройдёт без сучка, без задоринки. За последние две недели войны Советская армия потеряла ещё 39 человек. Среди них был Игорь Ляхович из 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, которого застрелил снайпер. Его тело вывезли из Афганистана завернутым в покрывало и привязанным к крышке БМП. Как гласит легенда, Ляхович был последним советским солдатом, убитым на афганской войне.

Четырнадцатого февраля 1989 года командующий 40-й армией генерал Громов проснулся в хорошем настроении — как обычно, в половине седьмого. Он находился в Ташкургане, от которого до границы было около часа езды. Когда-то Ташкурган славился древним прекрасным рынком, но в ходе боевых действий тот был уничтожен. На протяжении большей части войны в городе находилась база мотострелкового полка, а с января — последний штаб 40-й армии. Теперь афганцы ходили по её территории с видом хозяев, оценивая здания,

которые им вскоре достанутся. В 10 часов утра небольшая колонна Громова — разведывательный батальон 201-й дивизии — выдвинулась в Хайратон, транзитную базу на Афганской стороне реки.

Там Громов и его команда ещё раз остановились, чтобы проверить, не остался ли позади ещё кто-либо из солдат 40-й армии. Их застиг панический звонок Язова. Юристы МИДа указали, что согласно Женевским соглашениям советские силы должны были покинуть Афганистан до 15 февраля, то есть вернуться в СССР 14 февраля. Громов ответил, что он уже разговаривал с представителем ООН и что они решили закрыть на это глаза. Тогда Язов спросил: «Почему вы выходите последним, а не первым, как положено командиру? Громов сказал, что по его мнению, он этого заслужил, провоевав в Афганистане более пяти лет. Язов промолчал.

Весь день солдаты и офицеры проверяли свои машины и начищали форму. Громов прошелся по транзитной базе, настолько огромной, что на её тщательный осмотр ушла бы неделя. На базе располагались гигантские склады, с тракторами, сельскохозяйственной техникой, кровельными материалами, цементом, сахаром и мукой. Афганский провожатый Громова показал контейнер, запечатанный с момента прибытия в 1979 году и открытый только несколько дней назад. Он был набит кексами и сладостями, давно сгнившими.

Вернувшись к своим солдатам, Громов построил их и проверил, полностью ли они готовы к событиям следующего дня. Он осмотрел собственную машину — БТР № 305, — проверил её и затем осмотрел снова.

Последнее, чего ему не хотелось — это поломки посередине моста.

В последнюю ночь Громов спал неважно. Он чувствовал, что эмоции покинули его, возбуждение последних дней испарилось. Он задремал около четырёх, но проснулся ещё до того, как зазвенел будильник. К пяти утра база начала оживать. Солдаты сновали туда-сюда и смеялись, начали разогревать двигатели своих машин, кто-то запел.

В девять Громов вызвал адъютанта, чтобы тот проверил, в порядке ли его форма. В девять тридцать он отдал приказ выступать. БТР батальона выдвинулись на мост первыми. Некоторые солдаты плакали. В девять сорок пять Громов последовал за ними на командной машине, несущей знамя 40-й армии. Она пересекла мост последней.

Вывод советских войск завершился.

На другой стороне реки солдат ждали местные чиновники, сотни советских и иностранных журналистов и родственники не вернувшихся солдат, надеявшиеся несмотря ни на что, узнать, что тех нашли живыми и невредимыми в последнюю минуту. В толпе был Александр Розенбаум, молодой журналист из архангельской газеты «Северный комсомолец». Пятьдесят девять парней из Архангельска погибли в Афганистане, трогательный репортаж Розенбаума с церемонии заканчивался вопросами, которые теперь задавали все: зачем мы отправились туда? Кто виноват?

Солдат обнимали, целовали, бросали цветы вслед машинам. Громова ждал его сын Максим, он бросил

Вывод войск

Командующий 40-й армией генерал Громов

ся обнимать генерала. Потом звучали речи, потом они обедали в ближайшей столовой для офицеров. Громов позвонил Язову, и тот без энтузиазма поздравил его. И на этом, если не считать административной рутины, всё было кончено.

Даже тогда официальная пресса распространяла мифы.

В последние дни войны «Правда» сообщала: «Грянул оркестр. Страна приветствовала возвращение родных сыновей. Наши парни возвращаются, выполнив свой интернациональный долг...

За эти годы советские солдаты в Афганистане отремонтировали, восстановили и построили сотни школ, лицеев, училищ, три десятка больниц, и столько же детских садов, около четырёх сот жилых домов, тридцать пять мечетей, многие десятки колодцев, около ста пятидесяти километров арыков и каналов... Они занимались охраной военных и мирных объектов в Кабуле».

На мосту солдат не встречали ни партийные деятели из Москвы, ни правительственные чиновники, ни сотрудники Минобороны, ни люди из Кремля.

Годы спустя они объяснили, что война была грязная, и что проделать путь до Термеза означало бы одобрить преступление. Это была серьёзная оплошность: предельно неудачный политический ход и просто дурной поступок. Это оскорбление солдаты не забыли и не простили.

Солдаты, вернувшиеся из Афганистана были убеждены, что правительство должно обеспечить им работу, жильё, медобслуживание, льготы и денежные

компенсации. Но поскольку СССР находился на грани политического и экономического коллапса, многим ветеранам было сложно добиться даже того, на что они уже имели право. Денежные выплаты были невелики, а жильё и работу найти удавалось с трудом: заводы закрывались, рабочие увольнялись. Протезы, если они вообще кому-то доставались, были примитивными, то же касалось и более простых агрегатов вроде инвалидных кресел. Ветеранам было трудно справиться с психологическими травмами, полученными в боях, избавиться от наркозависимости и склонности к насилию, заработанных в Афганистане.

Офицер мог получить разовую безвозмездную помощь в размере трёхмесячной зарплаты. Солдат, прослуживший дольше своего срока, получил пятьсот рублей. Инвалиды получали половину этой суммы, но после выписки из больницы их на месяц отправляли в санаторий. Были предусмотрены и компенсации семьям погибших, будь то солдаты или гражданские служащие. Однако это было лишь рамочное решение, которое не применялось без целой массы подзаконных актов. Документы эти не публиковались, поэтому местные власти зачастую не знали о них или игнорировали.

Обманутые, преданные, забытые ветераны афганской войны находили себе применение в горячих точках бывшей страны. Боль, обида, растерянность, неустроенность толкали их туда, где они могли делать единственное, чему научились, — убивать и достойно умирать. Государство, за которое они дрались, мёрзли в горах, изнывали от жары в пустынях, воевали,

теряя товарищей, этого государства больше не существовало.

И их подвиг, подвиг офицеров, достойно представлявших некогда великую армию, подвиг солдат, мужественно и храбро воевавших в этой войне, вдруг стал посмешищем. Более того, они превратились в подозрительные группы людей, так как не умели и не хотели жить по волчьим законам нарождавшегося общества. Осмеянные и презираемые они часто срывались, уходили из жизни, становились наркоманами и пьяницами. Некоторые, более сильные уходили в криминальные структуры с дикой обидой на свою неустроенную жизнь, на свои разбитые идеалы.

Опрос ветеранов, проведённой «Комсомольской правдой», показал, что 71% считает, что льготы существуют только на бумаге.

В апреле 1990 года Верховный совет образовал комитет по делам воинов-интернационалистов. А ранее в 1989 году Александр Котёнов, сын советского офицера, 4 года проведшего в ГУЛАГе, основал СВА (союз ветеранов Афганистана). Подорвавшись на mine и распрощавшись с иллюзиями о справедливости, Котёнов стал военным историком. В 1991 году СВА представлял больше трёхсот тысяч ветеранов-афганцев и добились того, что Ельцин, благодаря особенности приватизации сумел наделить ветеранские организации рядом привилегий: налоговыми льготами, коммерческими преференциями, таможенными льготами на табак, алкоголь, нефтепродукты, доступом к инвалюте, санаториям. К этим немалым поступлениям потянули руки

криминальные структуры, но настоящие афганцы дали им должный отпор.

Только в 1995 году авторы поправок к закону «О ветеранах», наконец, признали афганцев полноценными ветеранами и наделили их соответствующими льготами.

XXII

В феврале 2009 года по всей России праздновали двадцатую годовщину вывода войск из Афганистана. В Москве празднества начались с пышной церемонии, организованной местным отделением «Боевого братства» в спорткомплексе «Олимпийский». На ней присутствовало около пяти тысяч человек: ветераны, их жены и подруги, множество подростков. Многие заметили огромного раздавшегося десантника под два метра ростом. Звучали патриотические речи, бесконечные шумные и сентиментальные песни. Десяти избранным ветеранам подарили автомобили — претенциозный и очень дорогой жест. Некоторым казалось, что лучше бы потратить эти деньги на помощь ветеранам, живущим в нищете или инвалидам на современные протезы.

В воскресенье, 15 февраля в день годовщины, было холодно, сыпал мокрый и густой снег. У могилы неизвестного солдата под топот дружно марширующих солдат и энергично сыгранный старый советский гимн возложили венок. Затем триста-четыреста ветеранов, среди которых был Юрий Гудков, раздавшийся в плечах, на которых были погоны полковника, а рядом, прижавшись к его левой руке и обхватив её, стояла Любовь Ивановна всё такая же красивая и молодая. Спра-

ва от них стоял красавец-богатырь в чёрном пальто с непокрытой головой и тростью в руке, и к нему также приникла невысокая, полная улыбчивая женщина с румяным круглым лицом с ямочками на щеках и голубыми глазами. Это были супруги Коноваловы: Алексей и Валентина.

Ветераны пронесли красные знамёна 40-й армии по снегу и слякоти вдоль мемориального комплекса на Поклонной горе к памятнику воинам-интернационалистам. Там к ним обратились генералы: Руслан Аушев, сражавшийся в Панджшерском ущелье, ставший Героем Советского Союза и президентом своей родной Ингушетии, и Валерий Остротин, ещё один Герой Советского Союза, штурмовавший дворец Амина и командовавший 345-м Гвардейским отдельным парашютно-десантным полком во время операции «Магистраль».

Речи были сдержанными и, к счастью краткими: Аушев пошутил, что если бы советские политики учились в советской академии и всё спланировали как положено, то войска были бы выведены в тёплое время года, и теперь ветеранам не пришлось бы стоять в снегу. Солдаты, по словам выступавших, защищали интересы страны, и сделали то, чего ждала от них Родина. Они отправились на помощь афганцам, а когда афганцы перестали в них нуждаться, покинули страну.

Председатель российского союза ветеранов Афганистана Франц Клинецвич, бывший замполит, сказал, что это был плохой мир, но плохой мир лучше хорошей войны. Спокойно и с достоинством выступила мать одного из павших: афганская война должна стать последней

войной, где погибали русские парни, говорила она, забыв о Чечне.

Вечером состоялась торжественная церемония в Кремле. Казалось двадцать лет спустя заслуги и страдания ветеранов Афганистана наконец получили официальное признание — пусть даже государства, за которое они дрались, более не существовало.

В дальнейшем о всех годовщинах окончания афганской войны упоминалось скромно, дежурными фразами...

Праздновать годовщину поехали к Гудковым на Фрунзенскую.

Люба и Валя быстро собрали на стол, а мужчины на отдельном месте поставили стакан водки, накрыв его куском чёрного хлеба. Все знали, что, как всегда первого помянут «батю» — Кичигина Александра Ивановича и этот стакан налит ему. Первый тост произнёс Юрий Иванович. Он сказал, что через боевые действия в Афгане прошло 620000 военнослужащих, отмечено боевыми наградами 20153 человека, из них 10955 награждены посмертно. Звания Героя Советского Союза удостоено 86 военнослужащих, в том числе 28 посмертно. С 1994 по 2009 годы за подвиги в Афганистане звание Героя Российской Федерации присвоено 7 военнослужащим, в том числе 6 — посмертно. В их числе и нашему Александру Ивановичу. Он был представлен к званию Героя ещё в 1988 году, но очевидно «контора» придержала это представление. Тут могло сказаться то, что он не был членом партии, или «кулацкое» происхождение его отца или же слишком откровенная критика политики пар-

тии его отцом. Или, скорее всего, всё вместе. КГБ знало всё. Но правда восторжествовала, так выпьем за светлую память нашего незабвенного Александра Ивановича, пусть земля ему будет пухом... Годовщина, конечно, со слезами на глазах. Постепенно разговорились, просили Алексея почитать свои стихи, но Валя, смеясь, сказала, что стихи он пишет только ей, и неё целый сборник. Все они о любви и Валя стесняется говорить об них, а Алексей тем более. Все оживились и стали вспоминать, как зарождалась их любовь. Ласковая и заботливая сестричка сразу понравилась Алексею, но он очень стеснялся и страдал от своей беспомощности. Когда Юрий вернулся из Афганистана, Люба рассказала ему, что у Лёши в госпитале появилась симпатия — Валентина, чудесная девушка, не знаю, как он, но она в него точно влюблена. Пока не узнала от Лёши, что в Афгане у меня есть жених, сразу стала ласковой и ко мне.

Алексей часто, навещал Алексея, вёз его на коляске до ближайшего кафе и там они вспоминали о службе. Алексей, как и все малопьющие быстро пьянел и начинал жаловаться на судьбу.

— За что? — кричал он, и бил кулаком по столу.

— За Родину, по приказу, — отвечал Юрий.

— На хрен мне такой приказ, лучше бы я там остался.

— Не гневи Бога.

— Зачем такой Бог, который даёт столько горя, крови и грязи.

— Он испытывает нас. Ты знаешь, какой огромный сонм святых и великомучеников в истории христиан-

ства, которые терпели за веру не менее нашего. Смирись, много наших афганцев, поверив, стали священнослужителями и теперь счастливы. Вот с таким я тебя сведу, будет твоим духовником. За несколько минут общения с ним на душе светлеет. Мне он очень помог. После гибели Сани, душа одеревенела, искал смерти, но Бог миловал.

— Да, Лёша, жизнь перековала нас на свой лад, и все мы стали не такими, какими хотели бы стать, не попади мы в Афган. Лучше или хуже — другой вопрос.

После одной из таких встреч Валентина подошла к Гудкову и попросила: «Юрий Иванович, не давайте пить Лёше, он всегда плачет при возвращении».

— Плачет, Валя, он не от вина, а от того, что не осмелится сделать тебе предложение. Так что его судьба в твоих руках. Больше года добивались, чтобы сделали протезы. И опять помог Бурченко. Их изготовили в Швейцарии, и Алексей довольно быстро их освоил, тогда и сыграли свадьбу.

Пришли с учёбы ребята — Александр Коновалов и Александр Гудков. Конечно, названы они были в честь «бати». Сейчас они учились на первом курсе МГТУ им. Баумана и пришли поздравить отцов с годовщиной вывода войск.

— Давайте, ребята, быстро за стол.

— Нет, мы только чуть-чуть перекусим на кухне, у нас сейчас тренировка по волейболу, много есть нельзя.

Люба пошла на кухню покормить ребят и когда они ушли Юрий Иванович поднял бокал:

— А теперь давайте выпьем за молодёжь, — пусть они не узнают, что такое война...

Политики ввязываются в чужие войны, ведомые своими амбициями, жадностью, моральными соображениями или мессианским пылом, либо рассчитывая — верно или ошибочно — принести пользу своей стране.

Генералы ведут войну в меру своего умения, лучшие из них стараются беречь жизни солдат и в разумной степени контролировать их. Когда всё заканчивается, они изучают архивы и сочиняют мемуары, стремясь застолбить себе место в истории, оправдать принятые решения, а иногда раскритиковать своих коллег.

Солдаты возвращаются домой, успев увидеть и сотворить страшные вещи, память о которых преследует их много лет спустя. Истории о подвигах и товариществе помогают им справляться с воспоминаниями и осмысливать свой опыт. Многие не говорят ничего и отправляются в могилу, не рассказав даже самым дорогим и близким людям о том, что пережили.

Так происходит после любой войны. Так случилось и после войны в Афганистане.

Годы отсчитываются календарём, но век нередко не совпадает со столетием. Когда в ночь на первое января тысяча девятисотого года во дворцах и отелях, виллах и особняках и попросту в обычных домах и квартирах захлопали пробки бутылок с шампанским и миллионы людей с неизменной надеждой на лучшее подняли бокалы, в жизни человечества мало что изменилось. Зато было много речей о прогрессе, о тех чудесах, которые должен привести новый век, о знании и просвещении,

которым суждено развиваться, чем дальше, тем больше. И едва ли кто мог подумать тогда, что грядущий век, собственно говоря, ещё не настал и что придёт он лишь без малого полтора десятилетия спустя. А придя, явит зловещий лик, в сравнении с которым померкнут самые тёмные и бедственные эпохи истории мира. И тем более не могли об этом подумать те, кто встретил двадцатое столетие, спокойно и уютно почивая в своих детских кроватках.

Потом пошли первые годы начавшиеся цифрами «тысяча девятьсот». Над землёй поплыли дирижабли-цеппелины, задребезжали моторы первых аэропланов. По улицам всё гуще побежали автомобили, обгоняя и тесня кареты и коляски, пролётки, кэбы и фиакры, а в небо взметнулись антенны и мачты беспроводного телеграфа. И люди радовались: вот они, ощутительные и зримые приметы новизны и благотворных перемен. Но в гомоне салонной болтовни, в закруглённых периодах речей присяжных говорунов и краснобаев растворились иные, зловещие звуки, тем более, что доносились они пока ещё с обочин столбовой дороги нового века. А между тем уже трещали пулемёты на полях сражений англо-бурской и русско-японской войны, гулко рвались подводные мины на рейдах Порт-Артура и чуть слышно клочкотала в пробирках и колбах химических лабораторий маслянистая тяжелая жидкость с диковинным названием дихлордиэтилсульфид — та самая, которую под именем «иприт» вскоре узнает, содрогнувшись весь мир. И самые новейшие достижения учёных всего мира будут служить для создания всё более смертельно-

го оружия для уничтожения человечества. Прогремят две мировые войны, две смертельных бойни. И учёные с радостью откроют энергию атома, чтобы наконец-то одним ударом можно было уничтожить на Земле всю жизнь. А пока до этого в разных местах планеты идут локальные войны, в которых участвовали и наши «афганцы», чьи заслуги вовсе не умаляются преступностью замысла клики Брежнева и К*, втравивших их в бессмысленную кровавую бойню.

Закончатся ли войны?

Какая разумная цивилизация из космоса следит за обезумевшим человечеством, чтобы остановить атомную войну, или поможет нам уничтожить самих себя?

Многие сейчас задают себе эти вопросы...

БИБЛИОГРАФИЯ

Карцев. А. «Военный разведчик». М. 2007

Королёв В. «Уроки войны в Афганистане 1979—1989 годов»

Вареников в. «Неповторимое».

Громов Б. «Ограниченный контингент». М. 1994

Ляховский А. «Трагедия и доблесть Афгана». М. 2004

Грешнов А. Б. «Афганистан».

Гай Д. Снегирев В. «Вторжение». М. 1991

Звягинцев Ю. «Афганский излом. Вестник АТН-1999

Комсомольская правда 1989—21 декабря.

Комсомольская правда 1990—22 июля.

P.S.

Алексей Коновалов знаком с автором этой книги по совместной работе (в качестве волонтеров) в Московском комитете Ветеранов Отечественной Войны и он передал для книги ещё стихи.

К 25-летию вывода войск из Афганистана

Вырастают, взрослеют дети,
Изменяется ветер на встречный,
Изменяется всё на свете,
Только горы и память — вечны!

Шрам на теле — «привет от духа»,
А во рту песок вместо каши,
Кандагар и Панджшер и Руха,
Не сотрутся из памяти нашей.

Накалялись стволы автоматов,
Там, в горах имена высекая,
И шагали в бессмертье ребята,
Матерей навсегда покидая.

Много жизней — свечей задула
Не объявленная война,
Четверть века уже минуло,
Чти героев своих страна!

Вырастают, взрослеют дети,
Улетают года скоротечно,
Изменяется всё на свете,
Только в сердце Афган живёт вечно.

Разведроты Спецназа уходят на разведку в горы

Наконец-то на базе

Опять потери

МЫ ИСПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ!

ОБ АВТОРЕ

Силачёв Юрий Григорьевич родился в 1938 г.
Заслуженный энергетик. Награждён Орденом "Знак
Почёта", Орденом "Карлоса Балиньо" (Республика Куба) и
четырьмя медалями, в т.ч. "За трудовую доблесть".

Автор 12 книг:

Первая любовь

Дети войны

Эпоха перемен

Эпоха перемен - 2

Лучше гор могут быть только горы

Вся жизнь игра

Кыштымские легенды

Загадки исчезнувшей цивилизации

Эхо Афгана

Любашино детство

Русь древняя и забытая

сборник стихов "Когда не спится по ночам"

**Электронные версии книг свободно распространяются
на сайте Уральского Провинциального Издательства.**

Уральское Провинциальное Издательство (Uralizdat)
осуществляет подготовку и издание печатных и электронных книг.

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, книги о природе, проза и поэзия, детская литература.

Подробнее с деятельностью и книгами издательства можно познакомиться на [сайте https://uralizdat.ru](https://uralizdat.ru).

Нашу продукцию можно приобрести на [сайте издательства](#) или в интернет-магазинах:

**BOOK
РОКУРО**

**E-BOOK
РОКУРО**

Наши страницы в соцсетях:

Контакты

e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

тел. +7- 922-221-46-16

